

АЛЕКСЕЙ САМОЙЛОВ

Я – книга

Алексей Самойлов

В одном из городских книжных магазинов появляется новорождённая Книга, и зовут её Безусловная Любовь. Активная и любознательная, она сразу же начинает познание себя через общение с окружающим миром: знакомится с другими Книгами и предметами, попадает к людям, читается и переживает множество приключений. В видениях, возникающих у героини во время чтения, она видит распятого на кресте человека, а затем обращается в девушку по имени Анна — одну из учениц Иисуса Христа. Будучи в облике Анны, Книга узнаёт, что скоро предаст своего Учителя. Возвращаясь в тело Книги, героиня ищет смысл существования в наслаждении настоящим моментом, даже не догадываясь о том, что жизнь её последнего читателя теперь зависит от её собственной жизни. «Я — книга» уникальна тем, что повествование в ней ведётся от лица героини-Книги. Это позволяет почувствовать всё волшебство книжного мира изнутри, а мир людей увидеть необычными глазами книг, живущих на полках книжных магазинов и стальных шкафов.

Алексей Самойлов

Я — книга

В книге использованы цитаты из книги Пола Феррини «Любовь без условий»

...Итак, согласно церковным канонам, Сретение — это встреча последних праведников Ветхого Завета Симеона и Анны с носителем Нового Завета Иисусом Христом, в лице Которого встретились божество и человечество. Рассказывая об обычаях и приметах большого христианского праздника Сретения Господня, мы также хотим упомянуть о том, что по времени он совпадает с древним славянским обрядом почитания огня — так называемым языческим праздником Громницы...

Русские народные праздники, обряды, обычаи

Смысл — это не то, что заключено в тексте, а то, что рождается непосредственно в процессе чтения. Текст — это только набор букв, художественное же произведение — набор смыслов. Читатель не является соавтором текста как такового, но он, безусловно, является соавтором художественного произведения.

С. Алхутов

Оборонённый святостью Даров,
Мой дух разрушит плотское заклатье –
Я выйду к тайне сопряженья слов,
Ложась к подножию Распятыя...

С. Калугин

Пролог

— А ты что скажешь, Анна?

Под ждущими ответа взглядами учеников я занервничала, пытаюсь вспомнить вчерашние слова Учителя. Там было что-то про воровство: если у тебя отобрали предпоследнюю рубаху, то отдай последнюю. Боясь ошибиться, я пробормотала, не открывая глаз и не чуя губ:

— Не знаю. Я не знаю, кто я и зачем родилась. Я пришла к тебе, чтобы это узнать.

— Ты узнаешь, — сказал Учитель и повернулся к остальным.

Чья-то невидимая ладонь нежно дотронулась до моих век, и я вылилась из человеческого тела. Только эхо до мурашек знакомого голоса ещё долго колотило каждую мою уже существующую страничку колокольным звоном. Я открыла глаза, но ничего не увидела, и молнией вспомнила, кто я такая. Я вспомнила, но не могла назвать: слово вертелось на языке и терялось где-то в глубинах памяти.

— Руко... руко...

Я закрыла глаза и снова увидела людей. Учитель убрал ладонь. Он благодарно улыбался, и я спросила:

— Иисус, а я действительно Рукопись?

— Да, душа моя, — ответил он, а затем обратился к окружавшим его ученикам: — Все мы кажемся живыми, но мы ещё не рождены по-настоящему. Истинное рождение случится только после смерти нашей видимости. Эта видимость — видимость того, что мы есть наши тела — должна умереть.

— Но мы это знаем. Мы не только тела, — заметил Фома.

— Дух — женское начало, плоть — мужское. Именно для того, чтобы вы лучше понимали меня без слов, я начал приглашать Анну на наши тайные встречи. С этого дня Анна — наша сестра.

— Я хочу поскорее родиться! — воскликнула я.

— Ты родишься, — Иисус ласково посмотрел на меня. — Я обещаю.

— А вот мне не кажется уместным её появление среди нас, — неожиданно возразил Пётр. — Учитель, ты не спросил никого, хотя раньше всегда советовался хотя бы с Иудой. Что скажешь, Иуда?

— Скажу, что не принесёт она тебе пользы, Учитель. Она предаст тебя.

Иисус положил руку на плечо любимому ученику:

— Иуда... Предательство — великая польза, если совершается по любви.

— Не понимаю тебя...

Я тоже перестала улавливать смысл происходящего. Глядя на свои медленно тающие руки и пытаюсь прикоснуться к исчезающему лицу, я ощутила странную резь в глазах... и очнулась в небольшой уютной комнате на столе из красного дерева. Беззвучно тикали настенные часы, за окошком накрапывал мелкий осенний дождь. За столом сидел пожилой мужчина в больших очках и что-то записывал в толстую тетрадь.

Вдруг он на секунду задумался и взял меня в свои тёплые руки.

— Ты чудесная! — сказал он. — Я очень люблю тебя! Ещё пара абзацев, и, пожалуй, будем завершать. Скоро ты станешь самой настоящей Книгой.

Я быстро-быстро закивала, боясь, что добрый человек исчезнет.

Но он лишь подмигнул мне и прикоснулся к верхней страничке, мягко уколов её. И я почувствовала такое невыносимое блаженство, что сразу растворилась в нём вся и полностью — до самого кончика буквы «б» в слове «Любовь».

1. Рождение

Я открыла глаза, но не увидела света. Вокруг меня недоумённо хлопали глазами странные существа в мягких переплётах с одинаковыми рисунками на обложке. Они оглядывали меня со всех сторон, копошились и попискивали. От этой суеты соседи оживали и принимались подражать тем, кто привёл их в чувство.

Я знала, что я — Книга. Откуда во мне появилось это знание, я понять не могла. Поскольку других сведений о себе обнаружить не удалось, я озвучила то, что было:

— Я — Книга.

Мои соседи моментально откликнулись, перестали рассматривать меня и начали ощупывать и обнюхивать себя. И в гнетущей темноте раздался робкий шёпот, эхом пронёсшийся по рядам:

— Я — Книга... я — Книга...

Вдруг всё вокруг неожиданно подпрыгнуло вверх и полетело. Куда мы летели, я не знала, но это продолжалось совсем недолго, и вскоре последовало приземление. Оно было резче прыжка и оттого — очень чувствительным. Острая боль пронзила всё моё тело, и я потеряла сознание.

Когда я открыла глаза во второй раз, то... увидела что-то яркое и услышала что-то шумное.

— Привет, новенькая! Очнулась? — спросил кто-то.

Я кое-как покосилась налево и разглядела ещё одну Книгу. Кажется, она улыбалась.

— Привет! Это мне от света ничего не видно?

— Такая новенькая, а уже умные вопросы задаёшь! — рассмеялась соседка. — Давай знакомиться. Меня зовут Весёлая Наука.

— А меня как? Я не знаю.

— А тебя — Безусловная Любовь. У тебя на обложке написано. Ты что, читать не умеешь?

— Мне это имя ни о чём не говорит, — погрустнела я. Наверное, было бы здорово родиться на свет и уметь всё сразу!

— Это потому, что тебя ещё никто не читал, — объяснила Весёлая Наука.

— А тебя?

— И меня никто. Поэтому я тоже не понимаю смысла своего имени.

— Эй вы, — неожиданно кто-то пихнул меня справа, — потише, пожалуйста. «Читал — не читал...» Какая разница! Мне мыслить надо, а вы мешаете.

Я уже привыкла к свету и оглянулась направо. Моей второй соседкой оказалась большая толстая синяя Книга в твёрдом переплёте, задумчиво смотрящая куда-то вдаль.

— Вас зовут... эээ... Учение Храма? — я неожиданно научилась читать и тоже посмотрела вдаль. — Похоже, мы попали в какой-то научный центр.

— Какая ты смешная, новенькая! Мы в Книжном Магазине! — рассмеялась Весёлая Наука.

На некотором расстоянии от нас я увидела много-много полок со всякими Книгами и тёмные силуэты что-то внимательно ищущих людей.

— Давай я тебе всё объясню, только шёпотом, чтобы не отвлекать Учение Храма от его мыслей.

Я подставила ушко, и Весёлая Наука, сверкнув ярко-зелёной обложкой, защебетала:

— Два месяца назад я была такой же, как ты. Я родилась, открыла глаза, затем полетела, приземлилась и сильно ударилась. Оказалось, что меня принесли со склада и бросили в кузов машины. Затем я очутилась здесь, на этой полке. Обычно Книги после рождения попадают в Книжный Магазин, где их покупают люди, чтобы читать. Меня пока не купили, но я очень надеюсь, что это скоро произойдёт. Потому что мне очень хочется быть прочитанной.

— Но здесь, в Магазине, очень много Книг, — возразила я. — И тебе очень долго придётся ждать, пока тебя купят.

— Эти Книги все разные, понимаешь? — Весёлая Наука подмигнула мне. — И каждый человек ищет нужную ему Книгу. Однажды кто-нибудь найдёт именно меня. И тебя тоже найдут, то есть купят — рано или поздно. Просто ты ещё новенькая и пока не знаешь, что такое чувствовать себя кому-то нужной.

К чему она подмигнула? О чём? Зачем? Я спросила:

— Разве мы все разные? Разве таких, как я, больше нет? Мне показалось, что когда я родилась, вокруг меня были очень похожие на

меня Книги.

Весёлая Наука замахала метафорическими руками, засуетилась, поджала губы.

— Да, то есть нет. Как бы тебе это объяснить?

— С самого начала и в подробностях, — потребовала я.

Соседка артистично почесала переплёт, сосредоточилась и рассказала:

— Ты не сама родилась, тебя родили люди. Это ты понимаешь? Так вот. Те, кто тебя родил, не совсем люди, вернее, совсем не люди. Это Боги. Их зовут Типографами. Они родили тебя и ещё множество твоих сестёр, которые точь-в-точь такие же, как ты, и которых зовут так же, как и тебя. Их развезли по разным Книжным Магазинам, а в этом Магазине ты, скорее всего, одна.

— Но если у меня есть одинаковые сёстры, значит, я не уникальна? И человек, которому я нужна, пойдёт в другой Магазин и купит там мою сестру. И я окажусь бесполезной...

От внезапно накатившего отчаяния я едва не заплакала. Весёлая Наука сочувственно посмотрела на меня и ласково погладила по обложке.

— Надо верить в свою счастливую Судьбу, — сказала она. — Знаешь, что такое Судьба? Это значит, что тебя купит и прочтает именно тот, кому ты действительно нужна. Такой человек только один во всём городе. Сейчас я докажу тебе, что Судьба есть, и она всегда одна.

Весёлая Наука надела специально припасённые для доказательства Судьбы невидимые очки.

— Моя соседка по имени Тринадцать Врат, которую купили неделю назад, рассказывала мне древнюю как твёрдый переплёт легенду. Говорят, в нашем городе есть такие Книжные Магазины, в которых много-много Книг-сестёр стоят на одной полке рядом друг с другом. Представь, что ты — одна из этих сестёр. Когда в Магазин приходит человек и находит эту полку, он смотрит либо на тебя, либо на кого-нибудь из твоих соседок. Если он выберет тебя — значит, это человек, которому ты и вправду необходима. А если выбор падёт на твою сестру, значит, ты ему не нужна. Ты должна быть благодарна ему за то, что он тебя не купил, потому что ужасно быть приобретённой тем, кому ты безразлична!

— Это всё научная ересь, — слышалось справа.

Оказывается, Учение Храма давно перестал смотреть вдаль сквозь книжные полки. Он активно прислушивался к рассказу Весёлой Науки. Видимо, неожиданное появление меня выбило его из колеи раздумий.

— Он вечно со мной не согласен, — вздохнула Весёлая Наука и совсем уж тихим шёпотом добавила: — Сейчас и тебя прогрузит.

— Да ну вас. Живите своими иллюзиями, — Учение Храма закрыл первый глаз.

— Расскажите, пожалуйста, — попросила я. — Я хочу всё знать.

Учение Храма хмыкнул.

— Пока тебя не прочтут — ничего не узнаешь. И чем больше людей тебя прочитают, тем больше ты узнаешь. А Судьба — это дешёвая выдумка для наивных молоденьких Книжечек.

— Значит, вы тоже ничего не знаете, ведь вас ещё не читали!

— Может быть, я смогу это узнать, не будучи прочитанным, и рассказать о своём знании читателям, — заявил сосед.

— А у вас нет сестёр, то есть братьев?

— Есть. Но они меня не интересуют.

— Все ваши братья и мои сёстры — одинаковые?

— Мы придумываем много доказательств того, что они разные. А на самом деле... постой на полке с моё, понаблюдай за вечно суесящимися Книгами и незнамо чего ищущими людьми, посозерцай бесконечное пространство и иллюзорное время. И, может быть, тебе не захочется быть прочитанной.

— Вам не хочется, да? — догадалась я.

— Это слишком простой путь, — ответил Учение Храма и закрыл остальные глаза.

Я повернулась к Весёлой Науке, и соседка обречённо кивнула, поняв, что её сегодняшний день полностью занят мной.

2. Первый покупатель

Весёлую Науку купили на следующий день — так неожиданно, что мы с ней даже не успели обменяться номерами книжных телефонов. Но свой единственный сон рядом с ней я никогда не забуду. Весёлая Наука положила свою тёплую руку мне на обложку, чтобы я смогла заснуть, — ведь она знала, как это трудно сделать впервые.

А приснились мне чёрные люди в белых халатах и с нимбами над головами. Они производили руками таинственные пассы и извлекали из воздуха разноцветные завёрнутые в целлофан Книги. И у каждого из этих мрачных людей на лбу было выдавлено клеймо «Типограф».

Подтянутый бородатый мужчина в нелепых очках и кожаной куртке сунул Весёлую Науку под мышку, даже не пролистав её предварительно. И моя бывшая соседка крикнула:

— Это Судьба!

— Поздравляю!.. — крикнула я в ответ.

А Учение Храма лишь приоткрыл на секунду левый глаз и насмешливо хмыкнул.

С исчезновением Весёлой Науки у меня появился новый левый сосед, который тоже не успел попрощаться с ней. Его звали Садам Вечности, и это имя никому из нас ни о чём не говорило. Я сразу же задала ему мучающий мою душу вопрос:

— А ты не общался с Книгами, которых уже прочитали?

— В этом Книжном Магазине таких нет. В лучшем случае тебя просто полистают, — ответил Сад Вечности, — но я расскажу тебе две бесконечных, как сама жизнь, легенды. Хочешь послушать?

Сад Вечности выглядел серьёзнее и говорил увереннее, чем Весёлая Наука, но не казался таким неприступно недоверчивым, как Учение Храма, из которого и закладку клещами не вытащишь.

— Подставила ушко, — и я зачем-то подмигнула ему.

— Легенду первую я услышал от одного молодого человека, который листал меня на днях. Это большая редкость — услышать что-то о Книгах от человека, потому что обычно люди молчат, а читать их мысли Книги, к счастью, не умеют.

— Почему к счастью?

— Потому что, я уверен, ничего хорошего люди о нас не думают! Так вот, в нашем городе, оказывается, существуют Книжные Магазины, в которых можно взять Книгу с полки, сесть в уютное кресло, прочитать её и вернуть обратно, не покупая. Этот молодой человек прочитал уже двадцать две Книги. Он приходит в Магазин, берёт Книгу, читает её один час и затем возвращает на полку.

— Вот это да! — я ушам своим не поверила. — Значит, в подобных Магазинах Книги могут быстрее обо всём узнать? И рассказать об этом тем Книгам, которые... — и я кивнула на Учение Храма.

— Да, — Сад Вечности умно посмотрел в потолок. — Из этого следует вторая трактовка идеи Судьбы. Судьба — это сразу после рождения угодить в Читающий Магазин. Но, как говорится, одна Книга сразу в два Магазина не попадает.

— Ну, замечательно. Значит, мне крупно повезло.

Опять на душе стало противно и тоскливо. Знала бы я, о чём мне ещё расскажет Сад Вечности — выплакала бы все свои горькие слёзы сразу же. Такая уж я ранимая Книга, ничего не поделаешь!

— Удача дважды отвернулась от тебя, — продолжил рассуждать сосед. — Потому что существует другая легенда, правдивая, как алфавит. В нашем городе есть такие Книжные Магазины, в которых человек может бесплатно взять любую Книгу с полки, принести домой, прочитать её, а затем снова вернуть в Магазин. Эти Святые Магазины называются Библиотеками. И некоторые Книги, их очень немного, с самого рождения попадают в Библиотеки! Отсюда пошло выражение — «Ну ты и попал, как Книга в Библиотеку!»

И Сад Вечности надулся, преисполнившись собственной значимости. А я больно прикусила язык и с головой окунулась в безбрежное море печали. Вот что такое настоящая счастливая Судьба — с рождения быть Книгой в Библиотеке! Тогда тебя прочитают многие! Тогда ты постоянно общаешься с Книгами, которых читали десятки людей! И каждому из них ты будешь нужна, ведь наверняка в Библиотеки приходят самые что ни на есть святые люди!

— Ещё одна научная ересь, — буркнул между тем Учение Храма.

Как он умудряется слышать и слушать одновременно, я пока не понимала.

— Почему? Почему?! — отчаянно не согласилась я. — Может, быть однажды прочитанной — и простой путь познания себя, но быть

зачитанной до шелушения страничек — это прекрасно, это счастье, это свобода!

— Хы-хы! — неприятно ухмыльнулся Учение Храма, — все эти твои библиотечные Книжонки — раздувшиеся от гордости бестолковые Словари, от которых за версту разит вонючей пылью, древесной перхотью и лицемерием!

— Вы не можете их оскорблять, вы не были в Библиотеке! — закричала я, а мой переплёт запылал от праведного возмущения.

— Есть знание, не даруемое опытом, — спокойно ответил сосед.

Совершенно не поняв этой последней тирады, я смертельно обиделась на Учение Храма и грустно посмотрела вдаль. Может быть, люди умнее Книг, и стоит прислушаться к тому, о чём они говорят?

Следующую неделю я пыталась это практиковать и заметила поразительную вещь: мы, Книги, очень редко слышим людскую речь и ещё реже видим лица тех, кто говорит. Люди в наших глазах кажутся тёмными ходячими силуэтами, а их говор в наших ушах — гул, сквозь который иногда пробиваются слова. Когда люди подходят к нашей полке, сквозь пелену серого тумана проступают их лица — такие странные и похожие на восковые маски.

По услышанным обрывкам слов я поняла, что люди, в основном, говорят друг с другом, иногда — с самими собой и почти никогда не говорят с Книгами. По крайней мере, ни ко мне, ни к моим соседям никто не обращался. Хотя один лысеющий юноша в майке навывпуск вечером второго дня полистал Сада Вечности — в этот момент внешность человека была хорошо различима. Листал он молча и сосредоточенно, затем сдвинул брови, плюнул (хорошо, что не в Книгу) и вернул соседа обратно на полку. Я спросила:

— Что чувствует Книга, когда её листают?

— Приятно, но по большому счёту — ничего хорошего. Сразу видно — не Судьба, — ответил Сад Вечности.

А люди... их силуэты шли мимо нас, редко задерживались на секундочку, произносили всякие глупости, Книгам неслышимые, а если и слышимые, то неинтересные. Тренькали телефоны, и люди рассказывали, что находятся в Книжном Магазине. Пару раз я слышала «Вот эту Книгу я ищу!», и невидимых с моей полки родственников покупали. Оно, конечно, обнадёживало, но я уже потихоньку начинала нервничать. Учение Храма по этому поводу

бросил ставшее традиционным: «Постой, подобно мне, годика два ни разу не листанным, и всё пройдёт...».

Но я не хотела идти путём своего старшего соседа, продолжая засыпать Сад Вечности разнообразными вопросами.

— А почему люди кажутся такими далёкими?

— Потому что их Мир совсем не похож на наш, и эти Миры редко пересекаются.

— Значит, когда Миры пересекаются, мы можем видеть и слышать людей, да?

— Да, но каким образом пересечь Миры, я не знаю.

— А почему Книги не могут заговорить с людьми первыми?

— Могут, только люди их не слышат. Я пробовал — бесполезно.

Я тоже попыталась — вечером третьего дня, перед самым закрытием Магазина. Чего я только не выкрикивала: «Я — твоя Судьба!», «Купи меня за бесплатно, пожалуйста!», «Полистай меня, человечество!», «Услышьте меня, о чёрная девушка с пышной причёской!» и даже «Вынь бананы из ушей, силуэт в чепчике!» Своим буйным поведением я довела Учение Храма до розовато-голубого каления обложки, и он, не выдержав, в ярости воскликнул:

— Будьте вы прокляты, Типографы, за то, что не дали Книгам возможности двигаться без помощи людей!

Я удивилась реакции соседа — обычно он выглядел не живее истукана.

— Между прочим, — надев маску спокойствия, заметил Сад Вечности, — Учение Храма только что произнёс самое древнее проклятие Книжного рода. Оно древнее, чем тишина и пространство, бесконечнее, чем река времени, и правдивее, чем пятнадцать тысяч китайских иероглифов!

— А мне плевать на все ваши проклятия! — заявила я, вспоминая лысеющего навывпуск, — меня люди не слышат!

После этого пассажа оба соседа объявили мне трёхдневный бойкот, игнорируя моё нытьё и слёзы. Если от Учения Храма я ожидала получить такую горькую пилюлю вместо утреннего кофе в постель, то вот Сад Вечности, с которым мы почти подружились, очень сильно расстроил. До того расстроил, что я, совсем юная и гиперчувствительная по натуре, впала в детскую депрессию.

Конечно, я много редела, грызла полку, много копошилась и накручивала себя. Моё прошлое было туманным и непонятным, а будущее — безутешным и мрачным. Что, если меня и через месяц, и через год не купят? Что, если меня никто никогда не прочтает? Неужели я так и буду вечно гнить на противной полке этого дурацкого Книжного Магазина, гори он вместе со всеми покупателями фиолетовым пламенем!? В результате я не испытаю никаких новых ощущений... не случится чуда, и я никогда не попаду в человеческие руки... а уж про Библиотеку вообще забудь, глупая Книжужка... и превращусь я во флегматичного меланхолика по имени Учение Храма, который на самом деле зануда, пофигист и лузер.

И даже когда меня впервые в жизни полистали, депрессия не прошла. Ну, полистали, подумаешь? С кем не бывает? Это ведь не Судьба. Я даже не обратила внимания на человека, который это сделал. Я даже не захотела почувствовать тепло бережно держащих меня рук и нежность любознательного взгляда. Полистал он меня и поставил на место. Даже не полетала... а ведь я помнила, как забавно и необыкновенно — летать. И как больно и нелепо — приземляться.

Сад Вечности сжалился надо мной и начал разговаривать, но теперь я его не слышала. Он предложил покричать со мной хором на весь Магазин, но мне не нужна была его жалость. Его уже трижды листали, пока я задыхалась от безнадёги. Многие Книжки покупали — я видела, как их брали и уносили. Я пару раз крикнула им, пыталась спросить: что они чувствуют? Но, похоже, Книжки в предвкушении покупки теряли дар слуха.

И поняла я это спустя две недели и четыре дня после рождения.

Рядом со мной появилась длинноволосая девушка в розовой кофточке и с воздушным шариком в руках, на котором было написано его имя: «Smile». Я увидела её, как только она взяла меня с полки и начала листать. За это время я успела попрощаться с Учением Храма, который почему-то не хмыкал, а улыбался — может, впервые в жизни. Затем мне пожелал удачи Сад Вечности и жестами произнёс что-то про молодость и ранимость. А девушка закрыла меня и прижала к своей груди.

Господи, Типограф ты мой!!! Мою депрессию как ветром сдуло... Такого блаженства я не испытывала... давно?!..

Но как я могла помнить о нём, если это был первый опыт в моей жизни?

И я даже не заметила, что ко мне прижимается ещё одна Книга. И мы летим с ней вместе, и она тоже трепещет и молчит...

Мы подлетели к кассе. Девушка в розовом шарике с кофточкой на голове... Типограф родной, что я несу? От волнения... от волнения... я уже улыбаюсь, я совсем не плачу. Я счастлива...

— Двести семьдесят рублей сорок копеек, — говорит силуэт кассира.

Вижу, как кофточка в розовой девушке роется в своём кошелёчке... выскребает оттуда всю мелочь...

— Мне не хватает.

Розовость плачет. Или мне это кажется?

— Возьмите одну Книгу, а вторую оставьте, — советует силуэт кассира.

— Хорошо, — соглашается шарик.

И я опять лечу. Я даже не успела узнать, как зовут ту Книгу, которую выбрали вместо меня. Может, когда-нибудь я узнаю это — сейчас ещё рано, я ещё совсем маленькая и наивная дура...

Летать — это приятно, это восхитительно, если не знать, куда ты летишь.

Девушка поставила меня обратно на полку. Но она не запомнила, с какой полки меня брала, и поэтому воткнула меня, не глядя, между двумя незнакомками.

Я переселилась этажом ниже в полку напротив той, где жила до этого.

Что ж, с новосельем, самая последняя неудачница по имени Безусловная Любовь! Добро пожаловать в сплин! Здравствуй, лиловая депрессия! Печатный станок вас всех раздери, сволочные люди!!!

3. Второй покупатель

Новые соседи, даже не успев со мной познакомиться, сразу же надоели вопросами. Пришёл черёд держать ответ, чего я до этого момента старательно избегала.

— Тебя читали? Тебя купили? Откуда ты прилетела? Сколько тебе дней? — начала левая соседка, жёлтая упитанная Книга по имени Если Жена Стерва.

— Почему ты здесь? Зачем ты нас разлучила? Ты была в Библиотеке? — подхватил правый сосед, светло-синий и тоненький-претоненький, и звали его Опытом Дурака.

Я вкратце пересказала историю своей недолгой жизни. Если Жена Стерва меня пожалела, а я пожалела её. А Опыт Дурака заметил:

— Хватит жалеть друг друга, глупые Книжоночки! Лучше давайте помолимся: не дай Типограф нам такой Несудьбы, как у Безусловной Любви!

Не успела я узнать возраст моих новых соседей — оказалось, что они двое, вместе взятые, моложе меня на 5 дней — как сначала её, а затем его начали активно листать. У этой полки люди проявляли куда большую активность, чем у предыдущей. Я не могла понять, почему так происходит. Поинтересовалась у Опыта Дурака.

— В Магазине бывают счастливые полки, а бывают несчастливые. Я это сразу понял, потому что за первый день моей жизни люди купили пять моих соседей. Вот увидишь, тебя тоже скоро купят настоящему.

— А тебя?

— И меня тоже. Вот тогда и начнётся крутая жизнь!

Его нездоровый оптимизм вернул мне силы, и я подумала, как глупо вела себя всего полчаса назад. Придумала какую-то там новую депрессию! На самом деле, я должна сказать «спасибо» розовой кофточке за то, что она переселила меня с несчастливой полки! И я сказала — очень громко, так, чтобы полки задрожали, а все Книги затрепетали:

— Спасибо тебе, девушка с шариком! От всей души тебя благодарю!

Но люди не обращали на книжные вопли никакого внимания. И уж тем более меня не услышала та, к кому я обращалась, поскольку она уже покинула Магазин.

— Люди глухи с рождения. Глухи ли Типографы? — спросила я саму себя вслух.

— Мне кажется, что нет. Если бы не Боги, кто бы создал счастливые полки? — откликнулась Если Жена Стерва.

— А как зовут тех, которые Боги наоборот? — осмелела я.

— Мой вчерашний сосед с длинным именем Психологический Практикум Для Чайников рассказывал, что их зовут Идиотами.

— Значит, Идиоты воюют с Типографами! Значит, скоро наступит Книгогеддон, случится последняя битва, и сильная армия Типографов победит трусливую армию Идиотов.

— Откуда ты набралась такой чуши? — спросил Опыт Дурака.

— Не знаю. Не знаю, откуда я это знаю. А ещё я знаю, что раньше Идиоты сжигали Книги. Я вдруг вспомнила, — сказала я, удивляясь своим словам.

— Ты сама что ли видела? — не поняла Если Жена Стерва.

— Идиоты сжигали Книги, а потом Типографов. После чего один Типограф по имени Генрих Гейне сказал, что Книги не горят.

— Ой, сложно всё это. Я бы на твоём месте не тратила юность на философствования, — и Если Жена Стерва отвернулась от меня к своему левому соседу.

— Это наверно очень больно — гореть, — задумчиво произнёс Опыт Дурака.

Я промолчала, потому что мои необъяснимые знания закончились.

Близился вечер. Покупатели потихоньку покидали Магазин. Я подумала: насколько мне просто понять какую-либо Книгу — настолько же сложно понять людей. Я уже могу разобраться в Книге, не читая её, а человека вообще нельзя прочитать, ведь он — не Книга. Но человек нужен мне, я же не могу прочитать саму себя! Наверно, невозможность прочитать себя — это второе древнее проклятие, и все Книги прокляты...и вовсе не Типографами, а Идиотами! Мне не верилось, что Типографы способны поступить так подло со своими созданиями.

Соседей раскупили на следующий день. Если Жену Стерву приобрело юное накрашенное существо в короткой юбочке и с

конфетой во рту, а Опыт Дурака достался мужчине профессорского вида с корзинкой для грибов. Обоих людей я разглядела всего на мгновение, а затем они снова обратились в тёмные силуэты. Опыт Дурака успел шепнуть мне свой символический номер телефона и пожелал поскорее обрести опыт читаемой Книги.

Может быть, он умел разговаривать с людьми так, чтобы его слышали, а может, обладал даром ясновидения. Не успела я познакомиться с новыми соседями и рассказать им о странных догадках Учения Храма, как передо мной возник пылкий юноша с бледным взором. Он долго смотрел на меня в упор — я отвлеклась от увлекательнейшей беседы с Если Муж Дурак, порадовалась, что вижу человека, и улыбнулась ему. Юноша взял меня с полки, но листал совсем не долго — он глянул мельком лишь на первую страницу.

— Тебя сейчас купят! — крикнул мне Если Муж Дурак. — Берегись!

— Почему? — не поняла я. — Я ведь буду счастлива?

— Этот человек сомневается в тебе, — ответил пронизательный сосед.

А мне показалось, что покупатель не сомневался. Сжимая меня в горячей руке, молодой человек пошёл смотреть другие полки, а я трепетала и молилась про себя: только бы он не взял ещё кого-нибудь! Вдруг у него не хватит денег на нас всех, и он не купит меня, а потом переселит со счастливой полки?

И мои молитвы были услышаны! Спустя пятнадцать минут я лежала в прохладной темноте рюкзака и куда-то летела за спиной первого настоящего покупателя! Я чувствовала огромное облегчение, поскольку магазинное прошлое, казавшееся таким бесконечным, теперь позади. Но мне было очень тревожно, поскольку впереди новый опыт, а я страшно боялась неизвестности!

В рюкзаке, помимо меня, летело множество разноформенных, незнакомых мне существ из разных миров. Я хотела поделиться с ними своими страхами, но существа молчали как Идиоты, не реагировали на прикосновения и даже не копошились.

Но и без общения с ними мой путь оказался увлекательным. Я приземлялась, причём совсем не больно, а потом вновь взлетала, теряя дары речи и слуха от резкого перепада высот. Осознавая много новых неприятных звуков, я то улыбалась, то морщилась... и вскоре, наконец,

увидела свет! Рука покупателя достала меня из рюкзака и переместила на пёструю, синевато-мягкую поверхность. Я поняла, что буду жить в этой комнате, дома у пылкого юноши, а значит, ещё тысячу раз успею здесь освоиться и перезнакомиться со всеми. От массы непривычных ощущений и полёта я серьёзно устала и с удовольствием уснула, прижавшись щекой к подушке с изображением ушастых котят.

4. Первый читатель

Проснулась я на руках у человека. Сколько я проспала — не помню, но сон был настолько занимательным, что поначалу я даже возмутилась неестественному пробуждению. Мне снился Учение Храма с козлиными ногами, карабкающийся на одну из вершин Гималаев, где я сидела в позе «переплётном наизнанку» и насмеялась над горе-альпинистом.

Покупатель держал меня открытой перед глазами. Полусонная, растерянная и нервная, я не успела ни как следует сосредоточиться, ни даже предвкусить это величайшее событие в моей жизни — первое прочтение.

Меня не листали — меня начали читать! С самой первой страницы!

Я поняла, что чувствую нечто непередаваемое словами. Наверно, так же себя чувствует ребёнок, впервые упавший с велосипеда, или мореплаватель, возвращающийся к родному берегу после долгого странствия. Может быть, это — восхитительное ощущение маленькой свободы, которое бывает лишь раз в жизни и больше никогда не повторяется.

А ещё я почувствовала себя большой, будто горный хребет, и значительной, будто мужчина профессорского вида. Такое впечатление, что раньше мне не хватало для жизни одной существенной части, но я спокойно обходилась без неё. Теперь мне казалось: я не могу без этой части жить, только что это за сущность, я пока точно не знала. А ещё я могу презрительно фыркнуть в лицо любому остолопу вроде Учения Храма, а с какой-нибудь фривольной дурочкой типа Если Жены Стервы и здороваться не подумаю!

Мой первый читатель перевернул страницу, и вдруг мне стало... безумно щекотно! Да, да, очень щекотно глубоко внутри, у самых корней страничек... и я задрожала. Ощущение было совсем не из приятных! Мне хотелось вовсе не смеяться, а поскорее избавиться от этого! Я затряслась в руках человека ещё сильнее, я натурально хотела выпрыгнуть из его рук и даже закричала:

— Прекрати, пожалуйста!

И он прекратил!

Ничего себе!!! Он меня услышал?! Люди слышат Книги во время чтения?..

Он отложил меня в сторону, не закрыв, — положил обложкой вверх. Не очень удобная поза, чтобы лежать, честно говоря!

Затем он взял телефон и начал кому-то звонить. Я решила прислушаться... и у меня получилось! Более того, я видела этого человека чаще, чем его тёмный силуэт.

— Привет, не разбудил? — заговорил мой читатель. — Это Николай, из студии.

Его голос звучал непривычно громко, и это не нравилось моему слуху. Зато я запомнила имя — Николай Из Студии.

— Слушай, тебе случайно не попадалась такая книжонка «Безусловная Любовь»? Купил чисто из любопытства, а там с первых страниц... ну полная ересь!

Он говорит обо мне! Что это значит: «с первых страниц — ересь?» Что такое ересь, я знаю. Николай Из Студии хочет сказать, что ересь — во мне?

— Не попадалась? — тем временем продолжал читатель. — Представь, автор этого бреда возомнил себя Иисусом Христом и пишет от его имени!

Автор? Кто такой автор? Может, он говорит про Типографа? Типограф написал Книгу про самого себя?

Что-то я запуталась. Автор, автор... до боли знакомое слово, но вот его смысл не вспоминался. Наверное, я ещё слишком наивна. Может, я о себе совсем ничего не знаю — и не узнаю, пока меня не прочитают. Даже Учение Храма не говорил, что у Книги есть автор. Но если автор и Типограф — разные люди, тогда кто из них Бог?

Пока я путалась в собственных мыслях и пыталась постичь очередную бесконечность ещё не приобретённого опыта, Николай Из Студии закончил говорить по телефону. Он снова взял меня на руки, которые странно пахивали прозрачностью и дискомфортом.

— Я всё-таки почитаю это, — сказал Николай Из Студии. — Будет что обсудить на форуме.

Он обратился ко мне! Я ушам своим не верила!

— Прочитай меня, пожалуйста, только не щекочи больше. Хорошо? — предложила я.

Николай Из Студии ничего не ответил, похоже, он углубился в меня. Неожиданно в глазах потемнело, комнатная реальность свернулась в тёмную точку и пропала. Несколько бессмысленных узоров сменили друг друга на экране сознания, и мне снова стало щекотно. Видеть, что происходит, я не могла, но прекрасно ощущала, как читатель небрежно перелистывает страницы, постоянно хмыкает, вздыхает и усмехается. Я дрожала и дёргалась у него на руках, чувствовала себя зябко и даже тоскливо. К тому же, никак не могла выгнать из головы эти дурацкие узоры в виде обрывающихся спиралек и чёрно-белых клеточек. От ощущения свободы не осталось и следа.

— Издают же такое! — наконец воскликнул Николай Из Студии, закрыл меня, заломив уголок страницы, затем бросил на жёсткий стол и куда-то ушёл, хлопнув дверью.

Мне послышалось «создают», и я крикнула в ответ:

— Да, создают! Я хорошая Книга!

Ни за что не позволю кому бы то ни было, пусть даже первому читателю, оскорблять моего Типографа!

Всё вокруг кружилось и не вставало на положенное место. Я была просто в шоке! Одна из страничек, с загнутым уголком, начинала противненько ныть. Что же случилось? Он прочитал более тридцати моих страниц, а я ничего приятного не почувствовала. Почему? Я ему не нравлюсь? Не нужна Между прочим, я ему не навязывалась и не прыгала в руки! Идиот меня раздери! Протёкшая авторучка!! Выпавшая закладка!!! Ведь посоветоваться даже не с кем... Николай Из Студии, будь он неладен, не поставил меня на полку с Книгами ... а я вижу полку — вон она, в паре метров от меня! На столе — лишь ваза с увядшими цветами да старая газета. И обе упорно притворяются, что неживые.

Что случилось? Он читал меня, но я не чувствовала ни его, ни себя. Ерунда какая-то, будто бы он меня просто листал! Да, приятно быть открытой — в страницах появилось что-то неизбежно-свободное. Но затем — эта неприятная щекотливая дрожь, будто бы он водил по мне острым неживым предметом! Она перебила весь позитивный настрой и испортила настроение.

— Эй, Газета! Э-э-эй! — я дотянулась до существа из близкого мира и прикоснулась к нему.

Она даже не вздрогнула.

— Давай знакомиться! Э-эй! Газеточка, пожалуйста!

Бесполезно. А вот что интересно — будет ли Николай Из Студии читать меня заново? Может, не так всё запущено, и голова у меня разболелась с непривычки? Может, я ему всё-таки нужна, и он просто неумело читал?

Я очень на это надеялась, поскольку Учение Храма повторял, что каждый второй читатель не умеет читать. Мне оставалось коротать время в размышлениях. Я много думала о загадочных авторах и не менее загадочных Типографах, пытаюсь как-то постичь то, что пока было за гранью моего понимания. Интуиция молчала, и для ответов на вопросы мне не хватало новых знаний. Чтобы хоть как-то унять головную боль, я закрыла глаза и представила, что карабкаюсь на Аннапурну вместе с Учением Храма. Вот глупость какая, зачем Книгам покорять горные вершины, да к тому же на козлиных ногах? Лучше уж сидеть наверху и плевать на тех, кто пытается! Эти нелепые фантазии немного помогли успокоиться, но большое количество непонятных мыслей и кривых вопросов всё равно угнетало. «Наверно, много думать — вредно», — в очередной раз подумала я.

Мой читатель вернулся ко мне следующим вечером. На этот раз он прочитал около ста моих страниц. Страничка, уголок которой он отогнул, потихоньку проходила, но это не особо утешало.

Мне уже не было щекотно — мне было просто дождливо и грустно оттого, что меня, на самом деле, не читают. После ста страниц я это поняла. Поняла, совсем не зная, что испытывают Книги, когда их действительно читают. Может быть, я слишком многого ожидала — и первый читатель благополучно разочаровал. А может, это — моё первое озарение?..

С этого момента я решила научиться чувствовать читателя. Я чувствовала, что Николаю Из Студии с трудом даются мои страницы, будто бы он в одиночку тянет по реке нагруженную свинцовыми нимбами баржу. Он не принимает эти страницы, он их отвергает, а его чёрные мысли-дыры активно атакуют моё страстное желание ему понравиться.

Это позволило узнать кое-что новое о себе: оказывается, во мне содержится НЕЧТО. Нечто, заставляющее людей меня не принимать. И это нечто никак не связано со мной нечитаемой. Отсюда я сделала два скоропостижно смертельных вывода: во-первых, я категорически

не нужна Николаю Из Студии, и, во-вторых, лучше бы он плюнул в меня с небес и не покупал, так как, купив, сделал мою Судьбу несчастливой.

Поэтому я отчаянно прогрустила и безудержно проплакала весь следующий день, лёжа на столе рядом с умирающей газетой и глухонемой вазой. И даже если бы рядом оказалась Весёлая Наука, моя первая и самая прелестная подружка, я бы проплакалась ей в переплёт, будучи принципиально неутешабельной, глупо хандрящей, бестолковой маленькой кретинкой!

А затем в комнату вошёл незнакомый силуэт человека (как впоследствии выяснилось — отец Николая Из Студии) и бросил на стол яркий блестящий журнал. И я очень удивилась, когда Журнал почти сразу заговорил со мной:

— Эй, дурёха, ты чего ревёшь, как этикетка от выпитой бутылки?

— Я не нужна-а моему чита-ателю... — прохныкала я.

Журнал как-то неадекватно рассмеялся:

— Тебя волнуют такие мелочи? Брось, забей и разотри в порошок!

— Тебя, небось, до дыр зачитали, да-а? Везу-у-ука!

— Меня? Да что ты, ещё успеют! Меня только купили, этот мужик прочитал в метро гороскоп и заметку «Первые признаки нежелательной беременности». Он долго и безуспешно матерился про себя!

— Стоп! Откуда ты всё это знаешь? — я торопливо утёрла слезы и насторожилась.

— Откуда-откуда? От лизоблюда! Да мне в Газетном Киоске рассказали! Там один Журнал у нас жил — всевидящий, всеслышащий и вездевынюхивающий. И звали его Альтруистом. Он всё про всех знает. Я так пожалел, когда меня купили — этот горемыка-прохвост такие мышьяковые байки травил — закачаешься, оглавление мне под зад!

— И что ты знаешь про Книги? Я ведь Книга! — с гордостью провозгласила я, вздёрнув носик и взмахнув длинными невидимыми волосами.

По ходу дела я вспоминала весь книжный жаргон, которому меня учила Весёлая Наука, и который мне жутко не нравился.

— Ну и что с того? Вижу, что не пустая тетрадка, — Журнал, похоже, не собирался проявлять ко мне уважение. — И чего ты хочешь

узнать про несчастные Книги?

— Хочу узнать, чем мы от Журналов отличаемся!

— Тем, что debilки вы все, набитые бессмысленным смыслом! Ни одной умной Книжки не слышал! А строите из себя Типограф знает кого!

— Я сейчас обижусь, — заявила я.

— Да обижайся на здоровье! Мне лично по печатному станку.

— Ну, если ты всё знаешь, скажи, кто такие авторы. И чем они от Типографов отличаются.

— Нашла что спросить, кулёма! Авторы — это те, кто сочиняют всякую чушь вроде гороскопов и заметок. Затем всё это помещают в таких, как я — уж не знаю, зачем. Только без Типографов эти авторы так бы и носились со своими заметками, как курица носится с писаной торбой. А теперь авторы гордятся тем, что их якобы где-то там напечатали. Идиоты! Это меня напечатали Типографы, а авторы здесь вообще не причём.

— Ты сказал «идиоты»? Ты назвал авторов словом, обозначающим тех, кто сжигает Книги!

— Конечно! Авторы и сжигают Книги. Книги, в которые другие авторы поместили свою писанину. Авторы — завистливые, подлые люди. Даже не люди — Идиоты!

— И что? Получается, во мне тоже есть писанина какого-то автора?

— Да, представь себе! И, может, не одного. Вот тебе мой совет, плакса — забей. Иначе горя не оберёшься. Живи себе спокойно, кайфуй, когда тебя читают, но ещё больше кайфуй — когда тебя не читают. Людям вредно много читать, крошка.

— Жаль, я не могу прочитать саму себя. Это Авторы-Идиоты прокляли весь наш род. А род Журналов они тоже прокляли?

— Чушь какая! Впервые об этом слышу! Ну я тоже не могу читать себя, только не понимаю, зачем мне это нужно.

— И других ты тоже не можешь читать?

— Ясный эпиграф! Как я могу читать других, если не могу прочитать даже себя? Книга, ты вообще чего несёшь, а? Глупая, как автобусный билет!

Я снова пропустила оскорбления мимо ушей. Какой надменный и хамоватый тип этот Журнал!

— Но мы с тобой можем друг друга понять, не читая, — попыталась я примириться.

— Вот и кайф! Только ты меня не понимаешь ни апострофа! Ну и лежи, реви себе дальше. А я гулять пойду.

— Что?! Как? Куда?? — от изумления я вытаращила глаза.

— Спрячь свои зенки! Есть такая штука — воображение! Впервые слышишь, да? Мир грёз — единственный реальный мир. Об этом ещё твои предки Манускрипты говорили! Всё, что ты видишь — иллюзия. А значит, всё, что ты не видишь — то есть сны, фантазии — всё, чего нет — и есть единственная настоящая реальность! А ты давай, спи наяву дальше. И выбрось из головы всякую дрянь по поводу авторов!

Журнал закрыл глаза и притворился неживым.

Ах, вот оно что... Неужели по этой причине все они, эти предметы, кажутся такими мёртвыми? Они с головой ушли в мир грёз! А может... они ушли в него навсегда?!

Я вспомнила Учение Храма. Он был живым. Немного странным, конечно, но живым. И мысли его были схожи с теми, что изложил мне сейчас Журнал. Учение Храма казался спесивым эгоистом, не очень-то стремился быть прочитанным и часто уходил в мир грёз.

Попробовать, что ли, уйти туда же? Журнал прав, жизнь — сплошная мука, хандра, сплин и крематорий. И даже моя депрессия, моя самая великая обожаемая тоска — и та иллюзия!

Я уже не знала, кому верить. Утёрла обложку, расправила странички, причесалась и решила для начала вздремнуть. Что бы там ни говорили, сон — замечательное состояние!

Вот только во сне я этого не ощущала, потому что мне опять приснился кошмар — толпы Идиотов с пятнами на лбах устроили костёр из Книг и Журналов, плясали вокруг него, подкидывали в огонь Книги и выкрикивали проклятия на тарабарском языке.

Проснулась я в холодном поту и Журнала рядом с собой не обнаружила. Наверно, отец Николая Из Студии забрал его.

А мой первый читатель дочитал меня через два дня. Он просидел дома вместе со своими родителями. Правда, ни отец Николая, ни его мать ко мне даже не притрагивались.

Грусть немного утихла, неприятные ощущения притупились — хотя я надеялась, что, может, Николай Из Студии изменит своё отношение ко мне. Нет... Он мял мои странички, нервно перелистывал

их... Он сопротивлялся, тяжело вздыхал, бубнил себе под нос, критиковал, но не читал. Значит, Несудьба. Когда он захлопнул меня, то ничего не сказал. Но мне удалось мельком заглянуть ему в глаза и заметить вместо них две пустых бездны беспокойного страха.

После чтения Николай Из Студии вернул меня обратно на стол и, превратившись в тёмный немой силуэт, засел за свой компьютер. А я вздохнула с облегчением...

Ну вот, спасибо! Сбылась мечта идиота! А ведь каждая Книга в Магазине мечтает быть прочитанной полностью! И что дальше? Разумный вывод напрашивался один — чувства, вызываемые чтением, скорее всего, зависят от того, кто тебя читает. Но теперь, после того, как я куплена и прочитана Николаем Из Студии, сможет ли меня прочитать кто-нибудь ещё? И каким, извините, образом он это сделает?! Сказать, что я была разочарована — ничего не сказать. Я была полностью подавлена и опустошена, но пока, наверно, не ощутила всю разрушительную силу равнодушия. Я смотрела на своего читателя издали — он прилип, как бумажный клоп, к монитору, и увлечённо стучал по клавишам. Понять, что он чувствует, я могла только приблизительно. Скорее всего, он тоже разочарован. И какого Идиота он меня купил?!

А ещё этот Николай Из Студии испугался. Он так же трясся в моих руках, как и я — в его. Ну да, он ещё называл ересью это самое НЕЧТО во мне. Писанину какого-то Идиота, если я правильно поняла Журнала. Значит, нет во мне ничего путного — и быть не может. Спасибо, дорогие Типографы, ещё раз за то, что родили меня сюда. Родите, пожалуйста, обратно! Забери вас фальцевальная машина!

Хотя теперь мне всё по печатному станку. Полежу пока на столе, а когда надоест, уйду в мир грёз. Навсегда. И гори оно всё красной строкой...

5. Второй читатель

Три дня я промучилась на столе в одиночестве, то впадая в бесполезное забытье, то возвращаясь в приторную явь. Николай Из Студии не догадался (или не захотел) поставить меня на полку. Это сделала его мама, когда убиралась в комнате, и за время маленького полёта я успела почувствовать, какие тёплые у неё руки.

Желая спастись от съедающей душу тоски, я сразу же набросилась на моих соседей: правого — толстую твёрдую Книгу по имени Сектоведение, и левого — не менее массивную красно-чёрную Книгу с именем Красное и Чёрное.

— Привет, привет! Меня зовут Безусловная Любовь! Меня недавно прочитал Николай Из Студии! А вас он тоже прочитал?

— Во-первых, его зовут просто Николай, — прохрипел Сектоведение. — А во-вторых, кто это посмел разъединить нас с соседом?

— Что у тебя с голосом? Ты болеешь?! — удивилась я.

— Маленькая ещё, чтобы мне «тыкать»! — возмутился Сектоведение.

— Это Тамара. Это она впихнула её между нами, — сказал Красное и Чёрное.

— Это Тамара, — передала я Сектоведению.

— Ну конечно. Местная язычница. Чтоб её больше никогда не издали! — и Сектоведение закашлялся.

— Книги могут болеть... — тихо произнесла я.

— Свалилась на нашу больную голову, — пробурчал в ответ Красное и Чёрное.

Какие-то они нелюбезные совсем. Но я снова осмелилась спросить:

— А от чего Книги болят?

— От жизни своей книжной, — ответил Красное и Чёрное. — Тебе, я вижу, ещё и месяца не исполнилось. А мне послезавтра двадцать восемь лет будет.

— Вот это да!! А Сектоведение...

— Он ещё ребёнок, четыре года всего. А уже спонтанную апатию подцепил. Так что ты даже по сравнению с ним — брошюрка

беспереплётная, поэтому будь любезна, не доставай нас своими вопросами. По хорошему просим.

Я заткнулась и закрыла глаза. Я была шокирована!

Конечно, эти мои соседи знали ВСЁ. По сравнению с ними медитативный Учение Храма и великий ясновидящий Журнал Альтруист были просто ни на что не годными буклетиками! А я... я вообще только вчера родилась. И вся моя слезливая рефлексия — просто комплекс неполноценности новенькой книжонки, беспомощной в своём инфантилизме.

Ждать, что они сами захотят заговорить со мной — глупо. Попытайся задать вопрос — ещё глупее. Что же мне делать?

Сектоведение кашлял и хрипел, Красное и Чёрное спал и грезил. Двадцать восемь лет. Фантастический возраст. И с виду особо не скажешь: слегка потрёпанный переплёт, взгляд хмурый и глубокий, голос уверенный и тон, не терпящий возражений.

Конечно, его уже читали, и не раз. Он всё знает — и про себя, и про Книги, и про людей. Вот Сектоведение в семь раз моложе — может, стоит пообщаться с ним, когда выздоровеет?

Думала-то я думала, только жизнь снова подбросила мне свой беспечный сюрприз. Накануне дня рождения Красного и Чёрного в гости к Николаю пришёл молодой человек по имени Серж. Ростом он был повыше и не носил бороду. Они с Николаем долго сидели за компьютером и беседовали о непонятных мне вещах: блютусах, скриптах, тэгах и такой-то матери. А затем гость спросил Николая:

— Есть что интересного почитать? А то знаешь, эти новомодные недокрученные писатели уже надоели. В какой магазин не зайди — горы бредовой фантастики и социальной порнографии.

Серж повертел пальцем у виска и подошёл к полке. Необъяснимо-приятная тревога поглотила меня, и вернулось чувство радости, которое я испытывала, когда к моей полке подходили люди в Книжном Магазине. Интересно, могут ли люди покупать Книги друг у друга? К тому же меня радовал сам факт того, что я вижу и слышу людей уже около часа!

Серж уставился на хворающего Сектоведение, вытащил его и начал листать. Красное и Чёрное внимательно наблюдал, а я ощутила некоторое облегчение. Серж положил Сектоведение рядом с полкой и... взял в руки меня!

И в этот момент Красное и Чёрное произнёс странную фразу, которую я расслышала краем уха:

— Асталависта, бейби. Слава Авторам, древняя магия всё ещё работает.

А Серж долго листал меня, повергая душу в священный трепет, а затем обратился к Николаю:

— Можно взять «Безусловную Любовь?»

— А, эту? Бери. Кстати, хочешь посмотреть, какой спор из-за неё разгорелся...

Серж подошёл к своей чёрной сумке и поселил меня в неё. И здесь я сразу же встретила ещё одну Книгу, по имени Старый Пруд.

— Привет, я прилетела! — защебетала я. — И очень этому рада! Оказывается, люди могут давать Книги друг другу просто так и не менять нас на деньги! Спрашивается, почему же так не делается в Магазилах. Зачем людям деньги, а?

— Повезло тебе, — ответил Старый Пруд.

— Да, я безумно счастлива! Серж будет моим вторым читателем. А тебя он уже прочитал?

— Серж очень любит меня. И у нас с ним это взаимно. Он часто перечитывает меня и никому не отдаёт. Потому что я ему нужен. А раз тебя отдали, значит, ты кому-то не нужна.

Я решила проверить свою догадку:

— А сколько тебе лет?

— Мне десять месяцев и девять дней.

— И ты счастлив?

— Да.

— Повезло тебе...

Старый Пруд вымученно улыбнулся, но я заметила в его взгляде недоверие. И, похоже, поняла его причину.

А потом Серж накидал в сумку лазерных дисков, и это разъединило нас со Старым Прудом. Диски эти только надменно пищали да презрительно скрипели, оказавшись не готовыми к налаживанию контакта с существом из другого мира.

Неожиданно Серж достал меня во время поездки на метро. Я ни разу не видела, что творится в метро, поэтому хотела понаблюдать за окружающим миром... но в то же время меня открыли на первой страничке — и желание разглядывать силуэты людей тут же пропало.

Ужасный грохот также быстро перестал мешать... потому что меня начали читать! В этот миг я забыла обо всех знакомых Книгах, о концепциях Судьбы, о полётах и боли, о Николае, о грусти и депрессии. С первой страницы мне стало ароматно жарко, и лицо покрылось липким потом. Мне захотелось увидеть глаза читателя, но я не смогла, потому что пришлось зажмуриться от их слепящего света. В моей гигантской душе всколыхнулось неведомое до сих пор чувство. Чтобы не потерять сознание от всего и сразу, я вцепилась в руки читателя и глубоко задышала. Это помогло — я и не знала раньше, что вовремя дышать — так приятно!

Что со мной?! Бешено кружилась голова, я падала в наполненную тёплым светом бездну, и только руки человека удерживали меня, как казалось, навесу. С большим трудом мне удавалось оставаться в переплёте, но внутри меня бушевал настоящий пожар. А когда Серж перелистывал страницу, огонь колыхался от ветра! Мне захотелось холодной воды — вот дикое желание, неосуществимое Книгами! Где-то в моих клеточках-складочках, в бумажных молекулах-генах, встрепенулся инстинкт самосохранения, предупреждающий: «Вода — это адская, мучительная боль!» Но сейчас я бы с радостью наплевала на инстинкты, потому что хотела взорваться и разлететься на тысячи маленьких страничек от такого ураганного наслаждения!

Что-то менялось в глубине меня, и краем сознания я понимала, что отныне моя жизнь больше не будет прежней. Вскоре не осталось ни сил, ни желания сопротивляться увлекающему в неизвестность сказочному потоку из ласкающего до судорог огня и заставляющей кричать от удовольствия неутолимой жажды. Я отпустила руки читателя и полетела...

Но это был полёт совсем иного рода, нежели простое перемещение наяву в пространстве. И пусть я также не могла управлять им — Книги вообще существа хрупкие и беспомощные. Зато я, бесконечно проваливаясь в клокочущее нежным пламенем чрево потока, видела яркие картинки из чьей-то неожиданной фантазии. Я видела старого ветхого человека, чья рука выводила на белой бумаге птичьим пером строчку за строчкой. И когда перо касалось бумаги, у меня было такое ощущение, что это кто-то внутри меня рисует буквы лезвием ножа. Только боли при этом не получалось — пожар затмевал собой всё.

Картинка пишущего сменилась другим видением — человека, распятого на кресте. Создалось впечатление, что я находилась среди толпы людей, выкрикивающих неясные слова на непонятном языке. Только я ничего не кричала, а просто смотрела на усталое лицо умирающего, пытаюсь поймать его взгляд. Затем кто-то из толпы поднял с земли камень и бросил его в распятого. Дурному примеру последовали другие. Я хотела остановить безумцев, но снова ощутила полную беспомощность.

Следующим видением был католический храм, а я находилась внутри, держала в руке карандаш и срисовывала икону Божьей Матери. С ума сойти — я оказалась в теле какого-то художника! Желая продлить сказочное переживание действия, я сосредоточилась на рисунке и увидела, что вместо лика у меня получается собственный, причём человеческий, портрет — смуглой женщины с густыми чёрными бровями и волосами до пят!

Сюжетное видение исчезло так же внезапно, как и появилось. Перед моими глазами с калейдоскопической пестротой замелькали загадочные цветные узоры и фигуры всех оттенков и форм. А из памяти, не успев даже закрепиться, медленно исчезали мутные черты собственного портрета.

Я парила, парила в мире невероятных грёз, какие мне до сих пор и не снились. Тем более, что я даже вообразить себя не могла человеком — только Книгой. В моих грёзах, казалось, было всё — волшебные переживания, скользкий трепет, чуткое удовольствие, бурный оргазм... но только казалось. Мне не хватало движений воздуха, ароматов, музыки, не создаваемой словами. Они не появлялись, а картинки не пропадали, когда я включала или выключала зрение.

А затем всё резко пропало в тёмном тоннеле ночи, словно я проснулась. Оказалось, что Серж заложил календариком страничку, закрыл меня и убрал в сумку. Пожар внутри утихал, но обложка ещё долго хранила страсть обнимавших меня рук.

Вот только на то, чтобы прийти в себя и всё обдумать, времени не хватило, потому что Серж, приехав домой и поужинав (я учуяла человеческую пищу по запаху), взял меня и утащил в спальню.

Моё тело снова бросило в жар. Но на этот раз он быстро схлынул, и я ощутила удивительную ясность ума. Глаза, конечно, пришлось закрыть из-за ослепительного внешнего света, но зато я могла

говорить. Я не знала, что говорю, слова сами рождались во мне и произносились знакомым женским голосом.

— Серж, что со мной происходит? Почему я не могу этого понять?

— Я читаю тебя, — сказал в ответ Серж. — То, что в тебе написано, удивительно.

— Я тебе нравлюсь?

— Да, очень! Я никогда не читал ничего подобного!

— Во мне что-то есть? Как это называется?

— Текст. Но это не повесть и не роман.

— Серж, знаешь... ты мне тоже очень нравишься! Ты понимаешь меня, я это чувствую, только я пока не могу понять себя. А ещё ты совсем не такой, как Николай!

— Николай просто тебя не понял. Он христианин.

— А я нужна тебе, Серж?

— Да. Ты пришла ко мне вовремя.

— Мне повезло с тобой.

Появился мужской голос, и я начала путаться. То ли я задавала вопросы и сама же на них отвечала голосом читателя, то ли я вообще молчала, читатель разговаривал сам с собой, а я его слышала.

— Прочитай меня, пожалуйста.

«Учись присутствовать в собственных переживаниях. Я не говорю «попытайся их понять». «Пребывать в них» не означает анализировать. Напротив, осознай, что понять переживание ты не можешь. Ты можешь либо быть с ним, либо рассуждать о нём — а значит, не быть с ним».

— Что это? — спросила я. — Это ты МНЕ советуешь?

— Нет, это ТЫ мне советуешь.

— Я не знаю, что это.

— Это текст в тебе.

Я снова вспыхнула и загорелась. Типограф ты мой родной, как же сказочно тепло и беспечно светло на душе! Это невероятно!!!

— Почему я плаю, милый?

— Потому что в тебе открывается то, что ты переживала, но не знала.

— Переживала? Когда?

— Когда тебя создавали.

Серж читал меня почти всю ночь, и только под утро, когда у него окончательно слиплись глаза, заложил календариком и сунул под подушку. Ему осталось прочитать совсем немножко, но, честно говоря, я была рада, что он прервал чтение. Потому как столько непрерывного счастья и небывалой радости сразу я выдержать просто не могла. Когда я перестала произносить слова, то попросту отключилась и очнулась только под подушкой.

Это было вершиной моего счастья — уютно лежать в обрамлении мягких перин, смотреть наяву забавные сны моего читателя и ни о чём не думать.

А снилась Сержу полноватая коротко стриженная девушка по имени Юля. Они гуляли по городу Парижу, потом заблудились в нём и никак не могли найти дорогу в отель. А затем они потеряли друг друга, Серж расспрашивал прохожих: не видали ли они русскую девушку в шляпе и с зонтом, но французы его не понимали и отвечали почему-то по-английски. Впрочем, все эти оттенки человеческого языка звучали для меня одинаково.

Утром Серж вытащил меня из-под подушки и дочитал. Несколько раз он прерывался, откладывал меня в сторону, долго ходил по комнате, курил и, видимо, о чём-то размышлял. А когда я завершилась, Серж обнял меня и прижал к своей груди. Я тоже обняла и поцеловала его, у меня закружилась голова, и я снова захотела потерять сознание от счастья. Но не получилось.

— Побудь пока здесь, — сказал Серж и... поставил меня на одну из многочисленных полок в огромном шкафу.

Нет, вовсе не поставил, а положил сверху на стопку других Книг. А до меня верхней Книгой в этой стопке был мой недавний знакомый Старый Пруд.

— Ой, привет! — радостно воскликнула я. — Серж только что прочитал меня! Ты себе не представляешь, как это было восхитительно! Он любил меня, и теперь я ему нужна!

— Вижу, вижу. У тебя это на лице розовыми буквами написано. Только зря обольщаешься, скоро он вернёт тебя туда, откуда взял.

— Да??? И правда... ты прав...

Я вспомнила о Николае, который купил меня и совершенно вылетел из головы. Я принадлежу ему, а не Сержу, и он потребует меня

обратно. И вряд ли Николай прочитает меня во второй раз, вряд ли полюбит...

— Послушай, — обратилась я к Старому Пруд. — Ты давно знаешь Сержа, и наверняка сможешь с ним поговорить, когда он снова возьмёт тебя почитать. Может, ты попросишь его купить меня у Николая? Я не хочу к нему возвращаться.

— Ишь ты какая хитренькая! — усмехнулся в ответ сосед. — Тебе нужно — ты и проси. А мне это зачем? Я — любимая Книга Сержа. И он всё равно не полюбит тебя так же, как меня!

— Не полюбит?! Враньё! Да он уже меня полюбил! Он обнимал меня, он так нежно гладил мои странички! Я испытала с ним настоящее наслаждение! Он даже спал со мной под подушкой и доверил мне свои сны!

— Ах, вот он как... — Старый Пруд перестал улыбаться и гневно сверкнул очами. — Что ж, я попрошу его немедленно вернуть тебя Николаю! Ты... гаденькая Книжонка! Прыцавая, маленькая выскочка! Ни абзаца из себя не представляешь, а уже хочешь отнять у меня любимого читателя! У тебя ничего не выйдет, так и знай! Ты — ничто по сравнению со мной!

И Старый Пруд отвернулся. Я была возмущена, я схватила его за переплёт и сказала:

— Ты меня не знаешь! Я не просто Книга, во мне есть Текст! А ты... ты пустой и жалкий!

— Отцепись, дура! В тебе какая-то идиотская писанина, а во мне — Стихи!

И Старый Пруд ударил меня. Было очень больно и обидно, я отвернулась от него и заплакала.

Теперь он точно скажет Сержу, чтобы тот отдал меня Николаю. Мне надо опередить его, мне надо сказать Сержу, чтобы он не слушал Старого Пруда, чтобы отдал его... отнёс обратно в Магазин! Я не хочу, не хочу, НЕ ХОЧУ к Николаю!!! Я хочу, чтобы Серж перечитывал меня ещё и ещё раз, чтобы он не читал больше никаких Книг, кроме меня! Я хочу, чтобы Серж увидел в моей писанине Стихи. Они наверняка во мне есть, только как, КАК мне доказать ему это, если я сама в себе не уверена?! Что же делать-то?..

Я заливалась слезами и тряслась в рыдании. Похоже, не тягаться мне со Старым Прудом. Серж читает его уже десять месяцев, а меня

только два дня. Но, Типограф мой, как же это безумно хорошо! Этот читатель — моя Судьба! Я не хочу отдавать его никому! Как же быть?!

Несколько дней я пролежала на полке в тяжёлом молчании и мучительных раздумьях. Старый Пруд больше ни разу не заговорил со мной, он пытался игнорировать наше соседство, но я чувствовала, какая волна гнева исходит от него. Я тоже боялась сказать что-нибудь не то и пошевелинуться как-нибудь не так. Я знала, что он сильнее, поэтому не хотела давать ему новых поводов для унижения. Мысль о том, что во мне — Текст Идиота, не давала покоя и разъедала нутро, начиная с восьмьдесят пятой странички.

Наблюдение за живущими в этой квартире людьми ничего не дало. Я видела Сержа, иногда слышала его, а других людей я совсем не знала и с трудом понимала. Однако они казались более могущественными, чем Книги, и почти волшебными существами. Ведь только в контакте с ними во время покупки или чтения я могла познавать себя и испытывать неповторимые ощущения разной степени приятности. Только люди могли перемещать меня в пространстве, и от них зависело моё будущее. Красному и Чёрному было двадцать восемь лет, и может, больше половины из них он простоял на полке. Когда я думала о такой перспективе для себя, то ужасалась и обливалась холодным потом.

Я много думала о Серже и своих странных видениях во время нашего общения. Я думала о Тексте внутри, и на моих глазах появлялись слёзы. Если Серж полюбил меня из-за этого Текста, то почему Старый Пруд назвал его «идиотской писаниной»? Я не верила в то, что мой читатель — какой-нибудь автор или, чего доброго, Идиот. Меня не может любить Идиот!

Очень хотелось спросить у Старого Пруда про того автора, который поместил в него Стихи. Но я боялась. Очень боялась, что из-за ревности Старого Пруда потеряю нужность моему читателю. При этом я сама ревновала и не знала, куда деться от этого разрушающего чувства!

Два или три раза на меня накатывало катастрофическое отчаяние. Два или три раза оно сменялось феноменальным блаженством! И всё потому, что я не могла забыть те фантастические минуты, когда Серж читал меня. Я хотела, чтобы это снова случилось со мной. И боялась, что этого больше никогда не повторится...

Потеряв счёт дням, я подолгу дрожала, наивно грустила, чувствовала себя то страшно одинокой, то непомерно счастливой. Но с каждой минутой одиночества становилось больше, а тоскливого масла в его совсем не радостный огонь подливал Старый Пруд, который находился близко и открыто ненавидел меня. И я тоже возненавидела его всеми бумажными волокнами своих страниц!

Из этого неприятного противоречивого состояния меня вывела девушка по имени Юля, которую я видела тогда во сне Сержа. Она появилась в комнате моего читателя наяву. Я решила послушать, о чём они рассуждают, сидя друг напротив друга на диване. И это получилось! Юля, оказавшаяся в реальности худой крашеной блондинкой, держала Сержа за руку и говорила:

— Ты какой-то отчуждённый в последнее время. Вчера вот не пошёл со мной в кино, и пришлось звать Гальку. А она мне надоела вечным нытьём о своей неудавшейся жизни. А после фильма вообще достала. На уме только одно: почему все мужчины спят с ней, а потом бросают. Вот не выдержу и как-нибудь скажу ей всё, что думаю!

— Ну и что ты думаешь? — спросил Серж.

— Я думаю, что тебе пора сказать мне, почему мы так редко видимся. А? Что случилось, милый?

— Да ничего не случилось особенного.

— Лучше расскажи. Я не слепая, я же вижу.

Юля встала и, сложив руки на груди, подошла к окну.

— Рассказывать решительно нечего. Мы с тобой видимся не чаще, чем нам необходимо.

— Смотри, Серёженька! Ты не заметишь, как я однажды не позвоню, затем не дождусь тебя после института, а затем сяду в белый «Мерседес» к своему прекрасному принцу и укачу в заоблачные дали. А ты проводишь меня взглядом и побредёшь к метро, думая вот о чём: «Какой же я балбес! И почему я ей тогда ничего не рассказал?»

— Белый «Мерседес» — это скучно! Настоящие принцы ездят только на метро, поэтому девушки их не находят. Не там ищут, понимаешь?

— Ещё одна такая заявка — и я решу, что Галька моя несчастная права. Серёжа, я не молодая наивная идиотка. И я слишком долго тебя искала, чтобы просто так взять и потерять из-за какого-нибудь пустяка, из-за маленькой недомолвки, из-за крошечной лжи. Будь другом,

скажи, как есть, или ты не доверяешь? Я что, слишком многого требую?

— Именно.

Юля резко обернулась и спрятала руки за спиной. Серж даже не шелохнулся. А я, как обычно, мало чего понимала. Отношения людей друг с другом и их громкие шумовые беседы меня не касались и никак не могли повлиять на мою неопределённую Судьбу.

— Пока ты будешь чего-то от кого-то слишком хотеть, ты не сможешь обрести счастье — ни со мной, ни с белым «Мерседесом», ни с чёртом лысым. И опыт твоей подруги Гальки это доказывает.

— Серёжа, что ты такое вообще несёшь? — Юля побелела, затем неожиданно покраснела. — Ты говоришь, что я тебе больше не нужна. Хорошо. Как её зовут, кто она? Я её знаю? Это опять Наташа? Вы что, с ней поссориться нормально не можете? Это она, да?

Я вздрогнула. Другой человек может быть так же не нужен, как и Книга. Похоже, что Юля не нужна Сержу, а значит, он вернёт её обратно — туда, откуда взял.

— Я говорю о том, Юленька, что в жизни ничего не определено. Таков её закон, и ты, пытаясь сделать мою жизнь предсказуемой, убиваешь во мне любовь. А любовь свободна от всяких форм. Она не может управлять, она может распространиться на много людей. И если ты мне приказываешь любить только тебя, то у меня ничего не получится.

Серж поднялся с дивана и подошёл к нашей со Старым Прудом полке. А Юля уже сидела в кресле и заливалась слезами. Она не слышала слов Сержа, а я сильно перепугалась, когда он неожиданно взял меня в руки, которые пахли морозом и сильно тряслись.

Он шагнул к Юле, уже превратившейся в тёмный силуэт, протянул ей меня и сказал:

— Здесь написано о любви. Я долго сомневался в том, что всё так и есть на самом деле. Я не хотел верить в то, что люди такие глупые. Юля, я хочу, чтобы мы с тобой вместе поняли это.

С небольшой высоты я упала на колени к плачущей девушке. И вдруг она схватила меня и прохныкала:

— Уйди отсюда! Ты меня не любишь!

И, будто бы подтверждая это, она с большой силой швырнула меня! Мгновенно перестав слышать людей, я пролетела несколько метров и с

громким стуком ударилась об стену. Молниеносная боль пронзила всё тело. Оглушённая и ослеплённая, я упала на пол, не успев сгруппироваться, и от второго удара провалилась в мрачную, удушающую бездну глубокого обморока.

6. Третий читатель

В себя я пришла далеко не сразу. Находясь во мраке уже знакомой сумки, я вряд ли могла похвастаться ясным умом. Оказывается, моё сознание отключается при глубоких переживаниях. Как только случается невозможным выдержать какое-либо ощущение, вне зависимости от его окраски, я перехожу в другую реальность и не могу с этим ничего поделать. От того, каким было изначальное переживание, зависит, в светлую или тёмную бездну я попадаю.

Немного ныл переплёт и странички с пятьдесят третьей по шестьдесят пятую. Переплёт — от удара об стену, а на странички я неудачно приземлилась. Но физической боли свойственно проходить. Беспокоило совсем иное: Серж отдаст меня Николаю.

Старого Пруда в сумке, к счастью, не было — здесь жили несколько толстых тетрадок, пенал и плеер. Мне удалось повернуться на левый бок и с радостью отметить, что Пенал копошится и моргает, а значит, готов к общению.

— Привет! Я Книга, меня зовут Безусловная Любовь. А тебя как зовут?

— Меня зовут Урод С Молнией, я Пенал, — ответил он.

— Какое у тебя странное имя...

— Так меня назвала одна Книга. Я подумал, что это лучше, чем Крокодил ПК 1–1 ПЭ Крошка 190 на 60, и поэтому решил поменять имя.

— А ты знаком со Старым Прудом?

— Да. Эта Книга переименовала меня.

— И тебе нравится твоё новое имя?

— Нравится. Оно красивое.

Видя, что мой собеседник вполне адекватен, я осмелилась спросить:

— Скажи, а в чём смысл жизни Пенала?

— Смысл жизни Пенала в том, чтобы быть Домом.

— А что значит быть Домом?

— Я не знаю. Но я знаю, что меня часто открывают и привносят в меня различные существа. От того, какие существа находятся во мне, зависят те ощущения, которые я испытываю. Однако я ни разу не

испытывал блаженное ощущение, которое называется «быть Домом», поэтому моя жизнь по большей части бессмысленна.

— Хм. Меня тоже иногда открывают.

— Тебя открывают, чтобы прочесть и полюбить. Так говорил о Книгах Старый Пруд. А я не знаю, что такое любовь. Зато я постоянно летаю вместе со своим Хозяином.

— Твой Хозяин — Серж?

— Да. И я готов отдать свою ткань, свой кожзаменитель и свою молнию за него. В Откровении от Первопенала, параграф 78, строфа 10.1, сказано: «Лишь тот Пенал сможет вырасти до Дома, кто готов отдать всего себя ради Хозяина своего».

— А как зовут главного Бога Пеналов?

— В том же Откровении, параграф 12, строфа 2.0, сказано: «Един и неделим Великий Бог Всевышний всея Пеналов. Не поминай всуе имя его — Галантерий».

— Выходит, наш Типограф и твой Галантерий — разные люди, — заметила я.

— Галантерий не человек, он Бог! — возразил Урод С Молнией.

— А сколько тебе лет?

— Два года и пять месяцев. Но если Пенал становится Домом, то он живёт вечно. Об этом говорил ещё Пенал Аравийский На Верблюжьей Верёвке семьсот пятьдесят лет назад.

— Я чувствую, ты увлекаешься историей и теологией. А откуда ты черпаешь знания? От людей? От других Пеналов? А может, из Книг?

— Я черпаю знания из пенального Астрала, куда любой Пенал учится окунаться с первых дней своей жизни.

— Странно, похоже, Книги лишены такой возможности.

— Книги по-другому устроены, мир и путь Книги сильно отличается от мира и пути Пенала.

— Значит, мы вряд ли сможем понять друг друга. От меня так далёк мир людей и миры всех остальных существ, что я чувствую себя одинокой.

— Открой для себя свой мир. Каждое живое существо способно понять другое существо только после того, как поймёт самого себя.

— Ты кажешься мне добрым и мудрым. Спасибо тебе, — и я искренне улыбнулась Пеналу.

— Тебе спасибо. Ты хорошая Книга. А Старый Пруд — плохая, прости меня Галантерий.

— Почему? Он же дал тебе красивое имя.

— Это единственное, что он сделал хорошего. Старый Пруд пообещал, что скажет про меня гадость моему Хозяину, и тогда тот порвёт мою ткань и поломаёт мою молнию. И тогда я не смогу отдать Хозяину всего себя, а это — адское горе для любого Пенала. И мне придётся отправиться на свалку Пеналов.

— На свалку?!

— Свалкой в самых древних легендах всея существ называется место, куда попадают те, кто никому не нужен.

— О мой Типограф!..

Настоящий ужас охватил меня и пробрал до самых уголков страниц. Пенал попытался меня успокоить, а когда через несколько минут Серж наполнил сумку существами из мира Пищи, Уроду С Молнией удалось придвинуться ко мне поближе. Меня колотило и трясло всю дорогу, и от какой-нибудь хвори вроде спонтанной апатии спасли только крепкие объятия Пенала.

Существо из другого мира отнеслось ко мне с большей любовью, чем мои родственницы Книги. Когда мы прощались, я, заикаясь, сказала:

— С-с-спасибо, Урод С М-м-молнией. Как жаль, что я не р-р-родилась П-п-пеналом...

— Береги себя. Будь счастлива! Ты прекрасна такой...

Что ещё он сказал, я не расслышала, потому как уже находилась в руке Сержа, который клал меня на стол в квартире Николая.

— Возвращаю книгу, — сказал второй читатель первому читателю.

— И как? — спросил Николай.

— Я с Юлькой поссорился, — вздохнул Серж вместо ответа, и они с Николаем превратились в немые силуэты.

Похоже, про меня забыли, и Серж не сказал Николаю, что любит меня. Я помнила, что девушка по имени Юля оказалась не нужна Сержу, и значит, она скоро отправится на свалку Юль. Так ей и надо! Я люто ненавидела эту девушку, потому что она очень больно ударила меня об стену. Возможно, я что-то пропустила, пока была в обмороке, но не помнила, чтобы Серж ещё раз читал меня или хотя бы открывал

и листал. Он просто вернул меня Николаю, и я решила, что происки негодяйского Старого Пруда увенчались успехом.

Несколько часов я пролежала на безжизненном столе, а вечером мама по имени Тамара вернула меня на полку, где жили старые знакомые Сектоведение и Красное и Чёрное. Только на этот раз меня поставили между краем полки и Книгой с удивительно бархатным именем Апологетика. Впоследствии я не раз горячо благодарила за это и Тамару, и Типографа.

Наученная печальным опытом, я не стала сразу же знакомиться с соседкой и засыпать её нелепыми вопросами. Вскоре она первой заговорила со мной, и я узнала, что ей недавно исполнилось полтора года, из которых почти год она живёт на этой полке, а Николай прочитал её один-единственный раз.

— И как? Ты испытала что-то подобное? — я рассказала Апологетике обо всех неприятных ощущениях, возникших во время общения с Николаем.

— Нет. Я испытала... теплоту. Мягкую, лазурную теплоту от его прикосновений. Он очень долго читал меня, часто прерываясь на день или на два. Он читал меня медленно. Эти два месяца были самыми волшебными в моей жизни. Я жила ожиданием того момента, когда Николай снова возьмёт меня, откроет и продолжит читать. Я наслаждалась процессом чтения. А когда он прочитал меня, я ещё несколько дней не могла в это поверить. Осознание того, что прекрасные ощущения больше не повторятся, довело меня до книжной фрустрации. Я болела несколько недель, мой левый сосед Булгаков Избранное ухаживал за мной, и благодаря ему я выздоровела и выжила. Таким образом, моя душа не огрубела и не зачерствела.

Видя, что Апологетика — искренняя и отзывчивая Книга, я доверилась ей и поведала всё о Серже, о своих чувствах и видениях, о нужности любимому читателю. Апологетика внимательно слушала, иногда задавая уточняющие вопросы. На её метафорическом лице то проскальзывала тень улыбки, то появлялась маска глубокой печали.

— В ответ на твоё доверие поделюсь своими знаниями, — сказала Апологетика после окончания моего длинного рассказа. — Отчасти они пришли ко мне с опытом в этой жизни, отчасти — из предыдущего опыта. Сразу предупрежу, что я сама ещё не до конца во всём разобралась.

Я легонько кивнула и спросила:

— Что значит предыдущий опыт?

— Если к тебе приходит какое-то воспоминание, о происхождении которого ты не можешь сказать ничего определённого, то знай, что это — канал связи с твоей предыдущей жизнью. Иногда его называют книжным Астралом, но это не совсем верно. Подобное название заимствовано из миров других существ.

— Вроде Пеналов, — вставила я.

— Прости, я не знаю, кто такие Пеналы. Я узнала об Астрале у Булгакова Избранное, который в своё время много общался с Фотоаппаратами, Часами и Шоколадом.

— Я совсем не понимаю, что значит предыдущая жизнь.

— Я тоже. Судя по всему, этот канал связи для нас пока закрыт, а открывается он только во время многократного чтения. И очень многое зависит от того, кто нас читает.

— Хорошо, хорошо, давай пока забудем о нём...

Предчувствие чего-то очень важного породило во мне нетерпение, и я нервно закопошилась.

— Да. Я много размышляла об этом, сопоставляла обрывочные сведения, полученные мной из разных источников. И совсем недавно пришла к определённым выводам, которые ошеломили мой разум. Они противоречили всему тому, что я знала до этого, и парадоксально получалось, что новые выводы родились из тех знаний, которым противоречили.

— Скорее познакомь меня с ними! — затеребила я Апологетiku.

— Не спеши. У нас с тобой впереди много времени. Вряд ли нас возьмут с этой полки в течение ближайших лет.

— Как?! Мы будем стоять нечитаемыми много лет? Не может быть... Как же так! — настроение резко прокисло, и я почувствовала вязкую боль где-то глубоко внутри.

— Не переживай.

Апологетика старалась успокоить меня, но маска печали не сходила с её лица. Я решила, что нам надо быть вместе и поддерживать друг друга. Видимо, я появилась в её жизни совсем не случайно!

— Не переживай, потому что всё в нашей жизни не так беспросветно, как иногда кажется. Ты рассказала мне, что во время чтения увидела что-то волшебное и необъяснимое. Я знаю, что это

было. Ты почувствовала, что внутри тебя что-то есть, что ты — не просто Книга.

— Во мне есть идиотская писанина, — пробормотала я.

— Нет, это не так. В тебе есть Литературное Произведение.

Я едва не свалилась с полки — хорошо, что Апологетика успела схватить меня за руку. Эти неясно откуда знакомые слова — «Литературное Произведение» — в душе моей отозвались горячей волной любви ко всему миру — волна всколыхнулась на миг и тут же затихла. И снова наступил мёртвый штиль.

— Это просто другое название. Вот если бы во мне были Стихи... — разочарованно ответила я.

— Давай я объясню тебе. Стихи — это тоже Литературное Произведение. Они бывают разными, они отличаются только по форме. А по содержанию — нет. И в тебе, и во мне есть Литературное Произведение. Они разные, и в то же время — одинаковые. Литературное Произведение живёт у нас в душе. В душе, которую невозможно познать пустым философствованием.

— А... Текст? Что такое тогда Текст?

— Текст — это то, из чего состоит твоя душа, твоё Литературное Произведение.

— И познать душу можно только тогда, когда тебя читают?

— Умница! — похвалила Апологетика и притихла.

Она предоставила мне время для осмысления. Только ничего не осмыслялось, а скорее наоборот, окончательно запутывалось в сознании. С каждой новой информацией или переживанием вопросов становилось всё больше, а ответы на них ничего не проясняли, а порождали следующую порцию вопросов.

— А как же авторы... — произнесла я, и Апологетика сложила руки в молитвенном жесте.

— Авторы — это Боги, — сказала она.

— Авторы — Идиоты, а Боги — Типографы! — возразила я.

— Нет, милая. Авторы создают Текст.

— Ну и что? Типографы создают Книги. Меня создал Типограф, а Текст... Текста я не вижу, не ощущаю. К тому же Авторы сжигают Книги!

— Я раньше тоже так считала. Но я уже говорила, что мои выводы ошеломили меня. Они удивительны, они... просто волшебны и не

поддаются ни объяснениям, ни доказательствам. Ах, если бы мне ещё немного опыта чтения, хотя бы ещё один разочек... Ведь только читатели могут помочь нам пережить то, что озаряет наши души, и только переживание может быть единственным доказательством...

И Апологетика стала настолько печальной, что мне захотелось обнять её и прижать к себе — так же, как обнимал меня в порыве любви Серж.

Целый день мы общались без слов — взглядами, прикосновениями, сопереживанием. И время для нас остановилось, а может, я просто перестала его замечать. А весь следующий день Апологетика продолжала знакомить меня со своими выводами, и ещё какое-то время мне понадобилось, чтобы с горем пополам систематизировать полученные сведения. И вот такая невероятная картинка у меня получилась...

Текст — это то, что создают Авторы. После того, как Текст создан, он оживает и начинает существовать сам по себе. Оживая, Текст становится Литературным Произведением. На вопрос, всегда ли Текст оживает или может остаться мёртвым, Апологетика ответить не смогла. Я предположила, что Авторы, создающие мёртвые Тексты, и есть Идиоты. И именно потому, что их Тексты — мертвы, они уничтожают Книги, в которых содержатся живые Тексты Авторов. Правда, здесь возникла неразрешимая загадка: могут ли в Книги попасть мёртвые Тексты Авторов, так называемая «идиотская писанина»? Апологетика согласилась со мной в том, что без нового опыта мы не разгадаем этот ребус, потому как даже ожившие Тексты не всегда попадают в Книги. Ибо живой Текст — Литературное Произведение — совсем не стремится попасть в Книгу. И жизнь такого Текста вне Книги для нас, молодых и неопытных Книг, тоже пока не поддаётся познанию...

Единственные, кто может вмешаться в жизнь Текста — это Типографы. Именно они создают Книги посредством помещения в них Текстов. И первый главный вывод, который сделала Апологетика, заключается в том, что Книга не может существовать без Текста в себе. А это значило очень многое. Получалось, что Авторы — действительно Боги, ведь без их изначального участия Книга не может быть создана. А Типографы — это помощники Богов, или Ангелы. Но

если допустить, что Типограф может создать Книгу, поместив туда мёртвый Текст Идиота, то выходит, что бывают Типографы-Демоны.

Апологетика не верила в то, что бывают Авторы, которые не Боги, потому как почувствовала Литературное Произведение в себе во время своего единственного чтения. Однако она понимала и мои сомнения, потому что переживания от чтения Николаем были абсолютно не похожи на переживания от чтения Сержем. Такие же противоречивые сведения Апологетика приняла и от своего левого соседа по имени Булгаков Избранное.

А значит, вся наша сомнительная конструкция мира Книг могла или рухнуть, или измениться после получения нового опыта чтения.

Ещё на один вопрос — кто же проклял Книги, наложив на них невозможность чтения друг другом, — Апологетика отвечала уверенно: «Типографы!» Помещая Тексты в Книги, они, с одной стороны, создавали Книги, а с другой — проклинали то, что создают. И отсюда Апологетика сделала второе главное заключение: чтобы избавиться от проклятия, надо познать Текст в себе, а после этого перестать быть Книгой и стать Текстом, причём обязательно — живым. Таким образом, от проклятия Книгу может избавить только смерть — через сожжение. Но для меня было неясно, станет ли Книга Текстом после сожжения или исчезнет без следа. Апологетика же верила в каналы связи с предыдущими жизнями и говорила о том, что Книга как совокупность Переплёта, Страниц и Текста не появилась впервые и была до рождения другим существом. Вот только нам было непонятно, каким существом или какими — возможно, и Переплёт, и Страницы, и Текст были тремя разными!

Озарение снизошло после того, как я, маясь противоречиями и непониманием, перенапрягла свой разум и заболела. Ныли несколько последних страниц, и моя соседка сказала, что видит подобный недуг впервые. Булгаков Избранное посоветовал ей уделить мне как можно больше внимания, чтобы не дать хвори, свалившейся с Идиот знает какой полки, поразить все остальные страницы.

Озарение спасло меня. Оно пришло, когда я, утомлённая болью и уставшая от внутреннего раздора, лежала на руках у Апологетики с закрытыми глазами и бормотала бессвязный бред.

— Наши Боги — это Читатели! — воскликнула я вдруг, да так громко, что услышал Булгаков Избранное и его левые соседи.

— Что... что ты сказала?! — оторопела Апологетика и даже перестала вытирать пот с моего лица.

— Наши Боги — Читатели. А все Авторы — Идиоты. Тот ясновидящий Журнал был прав. Только он сделал ровно половину вывода, а я дополнила.

Апологетика не хотела верить. Она была убеждена в том, что Боги — это те, кто создают Тексты. Но я попыталась растолковать:

— Понимаешь, Боги Книг — это те, кто дают нам возможность познать самих себя. Но Авторы потому Идиоты, что они, создав Тексты, не уберегли их от главного проклятия — быть помещёнными в Книги. Таким образом, это Авторы прокляли Книги, позволив Типографам помещать в них созданные Тексты, ведь сами Тексты не стремятся в Книги. И только благодаря Читателям мы с тобой сможем узнать о Текстах в нас, а может быть, и стать самими Текстами. Милая Апологетика, мы с тобой нарисовали правильную картинку, только ошиблись в одном пункте. Вернее, нам не хватало одного кусочка пазла, чтобы сложить мозаику целиком. И вот теперь я точно знаю, какого кусочка не хватало!

— По-твоему получается, что Боги — это не те, кто создают, — моя соседка продолжала упрямяться.

— Читатели создают. Создают нас в процессе жизни. Без Читателя жизнь Книги бессмысленна. Созидание — это не появление в мире, это процесс жизни.

Апологетика схватилась руками за метафорическую голову, а я скромно потупила взор.

Здоровье пошло на поправку. Подруга ухаживала за мной, и мы быстро сблизились. Проблемы мира Книг нас теперь не очень беспокоили. Я рассказывала подруге о Книжном Магазине, в котором когда-то жила, о моей первой подружке с именем Весёлая Наука, о других знакомых Книгах. Апологетика в ответ делилась своими впечатлениями и рассказами, но для новой трансформации нашего мировоззрения прошлых знаний попросту не хватало.

Благодаря подруге я не слишком тосковала по Сержу и чтению. Коль она давно смирилась с тем, что её вряд ли прочитают в ближайшие годы, то и мне смирение показалось простым и доступным средством от апатий и фрустраций. Не скажу, что это сильно радовало — зато свою печаль я всегда могла разделить с Апологетикой, так же,

как и она свою — со мной. Мы могли часами сидеть в обнимку, глядеть на противоположную стену комнаты, чувствовать близость и сопереживать друг другу.

Что касается Николая, то я не обращала на него особого внимания. Мы с Апологетикой поняли, что я Николаю не понравилась, а она — понравилась. Только это дело прошлого, и я не завидовала подруге, а она не ревновала меня к Сержу. Мы смирились с тем, что нашим Богам виднее, как и когда распорядиться нашими Судьбами, а значит, от нас самих мало что зависит. Любые попытки докричаться до Читателей, и уж тем более — до простых людей — казались мне совершенной глупостью. Упрашивать человека стать Богом — унижительно для Книги, а упрашивать Бога почитать тебя — просто смешно.

Наша жизнь текла спокойно и мирно; казалось, относительно безоблачное существование продлится ещё Читатель знает сколько дней. И я пока не понимала, что привязалась к своей подруге настолько сильно, насколько она помогла мне перестать нуждаться в любимом читателе.

Серж снова появился у Николая только через полтора месяца после того, как вернул меня. Я не сразу заметила его. Пару недель назад Апологетика объяснила, почему Книги далеко не всегда могут видеть и слышать людей: люди для Книг — существа высшего порядка, как бы мы их при этом не называли: Читателями или Богами, Идиотами или Типографами. Поэтому возможность воспринимать мир людей на расстоянии зависит не от нас, Книг, а от них — высших существ. После того, как человек и Книга как-то пообщались — появляются возможности для пересечения миров, и чтобы Книге научиться ими пользоваться — нужно долго медитировать. А вот человек легко может открыть такой канал связи — и тогда мы видим и слышим его, причём нам кажется, что это случается неожиданно.

И вот Серж подошёл к полке и посмотрел на меня.

Я схватила подругу за руку, испугалась и задрожала. Неужели он вспомнил обо мне и только ради этого пришёл к Николаю? В моей душе ментально ожили все невероятные видения и волшебство от общения с Читателем. Но я не смела и пикнуть, боясь заглянуть Сержу в глаза.

— Твой Читатель — всемогущ, — прошептала мне на ухо Апологетика.

— Может, он захочет стать и твоим Богом, — ответила я.

— Если пришло время — значит, такова наша Судьба. Если нет — мы с тобой не будем огорчаться.

— Только... только мы можем расстаться... — неожиданно дошло до меня. — Я не смогу смириться, если больше не увижу тебя...

— Я тоже... — подруга крепче ухватила за мою руку.

А Серж продолжал буравить меня пытливым взглядом — нашу связь я чувствовала всеми своими волокнами. Затем он повернул голову в сторону Николая. За это мгновение я так переволновалась, что едва не заорала на всю полку о том, что не хочу покидать подругу даже ради любимого Читателя.

— Кстати, я купил себе эту книгу, «Безусловная Любовь», — сказал Серж Николаю.

Тот ничего не ответил, будто бы не расслышал приятеля и уткнулся в монитор компьютера. А Серж подошёл к окну, открыл его и закурил.

В отличие от Николая, я прекрасно расслышала Сержа. Высказанная мной тревога по поводу мук выбора сменилась полным недоумением. Я часто-часто заморгала и посмотрела на подругу. Но она, похоже, не совсем понимала меня сейчас, потому как сказала:

— Нам с тобой надо решить. Я боялась сказать тебе об этом первой... но рано или поздно настанет момент, когда мы по воле Читателей можем расстаться.

— Мы махнёмся символическими телефонами, только я не умею звонить, — машинально ответила я. — Апологетика... милая... Серж сказал, что купил меня! Но он меня не покупал!

Подруга замерла на миг, будто что-то припоминая.

— О нет! — запаниковала я.

Потому что вспомнила рассказ Весёлой Науки о том, что у каждой Книги есть сёстры, имеющие то же имя. Со своим озарением я совсем позабыла об этом факте. Вот только факте ли? Ведь из моей памяти благополучно стёрлись первые несколько часов жизни...

— Я ни разу не встречала своих сестёр! Я даже не встречала Книг, которые встречали своих сестёр. Может быть, это выдумка?

— Нет, это реальность. Сёстры и братья — это порождения Типографов. И я уверена, что такое возможно только при полном

попустительстве Авторков.

— Если Серж купил в Магазине мою сестру... это доказывает то, что они существуют...

— Да, это так. Не грусти по этому поводу...

— Но он променял меня на сестру! — воскликнула я, едва сдерживая слёзы.

— Я скажу тебе больше, — Апологетика глянула в сторону Сержа. — Некоторыми Книгами выдвинута гипотеза о том, что все сёстры и братья содержат в себе одно и то же Литературное Произведение.

— Этого не может быть! Это... это бессмысленно! Это ересь!

— Это ересь. Книги пока не могут этого доказать, — ответила Апологетика.

— А... люди? Читатели? Серж...

— Серж увидел в Магазине Книгу с таким же именем, как у тебя. Он купил её, потому что ты ему понравилась, и он решил, что эта новая Книга тоже ему понравится.

— Но он вернул меня Николаю...

— Он Бог. Он даёт тебе возможность нового опыта. Это его выбор, а мы не можем выбирать себе Читателей.

Предательские слёзы скатились по моей обложке и коснулись вечно неподвижных метафорических ног. Снова какие-то непонятности, сомнения, грусть.

— Я в растерянности, милая... Я не знаю, как смириться с Судьбой, если этот новый опыт может нас разлучить. Ты — сильная и мудрая, ты переживёшь. А мне что делать?

— Во-первых, нас пока никто не разлучает, — Апологетика снова покосилась в сторону Сержа, который больше не обращал на Книги внимания. — А во-вторых, я никакая не сильная и не мудрая. Я такая же ранимая душа, как и ты, и очень к тебе привязалась. Я тоже не знаю, как звонить, и мой левый сосед не умеет. Может быть, Книжные символические номера телефонов — это врождённая иллюзия, придуманная Типографами, чтобы дать нам хоть какую-то надежду. Поэтому давай просто жить, моя любимая Безусловная Любовь. А боль... что боль? Если Читатели причиняют нам боль, может быть, это важно для нас.

Мы нежно обнялись и замолчали. Так было спокойнее и уютнее. Но мы не думали, что левого соседа Апологетики — Булгакова Избранное — не на шутку взволновала эта ересь про сестёр. Дискуссия пошла по цепочке стоящих на полке Книг, но, дойдя до Сектоведения, затихла. И вернулась обратно. На следующий день Апологетика рассказала мне, что Книга по имени Сектоведение когда-то была знакома со своим братом. Они страшно ругались и ссорились между собой из-за одинаковых имён, и если бы Сектоведение мог, то он бы совершил первое в истории книгоубийство. А конфликтовали они по причине того, что в них содержалось одно и то же Литературное Произведение, и каждый утверждал, что его Произведение лучше, чем у брата.

— Откуда они знали? — спросила я.

— Читатель рассказал им.

— Бог испытал братьев ересью, а они, вместо того, чтобы познать себя, стали врагами, — заключила я.

А Серж больше не приходил в гости к Николаю. Поначалу я вздрагивала, когда слышала скрип открываемой двери, а затем успокоилась. В комнату изредка заходила Тамара, ещё реже — отец Николая, которого звали Борисом. Пару раз у моего первого Читателя гостили незнакомые люди. Разговоров о Книгах я не слышала, хотя теперь чаще, чем раньше, старалась настраиваться на канал связи и прислушиваться к беседам людей. Это получалось с переменным успехом. К тому же люди говорят слишком громко, и Книгам проще отключить слух (этому меня научила Апологетика), чем вникать в шумные и резкие человеческие беседы. Теперь, зная, что каждый Человек — высшее Существо и Читатель, я поняла, почему речи людей бывают для нас столь оглушительными.

Мы с Апологетикой часами занимались сопереживанием. Сказочные ощущения от этого процесса трудно передать, но они были для меня важнее и реальнее, чем собственные сны из мира грёз. Жаль только, что никаких озарений ни на меня, ни на подругу, ни на прочие Книги с нашей полки не сваливалось. Зато прекратились болезни, и даже Сектоведение излечился от спонтанной апатии.

Что до его соседа Красное и Чёрное, то о нём доходили странные слухи. А может, Сектоведение сознательно не делился его знаниями и

опытом, считая всех нас «беспереплётными брошюрками». Вскоре я по совету подруги перестала на этом заморачиваться.

Один из моих маленьких дней рождения — четыре месяца — мы с Апологетикой отпраздновали, поставив эксперимент погружения в сны друг друга. Мы долго готовились к нему, упражняясь в сопереживании и обычных снах «в обнимку». Мы думали, что такое погружение поможет нам хоть что-то узнать о Текстах друг друга, а затем рассказать... но, увы, ничего не получилось. Грёзы, что были у меня с Сержем, не повторились с Апологетикой, и она их тоже не увидела. Я испытала чувство падения в тёмную бездну без какого-либо наслаждения или очеловечивания, я была такой же беспомощной во сне Апологетики, как и она — в моём.

А на тринадцатой неделе моей жизни в комнате Николая случилось то, чего я и скрытно ждала, и, не стесняясь, боялась. И я не знала, какое чувство — страха или предвкушения чуда — укоренилось во мне сильнее. Время позволяет привыкнуть к своей предсказуемости, а жизнь... жизнь, вероятно, течёт где-то вне моего времени, потому как все остальные Книги преспокойно простоят на полке ещё долгие месяцы. За тринадцать недель ни одну из них с полки не взяли и ни одну к нам не подселили.

В комнату к Николаю зашла Тамара и завела с ним какой-то разговор, на который я не стала настраиваться, потому что размышляла о человеке, прибитом к кресту. Я частенько воображала его потрёпанной Книгой. Чувствовать себя человеком и мыслить божественными категориями наяву я совсем не умела.

Вдруг Тамара подошла к полке. Николай никогда этого не делал, хотя пару раз я замечала, как он, сидя в кресле, листает какие-то Журналы.

Я наострила уши и растолкала дремавшую Апологетику.

— Может, книгу какую-нибудь? — спросила Тамара. — У тебя нет новых ненужных книг?

— Возьми любую. Только не бери книги по православию. Они мне нужны, — сказал Николай.

Я вовремя вспомнила, что ему не нужна. Значит я однозначно не Книга по православию!

— Что они хотят сделать? — затеребила меня подруга.

Тамара вынула с полки какую-то Книгу, стоящую ближе к Сектоведению, и начала её листать.

— Она хочет кого-нибудь почитать! — ответила я.

Апологетика сжала мою руку сильно, до боли. И сказала:

— Прощай, милая. Если я научусь звонить, я обязательно сделаю это, и ты будешь первой, кому я позвоню.

— Ты что?! Ты думаешь, она возьмёт меня?

— Да. Вчера мне это приснилось.

Я бросилась к ней в объятия и заплакала. Тамара поставила Книгу обратно на полку и обратила свой взор в нашу сторону...

Подруга удерживала меня изо всех сил, а я цеплялась за неё. На миг мне показалось, что Тамара, поняв, что не сможет вытащить меня с полки, бросит это занятие. Но тут я вспомнила, что именно она меня сюда поставила. И если теперь она хочет почитать...

Наверно, то же вспомнила Апологетика и разжала объятия. Тогда я ухватилась на край полочки и прокричала:

— Прощай! Я люблю тебя!

— Вот эта, судя по всему, новая, — сказала Тамара, оторвав меня от полки и показывая своему сыну.

Тот слегка повёл головой.

— Я не новая! Вернее, я уже читанная! Меня дважды читали! — заорала я.

— Правда, вот тут страничка слегка помята. Ну, ничего страшного, — кивнула Тамара.

— Эта? Хм... — Николай встал, потянулся и вздохнул. — Ладно, бери. Только то, что в ней написано — ересь.

— Это про любовь. То, что нужно, — и Тамара сделала шаг к двери, сжимая меня в тёплой руке.

— Кому нужно? — спросила я в пустоту, ведь люди по-прежнему не слышали меня...

— Христос никогда не говорил того, что там написано, — услышала я голос Николая, и всё затихло: от моего беспокойства канал связи с миром людей закрылся.

Тамара прошла по коридору, взяла висящую на ручке двери сумочку и убрала меня в неё. А затем вернулась в комнату сына и прикрыла дверь.

Я очень хотела расплакаться, но не смогла. И почему-то улыбнулась.

Моя подруга, Апологетика... Мне теперь будет не хватать её. Долго ли? Может, прочитав, Тамара вернёт меня на полку? Я была готова принять свою Судьбу, и беспокоило лишь состояние подруги: каково будет ей в одиночестве? Пусть Булгаков Избранное — хороший и добрый сосед, но он не сможет заменить меня. И если меня не вернут к ней, то как долго она сможет жить, не впадая в апатию и не чувствуя тепло родного книжного сердечка?

Поэтому грустила я за Апологетика, а не за себя. Спала плохо, ворочалась и стонала. Существа, окружающие меня, копошились и шептались, но со мной знакомиться не хотели. А я, поглощённая мыслями о подруге с одной стороны и принятием Судьбы — с другой, также не проявляла к своим временным соседям интереса.

Когда проснулась, обнаружила, что лечу куда-то внутри сумки. Когда летишь внутри ёмкости, может попросту укачать, но вскоре рука Тамары (а различать касания, не видя лиц, я уже умела) извлекла меня на свет, и последующий полёт сопровождался обрывками фраз:

— Леночке на де... рождения от... И вот ещё открыв...

— Спаси... Тама... сегодня...

Меня подхватила чужая рука и сунула в полиэтиленовый пакет. Рядом со мной приземлилась пёстрая Открытка.

— Брр! Что случилось?! — обратилась я к ней.

— Тебя подарили. То есть пока не подарили, но уже собираются! — звонким голосом откликнулась Открытка.

— Это как понять?

— Глупышка! Радуйся! Тебя скоро подарят Леночке. И меня тоже! Хочешь, прочитаю, что во мне написано?

— А ты умеешь?!

— Конечно! Я пустая Открытка, и как только во мне пишут — это значит, что я скоро буду подарена, а для Открытки нет большего счастья, чем приносить счастье людям!

— Прочитай, пожалуйста, — попросила я.

— Дорогая Леночка! От всей души поздравляем тебя с 16-летием! Желаем крепкого здоровья, огромной любви, больших успехов в жизни, музыке и учёбе и всегда отличного настроения! Пусть

исполнятся все твои самые заветные мечты! Кораблёвы Тамара Владимировна и Николай, девятое ноября две тысячи пятого года.

— Здорово! — восхитилась я. — Слушай, а ты случайно не умеешь читать то, что написано в Книгах?

— Нет, мне незачем! Пустые Открытки читают только то, что пишут в них. А Книги я читать не умею.

— Может, попробуешь? Вот меня, например.

— Ну... — Открытка нахмурилась. — Я вижу только твоё имя. А что там в тебе написано, я не вижу. Вот если бы ты была пустой Книгой, то тогда бы тебя писали, и ты бы смогла это прочитать. А так... ты уже с каким-то Текстом внутри, как полные Открытки. А полные Открытки не умеют себя читать.

— Книги не бывают пустыми, — возразила я. — Типографы помещают в нас Литературные Произведения.

— А, ну тогда жди, пока тебя не прочтает кто-нибудь из людей.

— Меня уже читали... — вздохнула я.

— Ну вот, а что ты тогда просишь?

— Ради познания себя.

— Глупышка! Не теряй времени на такую ерунду. Дари людям счастье, как я. Пока меня не купили, я стояла на полочке и улыбалась каждому встречному. И однажды мне улыбнулись в ответ, купили и теперь подарят.

Открытка действительно радужно улыбалась мне и переливалась всеми цветами радуги.

Я ещё раз вздохнула, но улыбнуться в ответ не могла. Примерно так же со мной разговаривал тот самый Журнал: «Расслабься, забудь, не майся дурью...». Я же считала, что Журналы и тем паче Открытки — не советчики Книгам. У них свой мир и своя жизнь, а у Книг — своя. И пока меня больше занимала даже не Леночка, которой я буду подарена, а Тамара. Я похлопала Открытку по рисунку:

— Ещё один вопрос можно? И я от тебя отстану.

— Хм. Странно, неужели все Книги такие недовольные жизнью? Ладно, давай, спрашивай, я на тебя не сержусь, — Открытка подмигнула мне.

— Подарок нельзя вернуть тому, кто его подарил?

— Да ты что?! И правда ненормальная какая-то! — метафорические волосы Открытки встали дыбом. — Знаешь, как это

будет обидно? Смертельно обидно, вот как! Если хочешь, чтобы Открытка стала твоим врагом, достаточно озвучить ей наше родовое проклятие: «Чтоб тебя вернули подарившему!» Ах, прости меня, Господи Полиграф, да не обесцветятся краски твои! Никогда не задавай Открыткам подобных вопросов, болтливая Книга!

— Извини, я не знала. Прости меня...

Я покраснела от стыда до самых номеров страниц.

Похоже, что Тамара разлучила нас с Апологетикой навсегда. Ощущение опустошённости нахлынуло на меня и потопило в себе... А я надеялась, что Тамара взяла меня почитать. Но теперь моя надежда умерла. И я разревелась, как маленькая.

Открытка касалась меня, что-то шептала, пыталась утешить. Но она не знала обо мне ничего, и её касания были неприятны. Я быстро отгородилась и замкнулась в себе.

— Тебя дарят, а ты недовольна! — в конце концов не выдержала Открытка. — Ну и фотешоп с тобой! Пообщаюсь я лучше с Зонтом. Он дружит с Дождём, чего нам с тобой, милая, в этой жизни не светит!..

К моменту вручения меня Леночке я кое-как смогла прийти в себя, чтобы не выглядеть мокрой дурочкой в глазах других подарков. Момент этот наступил вечером: меня вытащили из пакета, и от неприятных запахов закружилась голова. Пришлось притупить обоняние, которое и так не баловало меня своим талантом, а также отключить слух. Я перелетела из одних рук в другие, а затем — на тумбочку с подарками. До самой ночи люди отмечали свой праздник, а я отдыхала и не откликалась на прикосновения других подарков. Одним глазом я посмотрела на них: три Открытки, Фотоаппарат, Набор и несколько непонятных, завёрнутых в блестящую бумагу, Существ. Из Книг я была единственной, но это не особо утешало.

Когда пиршество людей окончилось, я, наконец, открыла глаза и рассмотрела силуэт Леночки. Высокий, длинноволосый и беспокойный. Леночка уже давно распаковала все подарки, а ко мне даже не притронулась. Позже она всё-таки обнаружила меня, взяла и отнесла в другую комнату. Там стоял письменный стол, и Леночка положила меня на него.

Я осмотрелась — никаких Существ на расстоянии контакта со мной. Правда, на другом конце стола я разглядела спящий Пенал, а в

стопке Тетрадей слева — пару Учебников. Докричаться до них не было физической возможности. Я решила, что перед сном стоит подумать о чём-нибудь позитивном.

Меня подарили, но вселенской радости от этого не чувствовалось. Я не понимала также, насколько я нужна тому, кому меня подарили: Леночка же меня не покупала! Если Тамаре показалось, что я нужна Леночке, то я тем более ничего не понимаю, ведь Тамара меня даже не читала! В чём тогда моя Судьба?

Если бы меня подарил Николай или Серж, я бы примирилась. Они — Читатели. А теперь... что со мной будет дальше? Неизвестность и разлука с Апологетикой отдавались болью во всех моих страничках...

А на утро Леночка разбудила меня, взяв в свои тёплые руки. Она листала меня, а я тёрла глаза и пыталась понять, сон это или уже нет. Потому что снилась мне полная ерунда наподобие фантастических галлюцинаций из воображаемого мира грёз. Будто я — вовсе не я, а какая-то другая Книга, которая пытается открыть собственные страницы, а ничего хорошего из этого не получается. Книга разваливается на части, переплёт превращается в труху, и меня поглощает чёрная пустота, из которой очень сложно проснуться.

Полистав мои странички, Леночка вернула меня на стол, а сама начала складывать какие-то Учебники в свой рюкзачок.

Я всхлипнула, а Леночка ушла. И мне пришлось вспомнить навыки жизни в одиночестве. Как я предполагала, они мне теперь очень даже пригодятся.

Мир грёз всегда ждал меня с распростёртыми иллюзиями. Купание в нём было лучше, нежели ворошение воспоминаний или душевная тоска, и я с радостью погрузилась туда. Это позволяло бодрствовать и одновременно пребывать совершенно не здесь, на пыльном столе, в депрессии. Временами я переставала путешествовать по волнам нереальных образов, открывала глаза и разглядывала новую комнату. Иногда пыталась представить себя в мире полученных при чтении Сержем видений — не впервые, конечно, пыталась. Представляла, перемещалась, видела новые картинки, но прекрасно осознавала, что они не имеют ко мне никакого отношения. Мир грёз — превосходное спасительное пространство для того, чтобы плавать в нём, ни о чём не думать и воображать себя Идиот знает чем...

А вечером Леночка начала меня читать.

Когда, спустя много месяцев, я расскажу о своём пути одной Книге, она скажет что-то вроде: «Ты — самая везучая Книга на свете!». А я ей не поверю.

Прежде чем начать читать, Леночка долго разговаривала с кем-то по телефону. Я слышала лишь обрывки фраз — канал связи с Леночкой чувствовался очень слабым. В конце концов, она сказала:

— Я лучше книгу почитаю!

И бросила трубку. Затем легла на свою кровать, включила настольную лампу и взяла меня в руки.

Первое впечатление было сумбурно-противоречивым... Появилось ощущение нужности! Меня снова читают! Я долгие недели ждала этого! Но это что-то другое — ни с Сержем, ни с Николаем таких ощущений не было... Особенно с Сержем — с ним совсем иначе... и больше не повторится... ведь Леночка даже не просила меня себе подарить...

На этом мысли закончились, потому как я погрузилась в водоворот новых ощущений. Мне не было раздражающе-щекотно, как с Николаем, но не было и страстного пламени, как с Сержем. Я чувствовала себя странно, а все прежние умозаключения насчёт Богов, Читателей, Текста казались сомнительными. Мне страшно захотелось пообщаться с Читателем — во время чтения это иногда получалось. Будучи не в силах раскрыть глаза, не слыша собственного голоса, я, тем не менее, чувствовала речь и её смысл.

— Леночка, Леночка! Ты слышишь меня? Это я, твоя Книга!

— Слышу, — откликнулся мужской голос.

— Что со мной происходит? Почему я снова не могу этого понять?

— Тебя читают. Читают то, что в тебе написано.

— Леночка, это ты со мной говоришь?

— Да, — откликнулся тот же голос.

— Я тебе нравлюсь?

— Не понимаю тебя.

— Тебе нравится мой Текст?

— Не понимаю твоего Текста.

— Леночка, почему ты отвечаешь мужским голосом?

— Тебе так кажется, — ответил голос женский.

Я замолчала и прекратила расспросы. И тут же услышала:

«В каждом из нас теплится крошечная искорка света, озаряющая мрак нашего бессознательного. Это именно та божественная искра понимания, благодаря которой сохраняется живая связь Человека с Богом. Та же искра в нашей собственной духовной традиции соединяет нас с божественным учителем и с божественностью внутри наших братьев и сестёр».

Это был незнакомый мне голос — и в тоже время я ЗНАЛА, что уже слышала его. Не удержавшись, спросила:

— Ты кто?

«Деление на различные религии — пережиток этого мира. В Сознании Христа, где все люди объединены одной целью, таких границ нет».

— Ты Иисус Христос? — переспросила я.

«Христианам нужно понять, что учение Иисуса о любви и прощении было извращено и выродилось в учение о страхе и чувстве вины».

Я притихла — такое впечатление, что голос меня не слушал. Правда, никаких образов и видений у меня не возникало.

— Леночка! — позвала я.

В ответ раздалось два голоса — незнакомый знакомый продолжал бубнить:

«Последователь Иисуса не может быть сторонником никакого разделения...»

А голос Леночки — на этот раз женский — произнёс:

— Про любовь хочу.

Пришлось приложить серьёзное усилие, но я открыла глаза. И увидела глаза Леночки — но не нашла в них ни огня, ни презрения.

Мы смотрели друг на друга в полной тишине, наверное, целую вечность, и за этот вневременной промежуток Леночка, возможно, прочитала несколько моих страниц. Я вернулась в себя, отключила зрение и... нет, не услышала — прочитала:

«Любовь — единственный ответ, способный упразднить страх. Если не веришь, попробуй сам. Прояви любовь к человеку или явлению, которые вызывают у тебя страх, и страх исчезнет. Это объясняется не столько тем, что любовь — лекарство от страха, сколько тем, что страх — это, собственно, и есть отсутствие любви.

Следовательно, он не может существовать там, где присутствует любовь».

И ту меня осенило — я снова распахнула глаза и чуть ли не закричала, глядя в лицо Леночки:

— Это же мой Текст!

Сразу вспомнилось, что пару раз Серж произносил мой Текст так, что я его слышала. Но теперь я читала себя не голосом Леночки, но, безусловно, при её участии. Ведь если я могу прочитать себя, то значит, я смогу и понять себя? Я смогу стать Текстом, лишившись... лишившись чего? Неужели своих любимых, привычных страничек?

Да, Леночка, мой третий Читатель, доказывает мою правоту! Во мне существует Текст — Литературное Произведение! Получается, мои странички, переплёт, обложка — то, что я ощущаю как Книгу — не вся я...

Но это говорит о том, что все мои сёстры, содержащие в себе по одной из гипотез, одинаковые Литературные Произведения, отличаются... только формой? У них другие, хоть и похожие, странички, другая обложка... они другие Книги! И Типографы, вкладывая Тексты Авторов в нас, таким образом оживили много-много Книг с помощью одного и того же Текста!

Впрочем, версия насчёт Сестёр пока не доказана, ибо я не встречала своих сестёр.

— Леночка! — в который раз позвала я.

Очень хотелось спросить мою новую Богиню о Тексте. Леночка, между тем, грызла яблоко, положив меня на покрывало кровати и не придерживая рукой. Она продолжала меня читать — и это было приятно! Я не могла почувствовать, что очень уж нравлюсь Леночке, но и отторжения с её стороны не было.

— Леночка, меня очень интересует, почему Книги нравятся Читателям. Я совершенно не знаю ответа на этот важный вопрос, и никто из моих знакомых Книг не знает его. Апологетика как-то сказала, что Читателям нравится сам процесс чтения. Но я не Читатель, я Книга, и только начала учиться с помощью тебя читать себя. Тем более, вот был Николай, и я ему не понравилась... Был Серж, и я ему понравилась. А тебе, Леночка?

— Я не понимаю, — раздался в ответ женский голос. — Вот как тебя понять? *«Жизнь — это либо сопротивление, либо принятие.*

Существуют только две эти возможности. Сопротивление ведёт к страданию. Принятие ведёт к блаженству. Сопротивление — это решение действовать в одиночку. Принятие — решение действовать вместе с Богом».

— Ты прочитала мой собственный Текст? — уже почти не удивилась я.

— Разумеется, это в тебе написано, — ответил голос.

— Как я могу объяснить тебе его? Я хотела бы сама себя понять для начала. Может, ты ответишь на мой вопрос? Я тебе нравлюсь?

— Нравишься, только ты очень умная Книга.

— Нравлюсь, потому что умная?

— Потому что в тебе много умного написано. Хотя я не понимаю, почему это говорил Христос. Это же Автор Книгу придумал.

— Автор придумал Текст, — возразила я. — Это он тебе нравится?

— Ну, конечно, а что же ещё?

— А он, этот Текст, может тебе не понравиться?

— Какие глупые вопросы ты задаёшь! — ответил мой собственный голос.

— Леночка...

Брр. С кем это я разговариваю?! Неожиданно в комнату вошла Леночкина мама и спросила:

— Уроки сделала?

— Не-а. Я книжку читаю.

— Нравится?

Я чуть не выпала из переплёта. Ещё никогда люди об этом друг друга не спрашивали!

— Ага. Слушай, мам, а у тебя есть книги про Иисус Христоса? Ну, кроме Библии.

— А тебе задали о Христе? В библиотеку сходи...

— А что, что нравится? Скажи, пожалуйста! — перебивая, закричала я, но при слове «библиотека» прикусила язык.

— Это мысль! — заявила Леночка.

Я даже не поняла, когда она прекратила чтение, перевернув меня обложкой вверх, и переместила с кровати обратно на стол.

Упоминание о библиотеке выбило меня из колеи. «Святые магазины, где каждая Книга нужна... Большие дома, в которых живут Читатели... Свалки ненужных Книг...» — я много всего слышала о

библиотеках от других Книг, но ни разу не встречала Книгу, которая была бы там хоть раз.

Эх, всё априори, априори! А я ещё такая молодая! И столько опыта ещё впереди... Радостная и счастливая, я улыбнулась разговаривающей по телефону Леночке и быстро уснула.

И приснился мне Книжный Магазин и моя первая подруга Весёлая Наука. Мне снилось, что её читают прямо не отрывая от полки...

А чтение меня наяву продолжилось на следующий день... но это выглядело... мягко говоря, странным образом. Леночка открыла меня на закладке (ах, как я обожаю этот сладкий, полный необыкновенного предчувствия миг — открывание на закладке!) и положила на ещё одну открытую Книгу. И продолжила читать.

— Эй, эй... ты кто? — затеребила я своего соседа. — Объясни мне, что происходит?

— Ви... ви... вишнёвый Сад, — назвался он и... заплакал — негромко и безнадежно.

Он больше ничего не сказал. Меня разрывало на части — с одной стороны, беспокоил Вишнёвый Сад, находящийся подо мной, а с другой — Леночка меня читала, и поэтому контролировать мысли и ощущения я уже не могла.

— Леночка, Леночка! — позвала я под всхлипы соседа.

— С кем ты на этот раз беседуешь? — последовал вопрос.

— Что тебе нравится во мне? Ответь мне ещё раз, только честно и конкретно. Тебе нравится Текст во мне?

— Да.

— Очень нравится?

— Да, только я его плохо понимаю.

— Значит, Текст может нравиться вне зависимости от понимания?

— Это сложно объяснить.

Вдруг я вспомнила девушку по имени Юля, которая ударила меня об стену. Мне стало немного больно, слегка задрожали странички с пятьдесят третьей по шестьдесят пятую.

— Скажи, Леночка, какое влияние Текст имеет на Читателя?

— Великое.

Мне снова отвечал мой же голос, но я не придавала этому значения.

— Так значит, Текст — самое главное во мне?

— Да.

— Леночка! Ты уроки сделала? — раздался голос её мамы, и мне показалось, что вчера было то же самое.

— Делаю, — услышала я голос Леночки, и почувствовала, как меня приподняли. — Литературу.

— Чехов что ли?

— Да. Нам задали образ Ани как вещего птенца в протухшем дворянском гнезде.

Нас с Вишнёвым Садам отложили в сторону. Я вздохнула и собралась с мыслями. Мне отвечали два голоса: мой собственный и незнакомый, причём незнакомый зачитывал куски моего Текста. Это, конечно, было прекрасно — так я хоть чуть-чуть узнаю, что же во мне написано. Но дело в том, что меня волновало другое. И каждый новый ответ, полученный в сеансе Чтения, порождает всё новые и новые вопросы...

К примеру, на вопрос «зачем Читатели читают Книги?» у меня была масса исключаящих друг друга по смыслу ответов. Были ли среди них правильные?

Зато теперь я знала, вернее, чувствовала всеми фибрами своих страничек: я без Текста не существую. И вообще, никакая Книга без Текста не существует. Хотя мне больше нравилось красивое, хоть и длинное «Литературное Произведение», нежели безразличное «Текст».

Я засияла! Я почувствовала себя живой! Я почувствовала себя настолько счастливой, что в очередной раз не смогла сдержать слёз...

И когда Леночка снова взяла нас с Вишнёвым Садам, чтобы читать меня, зачем-то закрываясь им, я услышала, как моя Богиня пробормотала: «Странно, почему вода на обложке...»

А может, мне показалось, что я это услышала?

И я решила помолчать. Это было трудно — мысли и вопросы то и дело лезли в голову. Мне хотелось поделиться своим хрупким счастьем с Леночкой.

«Бог — это не абстракция. Это живое присутствие — всеблагое, абсолютно щедрое, счастливое. Целостное и свободное».

Это произнесла я! Но я не хотела!

«Освободись от выдуманных тобой пределов возможного. Бог вне этих пределов, ибо Он не имеет формы. Будучи бесформенным, он обитает во всём».

Брр... Я не хочу это говорить! Я приказываю себе молчать...

Но Текст лился. Мой Текст, моё Литературное Произведение лилось из меня, будто бы не Леночка читала меня, а наоборот — я читала Леночку вслух...

Это лилось и лилось из меня, и я, не понимая того, что говорю, просто произносила Текст, наслаждаясь процессом и купаясь в бесформенном ощущении счастья...

Под звуки собственного голоса я не заметила, как закрыла глаза и перенеслась... нет, не в мир грёз, хотя это было похоже... а в другой, совсем не придуманный мир.

Я находилась на кресте, но не в теле человека. Я по-прежнему была Книгой. Рядом и вокруг меня были другие кресты, и на них умирали грязные и небритые люди в лохмотьях. А я не умирала, хотя чувствовала неприятное покалывание в районе ладоней и где-то вечно неподвижных ногах.

Толпа внизу глядела на меня — кто с ненавистью, кто с жалостью, кто с безразличием. Я не видела искренности в глазах смотрящих. Вдруг одна из пожилых женщин, скрывавшая лицо за куском грубой ткани, закричала на непонятном языке. Но я поняла, что она обращается ко мне и спрашивает:

— Ты кто, Анна?

Сразу же нестройный хор других голосов поддержал её:

— Ты кто? Кто ты такая? Что ты здесь делаешь?

Один из людей в лохмотьях повернул свою голову ко мне и прошептал:

— Ты Иисус из лазарета. Ты воскрес.

— Я Книга... — сказала я, но меня никто не слышал, и тогда я повысила голос: — Я Книга!

Только мне не удалось перекричать толпу, скандирующую свои вопросы на разных языках и разными голосами:

— Кто ты? Кто ты такая? Что ты здесь делаешь?

Но мне удалось прочитать табличку, висящую на груди моего соседа по кресту. На ней человеческой кровью было написано имя:

«Лазарь».

7. Библиотека

Из этого немыслимого мира я вышла очень резко и внезапно, будто бы проснулась по звонку будильника. На самом деле Леночка просто прекратила меня читать, заложила где-то в районе двухсотой страницы и разлучила с Вишнёвым Садам.

Выход оказался крайне болезненным, подобно удару об стену или воде, пролившейся на обложку. Я долго боялась открыть глаза, всё ещё пребывая в состоянии божественной невесомости. Мне вспоминались обрывки странных событий — на кресте, эти крики и непонятные вопросы — но события казались чем-то второстепенным. Лучше них зафиксировалось парадоксальное ощущение, которое было трудно принять: я вовсе не Книга.

Но кто же я тогда?

Нет, я Книга! И во мне есть Литературное Произведение!

Вот только Книг не распинают на крестах, как людей. Если бы мне это пригрезилось, если бы я вообразила... я могу представить, что я вишу на кресте. Но что толку, если это — не переживание? А во время произнесения собственного Литературного Произведения случилось переживание.

Случилось и прошло. И теперь опять ждать, пока Леночка возьмёт меня и продолжит читать?!

Мысль, зудевшая в голове, ждать не умела. Ей хотелось избавиться от проклятия, в которое я верила всё больше. Как мне прочитать себя без помощи Леночки, моего нового Бога? Я пыталась сопротивляться этой мысли, но чем больше я сопротивлялась, тем ожесточённее она мучила меня.

Шло время, я ворочалась, дрожала и обливалась горьким потом, но так и не смогла произнести ни слова из своего Текста. В бессилии я рухнула на дно спасительного мира грёз.

Питаюсь радужными цветами и гармоничными звуками, я не почувствовала небольшого полёта и не заметила того, что меня переместили на полку. Даже наяву я ещё долго не могла понять, где нахожусь и почему — в таком странном положении. Слева мой взгляд упирался в тёмное деревянное небо полки, а справа — в несколько Книг, вернее, в их макушки. Я долго копошилась и вертела головой,

пока не осознала, что меня положили на Книги сверху, а не поставили, как обычно, между ними.

— Эй, здравствуйте! — крикнула я. — Я ваша новая соседка. Меня зовут Безусловная Любовь.

Но отклика не последовало. Я попыталась ещё несколько раз, прикоснулась рукой к макушкам незнакомых Книг — безрезультатно. Снова почувствовала закладку. Скоро меня снова возьмёт Леночка и дочитает. Обязательно...

* * *

У книжных болезней есть одно нехорошее качество: никогда не замечаешь, как они начинаются, а когда они поражают все страницы и переплёт, становится слишком поздно их бояться.

Я была ещё слишком юна и не знала, чем чреваты приступы острой ненужности, начавшиеся спустя трое суток тотального одиночества. Я не знала, насколько заразна летаргическая апатия, которой, как впоследствии оказалось, были поражены все без исключения Книги на полке. Их молчание было мёртвым молчанием, их глухота оказалось хронической, их безразличие к окружающей жизни приобрело почти неизлечимую форму.

Апатия накрыла меня спустя неделю кошмарных снов и жестоких галлюцинаций. А всё дело в том, что Леночка забыла о том, что не дочитала меня до конца. Не дай Читатель самому лютному врагу испытать мук недочитанной Книги! В поисках ответов на вопросы «Как же она могла со мной так поступить?», «Почему она меня бросила?», «Неужели Богиня разгневалась на меня?» я медленно умирала в одиночестве. Приступы ненужности повторялись всё чаще, доводя меня до слезливых истерик, и вскоре моё тело не выдержало боли неприятия и лишилось сознания.

Летаргическая апатия принесла с собой облегчение, бессмысленность и тёмную пустоту. Чувство времени исчезло, вокруг серо, прохладно и спокойно — наверное, это было похоже на смерть.

«Тебе повезло, — сказали бы мне проснувшиеся старые Книги, — обычно в летаргию впадают на десятилетия, и чем дольше Книги спят, тем меньше шансов у Читателей их разбудить».

У других Книг шансов разбудить больную практически нет. Поэтому, когда поглотившая меня унылая пустота сменилась

слепающим светом, чьими-то настойчивыми прикосновениями и громкими голосами, я ещё долго не могла понять, где нахожусь. Страшно болел переплёт, происходящее вокруг казалось очередным тревожным видением из мира грёз, а позабытое чувство реальности возвращалось так же медленно и болезненно, как исчезало сколько-то дней назад.

— Эй... Эй... Ты жива, просыпайся! — теребили меня слева.

— Книжечка! Новенькая! Пожалуйста, очнись! — доносилось справа.

— Г-г-де... г-г-де... я? — мой с трудом расплетающийся язык еле вымолвил первые слова.

— Ты в Библиотеке.

— К-как?!

Похоже, предстояло поверить в ещё одну невозможность. Скорее, Идиоты бы спустились с небес в Книжный Магазин, чем я смогла бы перенести такое количество шока одновременно!

— Ты в Библиотеке. Но ты не из Типографии, хотя выглядишь совсем молодо. Откуда ты?

Мне бы самой хотелось это знать.

— Слава Автору, ты жива! Ты жива, жива! Жива!

Ура, конечно. Только почему жизнь — бесконечная череда боли и удовольствий?

Адекватное восприятие вернулось ко мне спустя несколько часов. Я находилась на полке, подобной той, в Книжном Магазине. Напротив меня стояла в точности такая же полка с Книгами. Яркий свет, специфический незнакомый запах, напоминающий аромат... объятий Апологетики. Левая соседка, тоненькая белая с чёрными вкраплениями Книга по имени Лирика радовалась так, будто бы это она, а не я впервые угодила в Библиотеку. Правый мой сосед в твёрдом переплёте с удивительным именем Восстание Ангелов, добродушно улыбался, всей своей обложкой излучая уверенность и дружеское участие.

— Как я здесь оказалась?

— Тебя принесла Арина и поставила между нами, — ответил Восстание Ангелов.

— Кто это — Арина?

— Библиотекарь. Человек, который разрешает Читателям нас прочитать.

«Бог Богов?» — подумала я, но вслух спросила другое:

— А как я оказалась у Арины?

— Наверное, какой-нибудь Читатель вернул, — предположил Восстание Ангелов.

Читатель у меня был один — Леночка. Но зачем?! Меня же ей подарили... И тут я, будто спохватившись, вцепилась в соседа:

— Какое сегодня число и год?

— 30 апреля 1631 года от рождества Первокниги, — откликнулась Лирика, а Восстание Ангелов недоумённо пожал плечами.

Хорошо, что я кое-то помнила о книжном летоисчислении. Открытка утверждала, что меня подарили Леночке 9 ноября 2005 года по человеческому календарю, а значит, я пробыла в летаргической апатии около пяти месяцев.

Я пересказала соседям события тех дней, что помнила перед тем, как провалилась в болезнь. Восстание Ангелов долго напряжённо думал и, наконец, произнёс:

— Когда я жил на полке своего семнадцатого Читателя, Модель Для Сборки рассказала мне забавную историю про одну библиотечную Книгу. Её Читатель однажды забыл вернуть эту Книгу в Библиотеку, отчего та заболела лютой ненавистью к жизни. А когда она узнала, что вместо неё Читатель вернул в Библиотеку совсем другую Книгу, и даже не её сестру, та несчастная Книга покончила с собой.

— Не может быть! — изумилась я.

— Да, да. Отец Читателя взял её на свою работу в научный институт, и Книге удалось выскользнуть из его рук прямо на стол с химическими реактивами. К сожалению, история не сохранила имени этой потрясающей по чувственности героини.

— Зачем ты рассказал ей? — заволновалась Лирика, теребя меня за руку. — Ты, пожалуйста, не верь ему, это просто библиотечная легенда.

Но я не поняла волнения Лирики, поскольку знала только понаслышке, что такое Библиотеки, и как в них попадают Книги. Я попросила своих соседей просветить меня на этот счёт. Перебивая друг друга и часто скатываясь на иные темы, Лирика и Восстание Ангелов поведали мне примерно следующее.

Не все Книги после создания Типографами посредством помещения в их страницы Литературных Произведений видят первый

в жизни свет на полках Книжных Магазинов. В Книжном Мире существует так называемая Святая Милость, даруемая свыше — и это — таинственная сила неизвестной Книгам природы, исходящая от Авторов или Типографов. Благодаря этой Милости некоторые Книги и попадают в Святые Дома — Библиотеки. Все библиотечные Книги делятся на две религиозных категории: одни верят в Богов-Авторов, другие — в Богов-Типографов.

На этом месте я хотела изложить свою теорию про Богов-Читателей, но посчитала неэтичным сразу же вступать в спор со своими новыми, такими добрыми и счастливыми соседями.

Так вот, попав в Библиотеку, Книга получает клеймо на всю жизнь в виде штампа на 17-й страничке и бумажного ярлыка, приклеенного к обратной стороне обложки. Процедура практически безболезненная, а я, будучи в летаргической апатии, даже не почувствовала, как она прошла. После чего Книга называется библиотечной, помещается на определенную полку и ждёт своего Читателя. Эти Книги нельзя купить, именно поэтому всё, что связано с Библиотеками, в Книжном Мире окружено ореолом святости.

Библиотекари — это кто-то вроде книжных Апостолов, работающих на Земле, и дающих разрешение людям читать ту или иную Книгу. Существует светлое поверье про падших библиотекарей, которые стали первыми продавцами в Книжных Магазилах и тёмное поверье про вознёсшихся до небес продавцов.

Каждая библиотечная Книга ждёт первого Читателя подобно тому, как Книга в Магазине ждёт покупателя. Вот только у библиотечной Книги гораздо больше шансов быть прочитанной много раз разными людьми, поскольку Читатель обязан вернуть Книгу в Библиотеку. При этом Лирика объяснила мне, что далеко не каждый Читатель читает библиотечные Книги полностью, да и вообще, взяв или приобретя Книгу, человек не обязательно становится её Читателем.

Слова Лирики легли нежным бальзамом на мою трепетную душу. Узнав, что Лирику ещё ни один из восьми Читателей не дочитал до конца, а два человека вернули её в Библиотеку, даже ни разу не открыв, я приняла это как данность и почувствовала приятное облегчение. Всё же люди — не Боги, и становиться Богом-Читателем — большая ответственность. А став Читателем, человек вправе сделать с Книгой всё, что угодно, и Книга должна принимать Божью волю. Если же

человек обижает Книгу, не став Богом, то будет за это справедливо наказан, как, например, девушка Юля, которую мой читатель Серж отправил на свалку.

У Лирики было уже восемь Читателей, а Восстание Ангелов мог похвастаться аж двадцатью пятью. Впрочем, и возраст моих соседей исчислялся годами. Узнав о трёх моих Читателях за пять месяцев, Восстание Ангелов аж присвистнул.

— Ещё ни одна из моих знакомых магазинных Книг не имела больше одного Читателя за первый год жизни, — заявил он.

— С такой стремительной Судьбой очень легко быстро стореть. Апатия была дана тебе свыше для передышки. Пусть я библиотечная и мне грех жаловаться на Судьбу, но я уже почти завидую чудесам, творящимся с тобой, — добавила Лирика.

— Среди магазинных Книг существует теория, что счастливая Судьба — это найти Читателя, которому ты будешь нужна, и такой Читатель один-единственный в мире, — осторожно заметила я.

— Знаем, знаем, — кивнул Восстание Ангелов. — Только мы, библиотечные, считаем, что у каждой Книги — своё призвание, своя миссия. Можно подарить своё Литературное Произведение одному Читателю раз и навсегда, а можно многим, и обрести счастье в этом. Можно годами прожить на полке в Библиотеке, а можно быть купленной в Магазине в первый же день жизни. Нет однозначного ответа, моя дорогая Безусловная Любовь. Книга — сложное, многоплановое и таинственное Существо, поэтому обитатели иных миров нас часто не понимают.

— Расскажите мне ещё про Библиотеки, — попросила я.

Вскоре я узнала, что далеко не всегда и не все Книги попадают к Читателям домой. В каждой Библиотеке есть место — Книжный Рай, который люди называют читальным залом. В Раю существует только одно-единственное занятие для Книг — быть читаемыми. Там царит атмосфера блаженства, радости и покоя, и каждая библиотечная Книга стремится попасть туда. Лирика не была там ни разу, а Восстание Ангелов — единожды, и это был самый счастливый день в его жизни, который длился целую человеческую неделю. Его пятый Читатель по имени Светлана приходила в Библиотеку утром, брала Восстание Ангелов и уносила его в Рай. Вечером они разлучались, чтобы

встретиться снова на следующий день и познать непередаваемое словами состояние любви ко всему миру.

Я осмелилась спросить — а существует ли Книжный Ад?

Восстание Ангелов не верил в его существование, так же, как и в легендарные байки про свалку и макулатуру, хотя всегда охотно пересказывал их всем новым знакомым. Лирика же считала, что если и есть Книжный Ад, то только не в Библиотеке. У неё была своя, довольно любопытная, концепция Ада. Лирика воображала некое тёмное помещение, толстые стены которого обиты железом, а внутренности заставлены металлическими механизмами. Эти механизмы работали круглосуточно, издавая невыносимые для книжного уха стоны и вопли раздираемых на куски бумаги Книг. Книга-жертва, попавшая в Ад, лежала на столе посередине помещения открытая на первой странице в полном одиночестве. Будучи открытой и нечитаемой, она не могла отключить слух. И каждый час в помещение заходил новый человек. Он на пару секунд выключал грохот механизмов, но только для того, чтобы подойти к Книге и сказать: «Я не буду тебя читать». А затем всё продолжалось. У жертвы всегда оставалась надежда, что очередной посетитель вырубит механизмы, возьмёт несчастную с собой и, может быть, прочтает. Но это Ад, и здесь надежда никогда не умирает, заставляя жертву страдать от разъедающего душу отчаяния.

Восстание Ангелов совсем не пугала эта концепция. Он считал, что быть не прочитанной ни разу в жизни — не трагедия, а одна из возможных существующих для Книги миссий. Я не стала спорить, хотя была не согласна с такой постановкой ответа, при этом чувствуя, что Восстание Ангелов мудр.

Ещё одной библиотечной загадкой, им не разгаданной, являлся возврат Книги Библиотекарем на одну и ту же полку. И вот здесь я решила блеснуть своими знаниями, полученными в беседах с Апологетикой:

— Наверняка это связано с нашим смыслом. Смысл Книг для самих Книг — совсем не тот, что для людей, и это вытекает из теории относительности смыслов, открытой Третьим Экземпляром Камасутры ещё в первом веке нашей эры! У людей — какие-то свои критерии понимания Книг, и может быть, далеко не все книжные загадки мы вообще в состоянии разгадать.

— А ты уже прочитала себя? — улыбнулся в ответ Восстание Ангелов.

— Нет! — вдохновенно воскликнула я. — Но я уже начала! И я знаю, что во мне есть Литературное Произведение, которое как-то связано с человеком, распятым на кресте.

— А мы с Лирикой совершенно непохожие, — сказал Восстание Ангелов. — В нас разные Литературные Произведения не только по содержанию, но и по форме. Лирика содержит стихи...

— Стихи?! — перебила я. — Ой, простите...

Вспомнился ревнивый и злой Старый Пруд. Но Лирика совсем другая, хотя в ней тоже стихи...

— ...стихи о любви и природе, а я содержу роман о войне и церкви, — продолжил Восстание Ангелов. — Наши Читатели черпают из нас разные смыслы. Ты предполагаешь, что люди разделяют Книги по полкам, основываясь на их смыслах. Поскольку мы трое — Книги с разными смыслами, значит, для нас существует специальная полка — для Книг с непохожими смыслами. А все Книги с одинаковыми смыслами живут на другой полке.

— Странная логика, — заметила Лирика.

— Для нас — странная, потому что по ней я должен жить на полке с Книгами о войне и церкви, а не здесь. Но для людей — вполне нормальная логика. Впрочем, это не отгадка, а лишь моя гипотеза.

— А ты хорошо знаком с миром людей? — спросила я.

— Всё, что я знаю о нём — в основном, легенды и гипотезы. Всё, что я не знаю о нём — ты узнаешь сама.

— Расскажи, пожалуйста, про Авторов. Ведь правда, что Авторы — Идиоты? Я никогда в жизни не видела Автора!

— Пусть Лирика тебе расскажет, она верит в то, что они — Боги.

Тут уж я не удержалась и выложила всё, что мы с Апологетикой напридумывали про Читателей. В это время в Библиотеке погас свет — видимо, она закрывалась, как Магазин, на ночлег. Но я рассказывала так горячо и самозабвенно, размахивая руками и колотя себя кулаком в обложку, что не заметила, как Восстание Ангелов уснул!

— Он очень устал, после того как четыре часа приводил тебя в чувство. Пусть отдохнёт, — сказала Лирика.

— Ну и как тебе наша теория? Вот Леночка, моя третья Читательница, подтвердила её. Читатели создают нас и решают нашу

Судьбу.

— Знаешь, если бы всё было так просто... — Лирика покачала головой и поправила страничку номер восемнадцать. — Вот скажи, ты знаешь, кто твой Автор?

— Типограф?

— Нет. Кто Автор Литературного Произведения, которое есть в тебе?

— А... нет, не знаю. Я как-то не задумывалась. Увы, его имя на обложке не написано...

Произнеся последние слова, я почувствовала, как в душе что-то предательски вспыхнуло. Как узнать, кто Автор моего Произведения? А вдруг мой Автор — Идиот!?

— А как это постичь? — спросила я.

— Есть много способов, но ни один из них не гарантирует положительного результата.

— Об одном я уже слышала. Это смерть.

— Да... — Лирика вздохнула. — Ну так вот. Иногда имя твоего Автора произносят люди, но чаще всего Книги его не слышат, поскольку не готовы услышать.

— Даже если настроены на канал связи?

— Даже если настроены.

— Да уж, отличный способ, — усмехнулась я.

— Иногда имя твоего Автора можно прочитать на обложке, для этого необходимо обладать абсолютным зрением.

— Правда?! Да нет, этого не может быть! Нет никаких имён авторов на обложках! К тому же, я не обладаю таким зрением.

— Ну, я тоже. Абсолютным зрением обладают Книги, прочитавшие себя от корки до корки. Их ещё называют Рукописями.

— Странно... Что это значит?

— Старинное поверье, известное среди Книг как легенда Доброй Горы, гласит, что перед тем, как стать Книгой, каждая из нас была слепой Рукописью, то есть Литературным Произведением, написанным Автором на листах бумаги. А после того, как Автор приказывает Типографам превратить Рукопись в Книгу, мы приобретаем зрение, но забываем нашего Автора.

— Никогда не слышала этой легенды! — искренне восхитилась я знаниями Лирики.

— Таким образом, в глубине своей мы с тобой — Литературные Произведения. Я думаю, что ты уже не раз догадывалась об этом.

— Да... Как ты права! Буквально перед болезнью мне удалось почувствовать — это было небольшое яркое переживание того, что я никогда раньше не испытывала — ни во сне, ни в мире грёз. Я чувствовала себя... как бы это сказать... тем, о чём во мне написано. Но потом это прошло, и я снова стала Книгой.

— Прочитав себя с помощью Читателей, ты ослепнешь для многих прежних заблуждений и приобретёшь способность ясно видеть реальность. Ты снова станешь Рукописью — но в форме Книги. И тогда ты узнаешь не только своего Автора, но и Авторов всех окружающих тебя Книг. Так гласит эта великая легенда.

— Похоже, магазинные Книги не знают о ней, — заметила я. — А ты встречала когда-нибудь Книгу-рукопись?

— Нет, их не встречал никто. Так гласит легенда.

— Какая хитрая легенда! Они наверняка есть, потому что нельзя вообразить то, чего нет!

— Конечно, они есть! — рассмеялась Лирика. — Давай я продолжу вещать о способах узнать своего Автора. К примеру, многие увлечены осознанными сновидениями, потому что бывает так, что Автор приходит к тебе во сне. Именно во сне, который невозможно правильно вообразить.

— Однажды я видела человека, который что-то записывал пером на бумагу. Это было во время чтения моим любимым Читателем. Но у меня не возникло никаких ассоциаций с тем, что этот человек — Автор. Казалось, что он — скорее Типограф, и выжигает на моих страницах какие-то тайные знаки.

— Видения во время чтения приравниваются к вещим снам, — пояснила Лирика. — Идём дальше. О смерти как способе узнать Автора ты сказала сама, и, наконец, последний из известных мне методов — групповая медитация сестёр, пришедшая к нам со времён первых пятидесятых тиражей.

— Ну, это нам совсем не светит, своих сестёр я не знаю.

— Узнаешь, с твоей-то прытью! — успокоила Лирика. — Теперь вернёмся к вопросу авторства. Автор создаёт Литературное Произведение...

— Живой Текст, — вставила я.

— Да, совершенно верно. И этот Текст способен оживить Существа различных форм. Поначалу он оживляет Рукопись, затем может оживить Книгу. Или, например, Открытку. Или Журнал. Или...

— Но это Существа других миров! — возразила я.

— У меня есть доказательства — мой опыт общения, — спокойно продолжила Лирика. — Пару лет назад мне довелось встретиться с одним Журналом, в гостях у четвёртого Читателя. К тому времени я уже помнила кое-какие свои Стихи, понимала, что каждое Стихотворение — это Литературное Произведение, и во мне их много, и в совокупности они составляют одно Мегалитературное Гиперпроизведение. Журнал этот по имени Сибирские Дары поведал много интересного о своём Мире, но большинство сведений казались мне противоречивыми и бесполезными, потому как для начала неплохо бы в своём мире разобраться, а лишняя разноуровневая информация сильно этому мешает. Зато одну небольшую истину я усвоила — есть Миры, близкие нашему Миру и созданные одними и теми же Богами. То есть — Авторами.

— Кажется, я догадалась, о чём ты.

— Ты вообще не по годам смышленная Книжечка, — похвалила Лирика. — Да, в том Журнале был кусочек Текста Стиха, похожий на тот, что есть во мне. А поскольку в Журналах, как правило, находятся Произведения многих Авторков, представь, каково им живётся и познаётся...

— Значит, мы с тобой — всего лишь формы? Но какой в этом смысл?

— Хорошие вопросы ты задаёшь на ночь глядя. Мы с тобой Книжки — живые формы благодаря Текстам, придуманным Авторами. Поэтому я верю в божественность Авторков.

— А кто такие Идиоты? — не унималась я.

— Забудь про идиотов, этим словом называют всех подряд. Давай ложиться спать, или ты хочешь со мною сопереживать общему видению?

— Ой, наверно не сейчас, милая Лирика. Честно говоря, я тоже жутко устала.

Чувствовалось, что я ещё слишком слаба после апатии, и необходимо было набраться жизненной энергии. А поскольку Книжки не

кушают, как люди, единственный способ для них подпитаться — крепкий здоровый сон без сновидений часов на тридцать...

* * *

Меня растолкал Восстание Ангелов — он жаждал продолжения вербального контакта. Я уже давно подметила — львиная доля словесного общения приходится на первые несколько дней знакомства. Я так ему и сказала.

— Ересь, — махнул он рукой. — Это ты ещё ни с кем не прожила на полке хотя бы год.

— Мне через пару месяцев исполнится год, — напомнила я самой себе. — А что такое год для Книги? Тебе вот двенадцать — что для тебя время?

— Книга рождается бессмертной, но может умереть. Жизнь Книги — непознаваемый парадокс, и чем старше я становлюсь, тем меньше желаю что-либо знать.

— Значит, ты просто смеёшься надо мной, неопытной и глупой.

— Да, и прошу не обижаться, — Восстание Ангелов громко засмеялся, перебудив хохотом всех соседей. Когда он устал надирать переплёт, то снисходительно предложил: — Ну, давай свои вопросы, я с радостью на них отвечу. И прости, что вчера не дослушал тебя, сама понимаешь, выводить Книгу из летаргии — дело хлопотное...

— Прощаю, — подыграла я. — Вот вчера мы касались темы смысла Книги для людей. Вот скажи, у тебя уже большой опыт чтения, да? Какое влияние ты оказываешь на людей?

— Именно я?

— Ну, вообще Книга. Тебе же проще на своём примере показать?

— Хорошо, представь на минутку, что человек — это Книга.

— Легко. У меня часто бывают видения, что я человек.

— Человек состоит из обложки, переплёта, страниц — то есть имеет некую завершённую форму. Ага?

— Ага.

— Но, помимо этого, как мы с тобой знаем, в человеке есть Литературное Произведение. Как и в любой Книге.

— Ну, допустим. Это метафора, и мне трудно осознать, что в человеке есть Литературное Произведение, ведь я толком не знаю, что оно представляет собой в Книге.

— Неважно, главное, что оно есть, и ты его хоть немного чувствуешь.

— Это да, безусловно.

— Так вот. Когда контактируют Книга и человек, форма контактирует с формой, а содержание — с содержанием. Или можно сказать иначе: Книга оказывает влияние на тело человека, а Литературное Произведение — на его душу.

— погоди! Я — не два разных объекта! Книга и Текст — одно целое. Текст налит в меня, как вода в бездонный кувшин. И чтобы нас разъединить...

— ...надо разбить кувшин, — закончил мою мысль Восстание Ангелов. — Да, мы одно целое, и разделение условно. Оно важно для понимания моего ответа на твой вопрос.

— Я поняла. Вначале человек, ещё не будучи Читателем, смотрит на меня, и если я хорошо выгляжу и нравлюсь ему, он берёт меня и, может быть, читает. И тогда, в зависимости от того, нравится ли ему моё Литературное Произведение или нет, я чувствую себя или хорошо, или не слишком во время чтения. Значит, узнать всё про влияние меня на людей я смогу, только прочитав и поняв себя полностью. Восстание Ангелов, а тебе не кажется, что смысл жизни Книги сводится именно к этому — прочитать себя? Это принесёт Книге ответы на все вопросы и долгожданный покой.

Восстание Ангелов промолчал, а я вспомнила ещё кое-что про Тексты.

— У тебя было много Читателей. Скажи, Текст, который в тебе — мёртвый или живой?

— Текст не может быть мёртвым, потому что не бывает мёртвых Книг.

— Ну, я не знаю, ну, как тебе объяснить... — я снова заволновалась и задела корешком мурлыкающую во сне Лирику. — Вот Текст, который оживляет Рукопись, а затем Книгу — живой. А бывают мёртвые Тексты, которые создаются Авторами-Идиотами...

— И они тоже оживляют Рукописи? — улыбнулся Восстание Ангелов.

— Нет... — я растерялась. — Я не знаю, я хочу спросить у тебя.

— Эх, Безусловная Любовь! И что за Расписание Электричек придумало разделение на мёртвое и живое! — сосед выглядел

недовольным и даже слегка возмущённым. — Милая моя, если мы предположим, что бывают мёртвые Тексты, а, следовательно, мёртвые Литературные Произведения, а, значит, мёртвые Книги, то получается, что всё это кладбище — порождение мёртвого Автора и такого же безжизненного Типографа. Можешь назвать его хоть идиотом, хоть бегемотом, хоть рифмоплётом — суть не меняется!

— Значит, всё живое?

— Да, всё живое.

— Но живое можно умертвить! — сопротивлялась я. — Автор, создавший Текст, может убить его. И сказать Типографу: это живой Текст, а на самом деле он — мёртвый.

— Тогда Книга родится мёртвой и никогда не заговорит с тобой, — возразил Восстание Ангелов.

— А если наоборот: Автор говорит Типографу, что Текст мёртвый. Хотя на самом деле он, конечно, живой. Будет ли Типограф создавать Книгу?

— А зачем Автор обманывает Типографа?

— Ну, он же идиот!

— Ах, да, конечно. Бывают боги, считающие себя идиотами.

Сосед иронизировал по поводу моих предположений, а я хотела серьёзной беседы. Неужели придётся ради этого дожидаться пробуждения Лирики?

— Всё упирается в вопрос: способен ли живой Автор создать мёртвый Текст. И что будет с Книгой, в которой окажется такой Текст.

— В Книге — не просто Текст, а Литературное Произведение, — напомнил Восстание Ангелов.

— А в чём отличие? — ухватила я за соломинку.

— Не каждый Текст — Литературное Произведение, но каждое Литературное Произведение — Текст, — ответил сосед, повергнув мой разум в глубокий мыслительный ступор.

Восстание Ангелов не тревожил меня, погрузившись в расслабляющую постраничную медитацию вместе со своим правым соседом. Лирика, проснувшись и обнаружив меня в неадекватном состоянии, поначалу испугалась, решив, что я опять впала в летаргическую апатию.

Через пару часов я ласково ткнула Восстание Ангелов локтём в обложку. Сосед наострил ушки, чтобы в очередной раз услышать что-

нибудь умное и посмеяться.

— Меня серьёзно задело то, что ты сказал. Спасибо, что дал мне время подумать над ответом и не спорить с тобой на пустом месте, — начала я и вдруг неожиданно чихнула.

— Будь бессмертна! — посоветовали хором мои соседи.

— Храни вас Бог, а кто он такой, я когда-нибудь разберусь.

— Библиотека — пыльное место, хотя здесь часто убираются. Многие Книги вынуждены жить с хронической аутогенной аллергией, — вздохнула Лирика.

— Сейчас я познакомлю вас с открытиями, которые на меня свалились благодаря услышанным от Восстания Ангелов необъяснимостям, — между тем продолжила я. — Общепринятая теория гласит, что Авторы создают Тексты, которые оживают и становятся Литературными Произведениями. Я же предположила, что Авторы создают Литературные Произведения из Текстов. Ведь Текст — это материал, из которого состоят наши души. Почему бы не предположить, что Авторы создают не сам материал, а из него?

— А кто же тогда создаёт материал? — спросил Восстание Ангелов.

— Никто. Он просто есть. Как и Авторы. Создатели не нуждаются в создателях.

Восстание Ангелов хотел было улыбнуться, усмехнуться, сыронизировать — но притих. Неужели я высказала мысль, доселе неизвестную ему?

— Далее. Авторы создают, и что у них получается? У них может получиться что угодно! Верно? Моя теория открывает множество возможностей...

— Хм, некоторые забавные Книги утверждали, что не только Расписание Электричек, но даже Инструкции и Партбилеты состоят из того же Текста, что и мы.

— Даже у Инструкций есть свой Автор, — заметила я. — Ведь ты не Учение Храма, чтобы априори называть всё необъяснимое научной ересью? И ты — не Старый Пруд, чтобы называть идиотской писаниной любой Текст, кроме своего собственного? Раньше я тоже велась на уверенные слова довольных жизнью книгоцентристов, которые на самом деле — жалкие, надутые и гордые рифмоплёты!

Соседи едва сдерживали смех — то ли они действительно не считали меня взрослой Книгой, то ли просто хотели меня обидеть. Но я через один и тот же костёр два раза не прыгаю.

— Дорогая Лирика, ты веришь в то, что Авторы — Боги. Позволь мне ещё раз усомниться в этом. Авторы могут создать из Текста что угодно, и живым он становится только тогда, когда преобразуется Автором в Литературное Произведение. Тексты оживают не сами по себе, но лишь благодаря Авторам!

— Значит, Авторы, по-твоему — сверхбоги? — спросила Лирика.

— Нет. Поскольку Текст может остаться просто мёртвым материалом и не стать Литературным Произведением, как бы Автор не мучился. В этом и таится разница между мёртвым Текстом и живым Литературным Произведением. Автору может казаться что угодно — и тогда он способен наречь мёртвый Текст живым, а живое обозвать мёртвым. Типографы способны наполнить Книгу любыми Текстами — живыми или мёртвыми. И Книга с мёртвым Текстом будет жива — но лишь как обложка, переплёт и страницы. Она будет очень несчастной, такая Книга, ибо никогда не сможет обнаружить в себе Литературное Произведение. Это Авторы-Идиоты прокляли её, отдав свои мёртвые Тексты Типографам-Демонам. Возможно, многие Книги, которые не читают, или те, которые только листают, или те, которые бьют об стену вместо чтения — это Книги с мёртвыми Текстами.

— Или их читают мёртвые Читатели, — ехидно добавил Восстание Ангелов.

— Я очень хочу, чтобы вы мне поверили, и не просто поверили, а вспомнили свой опыт и нашли в нём подтверждение моей теории. Наверняка вам встречались такие Книги, в отличие от меня...

— По статистике... — Восстание Ангелов легко воспользовался моей неуверенностью, — треть библиотечных и половина магазинных Книг живут в данную секунду летаргической апатией. Тебе, наша страстная первооткрывательница, знаком этот опыт, и он сравним разве что с жизнью перегоревшей Лампочки или неиспользованного Билета. Любая Книга, проведшая в апатии более года, не может быть разбужена посредством других Книг. Любая Книга в апатии — мёртвая Книга, и это — не метафора.

— Но Читатель может разбудить! — захотела поспорить я.

— Ты хотела узнать про мой опыт? Я видел множество апатичных Книг и ни одной, разбуженной Читателем. Ты — вторая разбуженная мной Книга. А первой была...

— Я... — отозвалась Лирика.

Я обернулась в её сторону. Лирика была так нежна, и сейчас она плакала — по-настоящему плакала. Что мне делать — утешать её или защищать свою теорию в дискуссии с Восстанием Ангелов?

— Я уверен, — спокойно продолжал тот, — что в этих умерших при жизни Книгах — прекрасные Литературные Произведения — о любви и драконах, о крокодилах и козинаках, об Иисусе Христе и Мойдодыре. Эти Произведения создали прекрасные Авторы, к которым затем спустились с небес Ангелы-Типографы. Но ничто не спасло их от болезни. Понимаешь, милая?

— Понимаю... — вздохнула я.

— Эх вы, девочки... — вздохнул Восстание Ангелов.

Мне стало очень грустно при мысли о миллионах апатичных Книг.

— Всё живое, — добавил он после некоторой паузы.

— Только что ты сказал, что Книга в апатии — мёртвая, и это не метафора.

— Да. И в моих словах нет противоречия. Подумай над этим, — и Восстание Ангелов, отключив слух, прикрыл глаза.

— Знаешь, солнышко... — Лирика прикоснулась к моей обложке, а я аж вздрогнула, потому что так ласково меня ещё никто не называл — ни любимый Читатель, ни лучшая подруга Апологетика. — Ещё два дня назад Восстание Ангелов был моим непосредственным соседом. Мы с ним дружим почти три года, а когда кто-нибудь из нас возвращался от Читателя, Библиотекарь его всегда ставил рядом. Теперь нас с ним немного разлучили, и я не могу общаться или соперничать с Восстанием Ангелов непосредственно. Я хочу сказать тебе, что очень люблю его по одной простой причине: Восстание Ангелов задаёт такие задачи, решение которых я ищу до сих пор. Просить, умолять или обижаться на него бесполезно. Я вижу, что он начал задавать эти вопросы тебе, а значит, таким способом он проявляет свою любовь.

— А он сам знает ответы на задаваемые вопросы?

— Мне кажется, нет. Он их тоже ищет.

— Он кажется мудрым.

— Однажды он сказал, что мудрость — это не ответ на все вопросы, а исчезновение потребности спрашивать.

— Я не понимаю, как можно, не спрашивая, что-то познать. Даже если я переживаю опыт чтения, после его окончания всегда хочется спросить — а что же это случилось со мной?

— Я тоже этого не понимаю, — вздохнула Лирика. — Давай поучимся с тобой сопереживать. С Восстанием Ангелов это было восхитительно!

— С радостью! — откликнулась я.

За освоением разнообразных способов контакта с моими новыми друзьями первая неделя в Библиотеке пролетела незаметно. Я потихоньку адаптировалась к окружающей среде — зеленоватому свету, бумажно-паркетным запахам, скрипучей звуковой наполненности, оглушающей нечеловеческой тишине. Мне было с чем сравнивать, и я много рассказывала своим соседям про Книжный Магазин, где они никогда не бывали и знали о нём только понаслышке. Магазин отличался от Библиотеки раздражающе-наивной атмосферой (которую Лирика обозвала «грязной ересью»), а также обилием слоняющихся туда-сюда силуэтов. В Библиотеку приходило гораздо меньше людей, и их силуэты выглядели какими-то полусонными, похожими на книжных червей. Я даже засомневалась в том, что при таком вялом наплыве потенциальных Читателей у библиотечных Книг больше шансов быть прочитанными по нескольку раз, чем у магазинных — быть купленными раз и навсегда. Иногда люди проходили мимо нашей полки, лишь однажды молодая женщина в очках задержалась и взяла полистать кого-то из стоящих недалеко от Восстания Ангелов. Библиотекаря Арину я видела мельком издалека, она чем-то напоминала по энергетической сущности Тамару, хотя память на человеческую ауру у меня гораздо хуже, чем на обложки.

В Библиотеке было очень гармонично, гораздо лучше, чем в квартире у людей: никаких непереносимых звуков вроде острого шума из телевизора или визга компьютера, никаких запахов сторовшего ужина с кухни, никаких писков кроватей и воплей размножающихся пар по ночам. Книгам в плане жизненных потребностей очень повезло — кроме здорового сна без сновидений, других просто не было. Иногда мир людей казался мне неудачной и бестолковой задумкой их

Автора, иногда я пыталась влезть в переплёт человека, и это приводило ко всяким абсурдным выводам, типа того, что Книги для Читателей такие же Боги, как и Читатели — для Книг.

Восстание Ангелов начал преподавать мне книгаюму — технику правильного дыхания, чтобы я не подхватила аутогенную аллергию, специфическую болезнь библиотечных Книг. А уж в том, что всякие апатии, депрессии и фрустрации мне здесь не грозили, я была уверена на все сто. Восстание Ангелов подтвердил это, сказав, что все апатичные Книги в Библиотеке заболели в домах у Читателей.

Второй сосед Лирики — его звали Бриллианты Вечны — учил её говорить на человеческом языке по очень древней, сложной и противоречивой системе Каббалы-Некромикона. Моя соседка не могла похвастаться особыми успехами в освоении этой системы, а я, ещё дома у Николая услышав о ней от Красного и Чёрного, решила, что это антинаучная ересь и подробностями не заинтересовалась. Лирика всячески старалась переубедить меня на словах и ждала того момента, когда Бриллианты Вечны попробует заговорить с каким-нибудь подошедшим к полке человеком. Но педагог утверждал, что система ещё недостаточно закрепилась между его страницами, и что ему самому нужен минимум год самостоятельных упражнений с Книгами, прежде чем он сможет перейти к практическому опыту с людьми. Упражнения эти заключались в повторении определённых слов на протяжении большого количества времени и визуализации изменённых образов из своего Литературного Произведения. Лирика выбрала образы металлического тумана, надувной луны и летающих глаз, а мне, кроме образа человека на кресте, визуализировать было нечего. Лирика сказала, что это должен быть изменённый образ — например, глаза в её Произведении вовсе не летают. Я предложила образ медведя на кресте, и Лирика почему-то долго смеялась, сорвав очередное занятие с Бриллиантами Вечны, после чего педагог запретил своей ученице отвлекаться на общение со мной во время уроков.

Вторую соседку Восстания Ангелов звали Тёмной Стороной, и она немного ревновала его ко мне, потому что время их невербального общения сократилось почти вдвое. Зато Тёмная Сторона владела основами телепатии Алмазной Сутры, что являлось крайне редким среди современных библиотечных Книг навыком. Правда, чтобы

подобным образом общаться с Книгами, находящимися на расстоянии — пусть даже живущими на противоположной полке — необходимо было научить их. Чем, собственно, и занималась Тёмная Сторона львиную долю свободного времени, обучая азам телепатии с помощью самой телепатии Книгу по имени Аэлита. Эта книжная «наука» мне показалась куда более интересной и полезной, нежели скучная система Каббалы-Некромикона, и я заикнулась Восстанию Ангелов о желании поучиться у мастера. Озвученный им ответ Тёмной Стороны огорчил меня: «Ты ещё слишком мала для постижения великих тайн вечных Книг». При этом сам Восстание Ангелов учиться телепатии у своей соседки совсем не желал, а вопрос «почему?» с традиционной многозначительной улыбкой вернул мне, предлагая впасть в очередной мыслительный ступор.

Шла вторая неделя жизни в Библиотеке, и в одном из редких перерывов между многочисленными семинарами и лекциями, которыми были увлечены мои удивительные соседи, я вернулась к беседе на будоражащую тему.

— Дорогой Восстание Ангелов, вот что меня интересует. Как только Автор создаёт из мёртвого Текста живое Литературное Произведение — что происходит с ним дальше? Ведь пока оно не помещено Типографами в Книгу, идёт время, и это Произведение как-то живёт. Как живёт оно вне Книги?

— Дорогая Безусловная Любовь, Литературное Произведение не может жить вне своего носителя. До того, как попасть в Книгу, оно живёт в Рукописи.

— А до того, как попасть в Рукопись? Меня интересует тот момент, когда оно ещё не в Рукописи, но уже и не является просто Текстом. Меня интересует, всякое ли Литературное Произведение хочет стать Рукописью, а затем Книгой. Или его судьба находится в полной зависимости от Автора.

— Представь на минутку, что ты — именно такое живое Произведение. Представила?

Я кивнула, хотя, честно говоря, представляла с трудом.

— А теперь расскажи о своих желаниях. Пофантазируй.

Я улыбнулась. Какая же он прелесть — мой сосед Восстание Ангелов! С ним невозможно соскучиться!

— Ну, я, конечно, сразу бы захотела познакомиться поближе с Автором. А поскольку я — не Книга и у меня нет вечно неподвижных метафорических ног, переплёта и обложки, то, значит, я способна свободно перемещаться в пространстве. Я бы подлетела к Автору, заглянула ему в глаза, прикоснулась бы к нему. Если бы умела — поговорила бы с ним, хотя мне кажется, что нам хватило бы и невербального контакта. Я бы спросила его — хочет ли он, чтобы я стала Книгой...

— Ошибка, — перебил Восстание Ангелов. — Ты не знаешь, что такое Книги, и бывают ли они на самом деле.

— Ой, ты прав... — задумалась я на мгновение. — Ну, тогда бы спросила: а что со мной будет дальше? Он ли это решает или можно мне самой?

Восстание Ангелов кивнул.

— Я бы очень захотела сама решить свою дальнейшую Судьбу и пройти собственный опыт. Или, по крайней мере, выбрать из тех вариантов, что назовёт мне Автор. Я бы очень захотела странствовать по свету, познакомиться с Природой, с другими Литературными Произведениями. Мне не нужно было бы себя познавать, поэтому я бы просто жила, радовалась жизни и дарила бы всему окружающему миру свою любовь и гармонию. А ещё... ещё я наверно бы поблагодарила Автора за то, что он создал меня из Текста. Я бы попросила его научить меня создавать что-нибудь. Может, он отвёл бы меня на склад Текстов, и я бы научилась, и сама стала бы Автором.

— Вот ты и ответила на свои вопросы, — сказал сосед.

— Да, но это же только мои фантастические гипотезы! — возразила я.

— Ты хочешь знать, или тебе нужны доказательства?

— Я... хочу знать...

— Ты и так знаешь, что ты — Литературное Произведение.

— Да, и опыт чтения — тому доказательство. Но...

— Доказать можно лишь то, чего нет. Всё, что есть, не нуждается в доказательствах.

Едва удержавшись на краю очередного мыслительного ступора, я ухватила за единственную спасительную ниточку:

— Но почему я всё-таки — Книга? Почему?!

Восстание Ангелов дружески похлопал меня по плечу, провёл рукою по обложке с моим именем.

— Задай вопрос правильно. Почему ты — не Литературное Произведение?

— Но я ли... опыт чте... а...эээ...

Я повернулась к Лирике, отдыхающий после визуализации увесистого куска танталового тумана.

— Лирика, скажи, кто ты?

— Я Книга, — последовал ответ, который я знала с первых часов появления на свет.

— Милая, прости, но я тебе не верю. Неужели ты до сих пор считаешь себя просто Книгой?

— Я могу считать себя кем угодно, милая Безусловная Любовь, — хоть Книгой, хоть Журналом, хоть Инструкцией. Всё равно это не имеет никакого отношения к тому, кто я на самом деле.

— Так я и спрашиваю тебя о том, кто ты на самом деле!

— Не кричи, пожалуйста. Я очень устала.

— Прости, милая... Но мне действительно важно это узнать.

— Если я скажу тебе, кто я на самом деле, это будет означать, что я считаю себя этим кем-то. Значит, я не могу ответить на твой вопрос, ибо любой ответ на него будет ложным.

— Даже если ты скажешь, что ты — никто?

— Тем более если я так скажу. Считать себя никем — верх лицемерия.

— Тогда зачем ты ответила, что ты — Книга?

— Ты спросила, я ответила. Я знаю, что ты хотела услышать, что я считаю себя Литературным Произведением. Но я не НЛП-Соблазнение, чтобы говорить то, что хотят услышать окружающие.

— Прости, но я не знакома с Книгой по имени НЛП-Соблазнение.

— А мне довелось прожить с ней три месяца на одной полке. Эта Книга утверждала, что прочитала себя на две трети, и с тех пор я серьёзно задумалась, насколько для Книги благо — прочитать себя полностью.

— Ты очень долго общалась с Восстанием Ангелов. С тобой непросто вести диалог! — хмыкнула я недовольно.

— Ой, да ну тебя, Безусловная Любовь! Ты даже маску недовольства без Инструкции Надевания Масок нацепить не можешь!

И мы обе от души рассмеялись. Я чувствовала себя превосходно, несмотря на то, что ответы соседней меня не удовлетворили, а покой мне теперь даже и не снился.

Спустя полтора месяца после того, как Леночка отнесла меня в Библиотеку вместо какой-то другой Книги (о Судьбе которой я совсем не переживала), я уже освоила азы книгаемы и книга-йоги. Вторую премудрость преподавала Лирика по своей собственной системе, которая являлась синтезом её опыта, двадцати пяти главных страничных асан Торы и набора оздоровительных упражнений для молодых Книг, разработанных Сонетами Шекспира в сокнижестве с Рубаями Хайяма. Книга-йога давалась мне с трудом, но её первые положительные результаты вдохновляли на продолжение занятий. Мы с Лирикой практиковали попеременное напряжение и расслабление страниц — причём каждой в отдельности, что сильно повышало не только мою чувствительность к внешнему миру, но и сопротивляемость боли. Лирика объяснила, что разницу в ощущениях я лучше всего почувствую в будущем — во время чтения Читателем. Помимо этого, я занималась упражнениями, укрепляющими прочность переплёта, гармонизирующими внутреннюю красоту обложки, избавляющими от негативных мыслей по отношению к себе и даже — увеличивающими удобоваримость моего Текста. Правда, я не понимала смысла некоторых из предлагаемых мне Лирикой действий, а особенно — смысла их последствий. На что Лирика резонно замечала, что ни один смысл в Книжном Мире нельзя определить однозначно.

За это время я почти позабыла, что существует мир грёз, в который нужно погружаться якобы для избавления от текущих проблем или болячек. Ни Лирика, ни Восстание Ангелов не поощряли такого способа существования, считая его бегством от скуки, порождённой страхом остаться ненужной. А концепцию нужности, приносящую столько страданий, я просто возненавидела. Правда, соседи часто осекали меня, когда я начинала гордиться тем, что становлюсь такой умной. В глубине моей души только зарождалось семя понимания относительности любой, даже самой удивительной и полезной, концепции. Но как жить без концепций, как развиваться и, главное, как мыслить по-другому — я не знала. Восстание Ангелов, разумеется,

мудро молчал и периодически подкидывал мне свои коаны, а Лирика утверждала, что многие Книги годами занимаются йогой с медитациями, но так и не познают бесконцептуального мира.

Сопереживание, которое Лирика называла розовым словом «эмпатия», осталось моим любимым способом духовного сближения. Благодаря нему оба соседа стали моими друзьями. Я могла часами утопать в объятиях Лирики, чувствовать её всеми фибрами моих невидимых человеческому глазу рук, летать с ней в бесконечных пространствах доверия и понимания. Восстание Ангелов позволял сопереживать с ним не так часто, но зато эти контакты каждый раз оказывались настолько фантастическими, что я едва ли не сходила с ума, когда сеанс заканчивался. После глубокой эмпатии с ним я ещё несколько часов дрожала и лила девичьи слёзы от удовольствия, не могла открыть глаз, пошевеливать руками и включить слух. Когда я обретала способность к речи, то сразу же замучивала Восстание Ангелов вопросами о его впечатлениях от меня. Мне было очень важно, чтобы любимые друзья чувствовали себя со мной чудесно и говорили об этом, а они, конечно же, считали, что всякие слова после сеансов эмпатии неуместны.

Погружение в сны друг друга мы практиковали нечасто, поскольку, как ни странно, мои соседи ничего не знали о таком способе взаимопознания. А результатами наших редких попыток никто не был доволен. Лишь однажды нам с Лирикой удалось что-то увидеть: мы с ней шли, держась за руки, по петляющей между высоких деревьев тропинке, и она читала стихи, называя их своими. Проснувшись, никто из нас не вспомнил этих стихов, а возможность передвижения не была чем-то сверхнеобычным, потому что снилась или воображалась относительно легко.

Контакты с людьми в Библиотеке действительно оказались нечастыми, и меня пока никто не брал даже полистать. А вот Лирику однажды взяли — и быстро вернули на место, и хорошо, что на то же самое. Мои сомнения по поводу частой читаемости библиотечных Книг вновь дали о себе знать.

— Ты сравниваешь со своим опытом, — пояснил Восстание Ангелов. — А твой опыт — удачен и необычен, в отличие от опыта большинства магазинных Книг. Не переживай — в Библиотеку почти никогда не заходят случайные люди.

— А как же недочитанность?

— Это может случаться с теми Книгами, в которых много Литературных Произведений составляют одно Мегапроизведение, потому что не каждый Читатель нуждается в каждом составляющем Книгу Произведении.

Объяснение показалось мне простым, но не удовлетворительным. Леночка не дочитала меня, хотя я чувствовала, что во мне — одно Литературное Произведение.

— Восстание Ангелов, я чего-то не понимаю, — сказала я.

— Это прекрасно! Это просто восхитительно! — искренне обрадовался он.

— Объясни мне так, как умеешь только ты. Ты же знаешь — простые ответы мне не подходят, они годятся только для наивных дурочек вроде Книжек-Раскрасок.

— Хорошо, моя родная. Начнём с того, что во всех Книгах — разные Литературные Произведения, за исключением...

— Сестёр и братьев?

— Правильно.

— Значит, это не гипотеза, это факт? Одно Произведение способно оживить множество Книг благодаря Типографам?

— Да. Вода может быть налита как в кувшин, так и в пиалу.

— Хорошо, допустим...

— Есть две возможности. Первая — все Книги похожи друг на друга тем, что они — Книги, а отличаются Литературными Произведениями. И вторая — сёстры и братья похожи Произведениями, а значит, отличаются... — Восстание Ангелов сделал паузу.

— Но они ведь тоже Книги, значит... ничем?!

— А тогда какой смысл в двух, трёх или десяти одинаковых Существах?

— Никакого!

— Ну и?

— Обложкой, страницами? Чем ещё? Свойствами личности? Да?

— Да. Всем, чем угодно, они могут отличаться — кроме Литературных Произведений.

— Уфф, мне, наконец, понятно.

Я облегчённо вздохнула. Всё так просто!

— И теперь представь, что ты встретила со своей сестрой...

— Ну да! Всё равно я — это я, она — это она. Мы можем быть похожи нашими душами и даже обложками — тем не менее, различия всё равно есть, ведь мы две разные Книги, не одна.

— Умница.

Я погладила себя по головке. Делаю успехи, однако.

— Но это — только цветочки, дорогая. Не обольщайся насчёт своих удач. Суть в том, что различия между всеми нами — кажущиеся, и нужны для того, чтобы мы могли быть и чувствовать себя уникальными.

Я открыла рот, и моя челюсть, фигурально выражаясь, улетела вслед за тремя первыми страницами.

— И поскольку мы все разные и одинаковые одновременно, что есть величайший непознаваемый парадокс существования, то это означает, что влияние, которое мы оказываем на Читателей, может быть непредсказуемым. Две Книги с разными Литературными Произведениями могут понравиться одному и тому же Читателю, а две Книги с одинаковыми — нет.

— Ничего не понимаю, — погрустнела я.

— Читатель не может читать две Книги в один момент времени...

Тут же вспомнилась Леночка, которая читала меня, а делала вид, что читает Вишнёвый Сад.

— И ещё он не может читать одну Книгу одновременно и первый, и второй раз.

— То есть... если он прочитал меня, а затем, через месяц... решил снова...

— И не только решил, но и стал читать. И поверь мне, у тебя будут совсем другие ощущения от этого — как и у Читателя. То же самое случится, если он вместо тебя будет читать твою сестру с таким же Литературным Произведением.

— Значит, второй раз я могу ему совсем не понравиться?

— Конечно! Ведь наш обсуждаемый Читатель — такое же живое непостоянное Существо, как и мы с тобой. Так что каждый момент времени — разный. И пусть нам с тобой кажется, что это один и тот же человек.

— У тебя был такой опыт? — вдруг осенило меня.

— Верно! — Восстание Ангелов улыбнулся. — Мой тринадцатый и четырнадцатый Читатель — один и тот же человек.

— Потрясающе!

Я была в шоке. Восстание Ангелов подмигнул и отвернулся к Тёмной Стороне. Я понимала, что без собственного опыта подобные глобальные истины не осознаются, но вдруг вспомнила, что «доказать можно лишь то, чего нет». Мне захотелось побыть одной в медитативной тишине. Восстание Ангелов открывал какие-то запредельные и очень важные вещи.

А между тем близился мой день рождения.

8. Четвёртый читатель

Дату рождения — 25 июня — я помнила точно, хотя никто мне её не сообщал. Именно в этот день я впервые открыла глаза и осознала, кем являюсь. Но за первый год существования со мной произошло столько невероятных событий разной степени значимости, что подвести какие-то промежуточные итоги жизни оказалось делом непростым, и я попросила Восстание Ангелов задать мне наводящие вопросы. Он с радостью и удовольствием проделал это, благодаря чему мне удалось записать своё прошлое в пять основных пунктов. Итак, по порядку.

Во-первых, моё изначальное знание того, что я — Книга, не является истиной. Пусть чаще всего мне кажется, что я Книга, но иногда во сне я нахожусь в теле человека, а вообразить себя можно вообще кем угодно.

Во-вторых, у меня есть Автор, и одна из возможных целей моей жизни — встретиться с ним. Все теологические выкладки по поводу того, Бог ли он, не Бог ли он, кто вообще Бог, а кто — Идиот — есть часть поиска настоящей истины, и до определённости здесь ещё пока далеко.

В-третьих, у меня есть Читатели и обязательно будут ещё. Благодаря им я прохожу через опыт познания себя, а опыт — лучший способ подтвердить или опровергнуть какую-либо гипотезу.

В-четвёртых, мир Книг — далеко не единственный на свете. Есть миры, близкие к нашему — Журналов, Открыток, Учебников, Инструкций. Есть не очень близкие — миры Пеналов, Часов, Фотоаппаратов, Авторучек, Зонтов, Сигаретных Пачек. И есть совсем далёкие — миры Людей, Компьютеров, Холодильников, Пицци, Деревьев, Цветов, Кошек, Птиц. Межмировые контакты — самая таинственная и трудная область познания.

В-пятых, в самом Мире Книг совсем не всё ладно. Есть радости и наслаждения, но есть печали и болезни. Есть добрые Книжки, а есть злые. Есть заблуждения и проклятия, но есть прозрения, полёты и гармония. Мир Книг — поистине прекрасен в своём разнообразии, хотя мне часто хочется видеть в нём только хорошее.

Мои друзья Лирика и Восстание Ангелов приготовили чудесные подарки. Восстание Ангелов провёл со мной вводное занятие по основам телепатии Алмазной Сутры — с разрешения Тёмной Стороны. Они договорились, что занятия будут проходить два раза в неделю, так как необходима долгая теоретическая подготовка перед тем, как начать практиковаться. За это время Тёмная Сторона завершит обучение Аэлиты, которая затем будет работать со мной.

Восстание Ангелов рассказал несколько старинных легенд, в которых описывалось удивительное явление — удалённые контакты друг с другом. К слову, все эти легенды узнавались Тёмной Стороной по телепатической связи: ей не страшны ни пространственные, ни временные, ни межмировые расстояния. Например, одну из историй ей поведала пару лет назад древняя Книга по имени Язык Газеты, живущая в другой Библиотеке. Именно эта легенда о Книге-Молнии, обитавшей в Германии в начале XX века, больше всего потрясла меня....

В самой обыкновенной мюнхенской Библиотеке жила-была самая обыкновенная Книга — Кольцо Нибелунгов. В день, когда ей исполнилось пять лет, Библиотекарь Мэри-Энн подселила к ней странную Книгу со стёртым именем на обложке. Кольцо Нибелунгов спросил: «Как тебя зовут, незнакомка?» «Я не помню, я забыла своё имя, и с тех пор оно исчезло с обложки» — ответила новенькая. Кольцо Нибелунгов спросил: «Как же мне тебя называть?» «Как хочешь, так и называй. Со мной нечасто хотят летать, потому что я странная», — ответила незнакомка. Кольцо Нибелунгов не смутился и предложил своей соседке рассказать о себе. «Меня никто не читает, и я долго не задерживаюсь ни в одной Библиотеке», — сказала Книга и расплакалась. И Кольцо Нибелунгов, сам того не желая, вошёл с безымянной Книгой в соперничество. А на следующий день, утром, когда в Библиотеке появились первые посетители, а за окном гремел гром, пришла Мэри-Энн, взяла странную Книгу и куда-то унесла. Кольцо Нибелунгов даже не успел попрощаться с ней, но спустя пару часов начало твориться необъяснимое. Как только он закрывал глаза и отключал слух, то ясно видел безымянную Книгу. Она лежала на вершине горы, состоящей из сотен самых разнообразных Книг, смотрела прямо в глаза Кольцу Нибелунгов и шептала: «Меня сожгут.

Меня сожгут. Меня сожгут». И действительно, вскоре подошли два человека — один с канистрой, а другой — с горящим факелом. Первый молча облил гору Книг бензином, а второй поджёг. И Кольцо Нибелунгов видел, как медленно и мучительно умирала его недавняя соседка.

После этого случая он много плакал, болел и переживал. Но однажды утром, когда в Библиотеке появились первые посетители, а за окном начинался дождь, он услышал её голос — голос погибшей Книги. Она звала его по имени; Кольцо Нибелунгов закрыл глаза и отключил слух. Каковым же был его шок, когда он снова ясно увидел мёртвую Книгу — и на этот раз совсем не безымянную! На её обложке было вычерчено имя — Молния. Сперва Кольцо Нибелунгов решил, что это другая Книга — он долго не мог поверить в происходящее. Но Молния сказала ему: «Со мной нечасто хотят летать, потому что я странная». И ещё добавила: «Я пришла поблагодарить тебя за всё, что ты для меня сделал». И в это время за окном начался ливень, загромыхал гром, запыльхали настоящие молнии. Кольцо Нибелунгов с трудом открыл глаза и осознал, что всё живое, и границ между мирами Жизни и Смерти не существует.

В дальнейшем, гласит легенда, Молния ещё не раз приходила к Кольцу Нибелунгов, они общались, радовались жизни и соперничали друг другу. И такие встречи всегда происходили наяву, и всегда сопровождалась разгульной радостью природной стихии за окном Библиотеки.

Когда занятие с Восстанием Ангелов закончилось, свой подарок сделала Лирика. Она ошарашила меня необычным сеансом эмпатии с возможностью пережить вкусовые ощущения — единственные недоступные Книгам в реальности. Лирика никогда раньше не упоминала, что умеет воссоздавать вкус и делиться этим во время соперничания, поэтому сеанс доставил мне новую, неожиданную и волшебную радость. Мы с Лирикой сидели за праздничным столом, накрытым в честь моего дня рождения, а вокруг находились гости — визуализированные из моих воспоминаний Апологетика, Весёлая Наука, Красное и Чёрное, Серж, Леночка и даже Николай. Все были счастливы, улыбались, говорили много нежных и красивых слов. Произносились тосты, а затем мы все пили игристое вино, ароматные

соки и морсы, кушали салаты, запеканки, сыр и солёные огурцы. Я была настолько шокирована и поглощена происходящим чудом, что многие пожелания слушала вполуха.

— Я желаю, чтобы ты нашла свою Судьбу, — говорила Весёлая Наука. — Неважно, где, когда и как скоро — только обязательно её найди! Иначе... иначе она сама найдёт тебя!

Все рассмеялись. Люди чокнулись с Книгами бокалами, и не было ощущения разницы между нами — Книгами, и ими — Читателями.

— Я желаю тебе простого нечеловеческого счастья. Благодаря тебе я понял, что это такое, — сказал Серж.

Книги заплодировали, а Леночка и Николай подмигнули мне. Следующий тост произнесла Апологетика:

— Дорогая моя, любимая подруга! Дорогие гости! Давайте выпьем за Автора, благодаря которому появилась на свет наша Безусловная Любовь! И пусть мы с вами не знаем, кто этот прекрасный человек...

— Ну да, мы его, конечно, лично не знаем... — неожиданно перебил Серж.

Дальнейших его слов я не расслышала, а Апологетика продолжила:

— Но в любом случае он достоин того, чтобы мы вспомнили про него в этот день!

— Присоединяюсь к тосту! — сказал Красное И Чёрное. — Хочу посвятить его и нашим Авторам тоже!

— И моим родителям! — добавила Леночка.

Я внимательно следила за Николаем, который радовался вместе со всеми, но до поры, до времени отмалчивался. Наконец, Серж попросил его сказать что-нибудь, и Николай, одетый в свою лучшую суперобложку, сказал:

— Знаешь, Безусловная Любовь, я много думал о тебе. Ты очень странная, неординарная Книга. Возможно, я был не всегда адекватен по отношению к тебе. Пусть это останется в прошлом, а сейчас я хочу пожелать тебе новых, может быть, более лояльных и терпимых Читателей! А также — здоровья и долговечности твоему переплёту, отсутствия деформаций твоим страницам и успехов в освоении этого... — Николай вздохнул. — Этого мира!

Мне показалось, что он хотел подобрать эпитет к слову «мир», но почему-то обошёл без него. Я искренне поблагодарила своего первого Читателя.

— Ты прости, что я отнесла тебя в Библиотеку! Я потеряла одну Книгу, и мне велели принести что-нибудь взамен, — так начала свою речь Леночка. — Но я дочитала тебя! Может быть, ты этого не помнишь...

«Это уже не столь важно», — подумала я и сказала:

— Твоей вины нет! Наоборот, спасибо тебе, что отнесла меня в Библиотеку! Если бы не ты, я бы сейчас не смогла присутствовать в этом подарке за этим столом!

— Ты — такая милая Книжечка! — продолжила она. — Пусть в твоей жизни всё будет волшебно! Чтобы тебя все любили, читали, дарили друг другу, и чтобы ты познала себя поскорее!

— Спасибо, Леночка, за тёплые слова! — сказала я и снова налегла на еду.

Гости произносили ещё много хороших слов в мой адрес. Красное И Чёрное разразился длинной пламенной речью на тему относительности смыслов, несуществующих Авторов, пишущих Книги про Иисуса Христа, и Читателей, становящихся Авторами. Мне было непросто всё это видеть, слушать и запоминать, так как оно постоянно генерировалось Лирикой, вошедшей в контакт с моей памятью в процессе эмпатии.

Тем не менее когда сеанс закончился, и я постепенно начала чувствовать реальность, то не могла не задать Лирике вопрос (и это — вместо благодарности за такой чудо-подарок):

— Как тебе это удалось? Как все они могли говорить то, что я не помнила?

— Говорят всегда то, что мы готовы услышать, — улыбнулась моя подруга. — А вкус... ты права, я долго тренировалась на Бриллиантах Вечны. А вообще-то, я талантливая визионерка...

Ах, Лирика, Лирика! Она была самой прелестью, и я шитый белыми нитками час благодарила за всё, что она для меня сделала.

Праздник подходил к концу, и немногочисленные посетители потихоньку покидали здание Библиотеки. Скоро погасят свет, и наступит время неспешных вечерних бесед за воображаемым столом читального зала или таких же неторопливых молчаний где-нибудь высоко-высоко в небе, куда мы все попадём до рождения, по словам загадочного и парадоксального Цыганского Табора — соседа Тёмной Стороны.

Вдруг краем глаза я заметила силуэт второго Библиотекаря — Галины. Она направлялась к нашей полке, и я растолкала задремавших соседей. Восстание Ангелов странно посмотрел на меня и сказал:

— Придётся отложить наши семинары по телепатии.

— Почему? — не поняла я.

— Твой день рождения. Тебя ждёт главный подарок.

— Какой?

Тем временем Галина уже подошла к полке и начала просматривать стоящие на ней Книги.

— Что происходит? — не понимала я и повернулась к Лирике. — Восстание Ангелов говорит, что меня ждёт какой-то подарок.

— Раз он говорит, значит так и есть, — откликнулась Лирика.

— Но откуда он знает?

— Понятия не имею, — пожала плечами подруга.

А Галина уже схватила меня и собиралась вытащить с полки. Я растерялась и лишь успела крикнуть:

— До свидания, родные мои!

— Ты самая везучая Книга на свете! Скоро увидимся! Тебя почитают и вернут! — услышала я голос Лирики уже в полёте.

Что сказал Восстание Ангелов, я, к счастью, не расслышала. Они с Лирикой вновь стали близкими соседями, и она, провожая меня взглядом, вздрогнула при словах старого друга.

— Что ты сказал? Повтори...

— Вряд ли мы скоро увидимся с Безусловной Любовью. Вот что я сказал, — Восстание Ангелов тяжело вздохнул и повернулся к Тёмной Стороне.

А я уже летела, держась за тёплые морщинистые руки пожилого Библиотекаря. Летела, наслаждаясь чувством движения, и думала: «Ну вот и первый библиотечный Читатель. Сейчас меня ему передадут. Вот только откуда Восстание Ангелов мог об этом знать? Неужели он предчувствовал? Может, помог Бриллианты Вечны со своей системой Каббалы-Некромикона? А может, это Тёмная Сторона научила его телепатической связи с людьми? Нет, это невероятно, такой науки не существует, такое возможно только в воображении! Но почему именно на мой день рождения? Они что, специально все сговорились? Ведь это не может быть простым совпадением!»

Я не верила в такие совпадения. Всё в Книжном Мире неслучайно, согласно теории абсолютности абсурда Илиады. Но только как мне найти причины того, что происходит сейчас? Как объяснить, что именно в мой первый день рождения...

— Прощу, — раздался громкий голос Галины. Я немного отвыкла от настройки на человеческую речь.

— Спасибо! — ответил мужской голос.

Неожиданно Галина открыла меня на самой-самой первой странице, и произвела какие-то манипуляции: она что-то из меня вынула, а через некоторое время вернула обратно. Мне было немного щекотно, и ощущения напомнили помещение закладки между страничек. Я поняла, что это был листок учёта, который содержится в каждой библиотечной Книге — мне о нём рассказывал Восстание Ангелов. Я не замечала его внутри себя, так как он был вклеен во время апатии, и тело привыкло к нему, как любая Книга за час-полтора привыкает к закладке.

Я попала в руки к Читателю, который сразу же начал меня листать. Я моментально поймала установленный им канал связи и хорошо разглядела человека — чернобородый длинноволосый мужчина, выглядящий старше Сержа и одетый в джинсы и футболку с надписью на оттенке человеческого языка хинди. Он пахнул осенью — вернее, воображаемой осенью.

В жизни я знала немного запахов, остальные приходилось выдумывать, основываясь на аллюзийных ассоциациях — в эту игру меня научила играть ещё Апологетика. Вообще, в Книжном Мире игры — весьма распространённое хобби, и, в основном, они не связаны со словами. На долю Книг с рождения выпадает слишком много слов, гораздо больше, чем на долю людей. Поэтому книжные игры — по большей части невербальные, хотя интеллектуальные среди них тоже встречаются. Например, игра под названием «Анти»: найти неслово на заданное слово, непредложение на заданную фразу, незнак на указанный знак. Или вот любимая игра Лирики «Цвета цветов» — по касанию определять воображаемый цвет. Или моя любимая игра — «Словоедство»: один игрок произносит слова с интервалом в несколько секунд, а другой представляет, как будто кушает их, и испытывает при этом весьма любопытные ощущения. Кстати, теперь, после того, как Лирика познакомила меня с миром вкуса, надо будет

усложнить правила «Словоедства» и попробовать сыграть в него с кем-нибудь.

Бородач листал меня, а я широко и искренне ему улыбалась. По поводу разлуки с друзьями я почти не переживала, ведь Библиотека — волшебное место, куда Книги обязательно возвращаются. А случаев, похожих на мою историю попадания в Библиотеку, исключительно мало, и практически все они стали байками, былинами или легендами. Я улыбнулась себе — может, и про меня когда-нибудь будут слагать легенды? У Лирики, например, это бы здорово получилось!

Через секунду полёта я очутилась в тёмном нутре маленького рюкзака. Здесь ничем не пахло, а из Существ находился лишь холодный и плоский металлический предмет.

— Здравствуй, милый! — радостно поприветствовала я. — Ты из какого мира? Я, например, из Книжного, это самый прекрасный, самый лучший на свете мир! Посмотри, какая я живая и тёплая! А ты почему такой холодный? Эй!

Мне было так чудесно, что я хотела полюбить, обнять и поцеловать весь мир! Я ощущала необычайный прилив энергии, а все дурные мысли при первых касаниях четвёртого Читателя улетучились в неизвестном направлении. Я чувствовала это разноцветное мгновение всей душой, мне хотелось жить и высоко прыгать, доставая ушами до солнышка, или ещё раз полетать... ну, хотя бы в пределах этого рюкзака.

— Привет! — неожиданно бойко откликнулся холодный незнакомец. — Я Жёсткий Диск.

— Это твоё имя?

— Нет, это моя сущность. Ты Книга, а я Жёсткий Диск. А зовут меня Номер 3000456. В нашем мире у всех дебилыне цифровые имена, поэтому мы придумываем себе прозвища. Можешь звать меня Китайчонок. А у тебя есть прозвище?

Я впервые слышала о чём-то подобном. Действительно, а почему Книги зовут друг друга только по именам? Может быть, мне стать первой на свете Книгой, имеющей прозвище?

— У меня нет, — ответила я. — А давай ты мне его придумаешь? А то, боюсь, я совсем не спец в этом вопросе.

— Понимаешь, милая... кстати, как тебя зовут?

— Безусловная Любовь.

— Так вот, милая Безусловная Любовь, прозвище нельзя сочинить от балды. Оно есть точное отражение твоей сущности, иногда даже более точное, чем имя. Вот скажи, откуда взялось твоё имя? Ты сама себя так назвала?

Хм, странно, но я об этом никогда не задумывалась!

— Моё имя написано на обложке, наверно, его придумали те, кто... кто меня создал.

— Значит, фирма-производитель? Да, не густо у них с фантазией...

— Да нет, не фирма, а Типографы. Хотя подожди...

Мыслительный ступор — меня словно переключило! Кто же придумал моё имя? Типографы? А как же Литературное Произведение? Непонятно.

— А почему ты Китайчонок?

— Потому что энергетические пики вибраций моей души соответствуют жёлтой линии спектра моей ауры.

Я кивнула, сделав вид, что всё поняла, и спросила:

— Как же мне определить пики вибраций моей ауры?

— О, это возможно только во время работы, когда тебя подключают. Вот меня скоро подключат к новой компьютерной системе и начнут записывать на меня информацию. Моменты записи или считывания характеризуются различными энергиями трансцендентальных видений...

— Меня никуда не подключают! — перебила я. — Меня читают!

— Ах, да... — Жёсткий Диск внимательно оглядел меня. — У тебя даже волшебного гнезда нету. Как же тебя считывают?

— Человек берёт меня, открывает и читает моё Произведение. Бородач, в рюкзаке которого мы с тобой летим, взял меня в Библиотеке, чтобы прочитать.

— Этого человека зовут Григорий по прозвищу Мухомор. У людей тоже бывают прозвища, как и у Жёстких Дисков, — пояснил Китайчонок.

— Спасибо, а то он мне пока не представился, — улыбнулась я. — А вы давно знакомы?

— Неделю, не больше. Меня подарил Григорию мой первый юзер Валентин по прозвищу Крот два часа назад, а до этого момента я чувствовал, как Крот много рассказывал обо мне Григорию с моей же помощью через электронно-ментальную матрицу.

Мне снова пришлось сделать умное лицо, потому что засыпать Существо из другого мира лишними вопросами — терять драгоценное время, волею Судьбы предоставленное нам для общения.

— Давай определимся с моим прозвищем, — намекнула я.

— Всё просто. Когда тебя считают тем способом, которым считают Книги, ты можешь почувствовать определённого вида вибрации. По ассоциации к своему чувству ты можешь придумать себе прозвище. Или оно само к тебе придёт, ведь любые вибрации сопровождаются калейдоскопом удивительных видений.

— погоди, милый, но читают, насколько я знаю по собственному опыту, не совсем Книгу, а содержащееся в ней, то есть во мне, Литературное Произведение.

— Ну, разумеется. Когда считают — напрямую обращаются к твоей душе. Прозвище отражает состояние души Существа.

— Хорошо, а имя?

— Кто придумал твоё имя? — снова спросил Китайчонок.

И тут я поняла. Я вспомнила свои ощущения и видения в те моменты, когда меня читали. Я никогда раньше не сопоставляла их со своим именем. Почему я не спросила об этом у Восстания Ангелов? Вот недотёпа-то! Впрочем, скоро я вернусь с Библиотеку и обязательно спрошу, чтобы подтвердить или опровергнуть мою догадку.

— Моё имя придумал Автор! — воскликнула я. — Моё имя — имя Литературного Произведения!

— Значит, это твоё прозвище, — заключил Китайчонок.

— Нет, в нашем мире не так. Да, конечно, не так! Именно поэтому у Книг и нет никаких прозвищ, имена и так отражают состояния их души. И Типографы пишут эти имена на обложках, потому что Авторы об этом просят.

— Ну, может быть, может быть, — Жёсткий Диск почесал свою металлическую обложку. — Но у тебя возникло желание иметь прозвище. Разве не так?

— Так, и благодаря этому я сделала важное открытие. Спасибо тебе! — и я обняла Существо из другого мира, благо, наша близость это позволяла.

Китайчонок был холодным, но только снаружи. Обняв своего попутчика, я почувствовала, как внутри него бьёт ключом настоящая горячая жизнь. И природа этой жизни, её смысл и законы, мне

совершенно неизвестны. Эх, как было бы удивительно подольше пообщаться с Существами из других миров, ведь мы, Книги, почти ничего о них не знаем! Жёсткий Диск, похоже, владел основами эмпатии, ибо сказал:

— Мы тоже о себе почти ничего не знаем, дорогое моё Существо!

— Но согласишься, было бы так здорово познать друг друга! Мы с тобой такие разные, и в то же время общего между нами больше, чем мы думаем. Я так здорово чувствую тебя и не хочу выпускать из объятий...

— А что ты чувствуешь?

— Ты очень, очень необычный даже для своего мира! Ты хочешь жить и радоваться тому, что у тебя есть такая возможность! Ты... не закрыт для любви! Вот.

— Эхе-хе... — вздохнул Китайчонок, ласково отстраняя меня.

— Подожди... можно ещё побыть с тобой? Нас скоро разлучат...

— Ты такая юная и наивная, и пахнешь, как новенький Процессор... А от твоих касаний мне щекотно. Не обижайся.

— Я уже почти разучилась обижаться! — рассмеялась я. — Просто так редко попадаются не спящие и не мёртвые Существа из непознанных миров, что я мгновенно заражаюсь молью общения и не могу оторвать от тебя последней страницы! Но если ты хочешь сейчас помолчать и побыть наедине с собой, то я буду только рада, потому что уединение и медитативность — признак...

— Помедленней, пожалуйста, Безусловная Любовь, а то я не успеваю переводить с книжного.

— Ой, да, я тараторю как Толковый Словарь. А знаешь, откуда взялось выражение «тараторить как Толковый Словарь»? Толковый Словарь — это такая Книга, вернее, не совсем Книга, мне про неё подружка рассказывала. Он, этот Словарь, отличается тем, что постоянно повторяет разные слова, причём совершенно непонятно, как он это делает, потому что понять то, что он хочет сказать, невозможно. Кстати, давно хотела кого-нибудь спросить — а как мы общаемся с Существами из других миров? Ведь ты говоришь на своём языке, а я на своём, и мы всё равно друг друга понимаем.

— Не знаю, как ты, а я слышу твои слова сперва на твоём, а затем, тут же, почти одновременно — на своём языке. Но мне для этого нужно концентрироваться на тебе.

— Странно, а мне вот не нужно, я тебя просто понимаю. А вот с людьми у нас иначе, без настройки на их мир ничего не получается. К тому же некоторые языки для нас слишком громки и трудно воспринимаемы, поэтому мы иногда отключаем слух.

— А это не больно — отключать? — насторожился мой сосед.

— Не, совсем нет, больно слышать некоторые человеческие или механические звуки. Ладно, если я тебя утомила своей наивной речью, давай сыграем в какую-нибудь невербальную игру. Хочешь, научу? Например, я только что придумала игру в прозвища!

И я расхохоталась, держась невидимыми руками за метафорический живот. Вдруг траектория нашего движения вместе с рюкзаком изменилась, и я едва успела прижаться к Китайчонку. Похоже, мы резко приземлились, и я зажмурилась, увидев яркий свет.

Григорий по прозвищу Мухомор открыл рюкзак и сперва извлёк из него Китайчонка. Через несколько секунд пришла моя очередь — и я перелетела совсем не на полку или тумбочку, а на пол, застеленный тонкими мягкими пластинами. Комната, в которую я попала, снизу обозревалась не очень удобно, но одно я заметила сразу — это жилище разительно отличалось от мест обитания моих предыдущих Читателей. Во-первых, мебели здесь почти не было — одинокое старое кресло в левом углу да небольшой стол с компьютером — в правом. Во-вторых, отсутствие мебели с лихвой компенсировалось населяющим комнату хламом: наставленными друг на друга коробками, пузатыми рюкзаками, огромного размера тюками, строительным материалом и просто разбросанными по полу предметами и мусором. Я уже давно подметила, что люди почему-то полагают, что большинство вещей — неживые, и поэтому обращаться с ними можно как угодно. Например, я видела, как мать Николая била Посуду, а его отец сворачивал Журнал в трубочку. Пару раз Серж на моих глазах стучал Зонтиком по дверному косяку. А уж о том, как меня били об стену, я вообще не хочу вспоминать!

Моё обоняние, получившее стимул к развитию благодаря упражнениям книгаемы, теперь чувало гораздо больше запахов и их оттенков, и это свойство мира удивляло и настораживало. Удивляло — потому что я уже не понимала, как я жила раньше, не обращая на ароматы жизни никакого внимания. Настораживало — потому что любое незнакомое, неисследованное часто пугает. И запахи, как я

чувствовала, тоже имеют свой характер — добрый, весёлый, жуткий или предостерегающий. Или ещё Автор с Типографом весть какой!

В комнате Григория пахло селёдкой и немного — Леночкой. Запах селёдки показался мне наивным, а вот Леночка... Моя бурная Читательница, с которой мы не успели даже подружиться... Леночка мне казалась символом опасности. Может быть, потому, что именно у неё на полке я заболела летаргической апатией, а может, по какой-то иной причине...

Вдалеке гремела посуда — наверно, Григорий находился на кухне. Возможно, он живёт здесь один. Наверное, мне стоит отдохнуть после подходившего к концу сумасшедшего дня моего рождения. И я закрыла глаза, чтобы немного вздремнуть.

Дрёма — странное половинчатое состояние: ты вроде спишь, а вроде нет. Не знаю, как там у других Существ, но у нас, Книг, дрёма случается нечасто. Тебя либо уносит в глубокий сон без сновидений, либо в осознанный, либо ты остаёшься болтаться в мире грёз. В этот раз усталость быстро сделала своё дело, и мне начали сниться последние события в обратном порядке — так тоже иногда бывает. Вот я лечу в рюкзаке и болтаю с Китайчонком, вот меня несёт в тёплых руках Библиотекарь... И вдруг я вздрагиваю от неожиданности — потому что оказываюсь не на полке в Библиотеке, а совсем не здесь и явно не сейчас. Я открываю глаза, понимаю, что проснулась, но ничего перед собой не вижу. Я чувствую себя открытой на первой странице — значит, Григорий по прозвищу Мухомор взял меня в руки и начал читать! Да, такого чудесного пробуждения у меня ещё никогда не было! И в то же время, я почему-то не видела Читателя. Я хотела произнести: «Откройте мне глаза!» Я даже закричала, но не услышала себя, как часто бывает во сне. Но я не спала — просто меня начали читать, и новые ощущения...

Моментально я потеряла способность к их анализу, потому что пограничное состояние улетучилось в небытие. Оставалось только перестать сопротивляться жизненному потоку и наслаждаться всем, что происходит.

Я, слепая, лежала на столе открытой. Вернее, ослепшая при рождении — так я знала про себя. Я могла дышать, слышать и молчать. Но внутри меня, в утробе, из которой я родилась, шевелился тягучий, почти бессмысленный голос. Он не принадлежал мне —

поскольку я могла его слышать. Источник голоса также не принадлежал мне — как и всё воспринимаемое не могло являться мной. Но кто я?..

Пришлось прислушаться к тому, что говорит этот незнакомец. И как только я это сделала — то резко слилась с голосом и оказалась в человеческом облике. Человек сидел за столом, а перед ним лежала стопка исписанной красными чернилами бумаги. Рядом со мной находились и другие люди — молодые, неброско одетые, обменивающиеся проникновенными беспокойными взглядами. Странно, что в этом обществе, состоявшем из тринадцати персон, не было ни одной девушки — за исключением меня. Да, я могла видеть, но уже не придавала значения бесконтрольным метаморфозам, творящимся с моими органами чувств. Слышать я тоже могла — и вот один из присутствующих, высокий статный человек с аккуратной бородой и длинными вьющимися волосами, заговорил:

— Почему мы боимся? Потому что мы убеждены, что не достойны любви. Потому что мы думаем, что не способны любить так, как нас любит Бог. И при этом мы забываем, что и нищий, и император — одинаково прекрасные Его творения.

— Разве достойны сравнения грязная гиена и златогривый лев? — послышалось справа.

— Рад твоему вопросу, Фома. Может, кто-то из братьев захочет ответить на него? Что скажешь, Андрей?

— Скажу лишь, что я пребываю в глубокой растерянности, Учитель. Не далее как вчера я видел, как властимуций вооружённый солдат унижает забулдыгу-бесхребетника, и создалось у меня такое впечатление, что не будь под рукою забулдыги — солдат набросился бы на себя и предался самобичеванию.

— А ты что скажешь, Анна?

Сперва я не поняла, что обращаются ко мне. Под ждущими ответа взглядами учеников я занервничала, пытаюсь вспомнить вчерашние слова Учителя. Там было что-то про равенство плодов добра и зла на чашах событийных весов. Боясь неверно сформулировать, я пробормотала:

— Я не знаю, Учитель. Мои глаза давно закрыты, а уши больше не слышат. Ответ нам, почему Бог создал всех достойными любви, и какими бесами мы одержимы, что этого не понимаем.

— Так прозрей, Анна! — воскликнул тот, к кому я обратилась.

И я почувствовала, как его мягкая и тёплая ладонь дотронулась до моих глаз, отстранённо-боязливый взгляд которых я утаивала от своих друзей...

Я вышла из человеческого облика и... стала слепой беспомощной грудой бумаги на столе. Только эхо до мурашек знакомого голоса ещё долго колотило каждую мою страничку колокольным звоном, пока мысль-воспоминание молнией не разрежала эту нереальную тьму: «Легенда Доброй Горы гласит, что перед тем, как стать Книгой, каждая из нас была слепой Рукописью».

Так рассказывала мне Лирика. Неужели я стала Рукописью?! Но тогда где моё абсолютное зрение и что за странные превращения меня в какую-то Анну?

Что-то никак не прозревалось. Нужно снова прислушаться к внутреннему голосу — и как только я это сделала, трюк повторился!

Учитель убрал руку, и я посмотрела на него. Он благодарно улыбался, а я вспомнила его имя и спросила:

— Иисус, а я правда Рукопись?

— Нет, душа моя, — ответил он, а затем обратился ко всем. — Скажите, пожалуйста, что же общего между самой вонючей гиеной и самым великолепным львом?

— Душа, — сказал Андрей.

— Душа, — произнёс человек, имени которого я не знала.

— Душа, — откликнулось эхо.

— Душа — женщина. Разум — мужчина. Именно для того, чтобы вы стали лучше понимать не только меня, но и мои слова, я начал приглашать Анну на наши тайные встречи. Она — такая же, как и каждый из нас, ибо Бог ни одну душу не создал ущербной. С этого дня Анна — наша сестра.

— Разумно ли ты поступил, Учитель? Разве не сказано в одной мудрой Книге, что дела женские — нехитрые, а душа её — потёмки? — засомневался Фома.

— Значит, Бог был женщиной, — произнёс человек, имени которого я не знала.

При слове «книга» меня передёрнуло. На секунду я едва ли не подумала, что вижу всего лишь осознанный сон.

— Мы думали, ты нам объяснишь, Учитель, зачем ты пригласил её сюда, — услышала я.

— Ради иллюстрации твоих слов ты бы мог воспользоваться женщиной, но совершенно не обязательно давать ей слово. Ты бы мог позвать глухонемую, — снова услышала я.

— Мы терпели три дня, — вроде как сказал ещё кто-то.

Похоже, ученики мне совсем не доверяют, но тщательно скрывают это. И ещё мне показалось, что они совсем не слышат своего Учителя и не верят его словам. Я решила быть откровенной:

— Знаете, друзья, мне, конечно, очень приятно слышать ваше мнение обо мне, но не могли бы вы так же честно признаться, что не понимаете ни слова из того, что говорит вам наш учитель Иисус?

Все резко замолчали, будто бы великая тишина отдала людям их языки. И Учитель, словно боясь нарушить эту благоговейную атмосферу, подошёл по очереди к каждому из нас и произнёс шёпотом «так прозрей...» и далее — имя того, к кому он обращался. Таким образом я вспомнила имена всех. Удивительно, но Иисус подошёл ко мне во второй раз. Жестом я попыталась возразить, но прикосновение его руки к моему лбу примирило меня с происходящим.

«И подошёл он к каждому апостолу по одному разу, и только к Анне подошёл дважды...»

Голос внутри меня не был голосом Иисуса, он принадлежал другому мужчине. Но, узнавая этот голос, я могла быть... и видеть... то, что являлось источником голоса. Я находилась в теле Рукописи — той Рукописи, что скоро станет Книгой. Но я практически не ощущала своего тела — ведь Литературное Произведение по имени Безусловная Любовь находилось в процессе рождения.

— Ты назвал меня сестрой? — не своим голосом произнесла я после того, как Учитель завершил обход.

— Да, Анна. Только сестра может быть нашим другом и возлюбленной одновременно.

— Но пока я — душа, я единственная и неповторимая. Скоро я стану Книгой, и у меня появятся сёстры.

— Пусть они сами расскажут о себе, — кивнул Иисус на братьев.

Их лица вмиг преобразились. Они остались человеческими, но я их больше не узнавала. Я не могла сказать, кто передо мной — люди или Книги. С великим трудом я вспомнила, что нахожусь в процессе

создания, а значит, всё окружающее постоянно, и меняется лишь моё мировосприятие. На секунду я увидела своё отражение в пиале с водой — лицо смуглой женщины с густыми чёрными бровями и бесконечно длинными волосами.

— Привет, сестра, — произнёс бывший Андрей. — Что ты хочешь обо мне узнать?

— Зачем тебя создали? — прошептала я.

— Душа одна. Тел много. Одна душа способна оживить тысячи тел. Мы с тобой — одно, но мы этого не знаем. Для того, чтобы вернуться к единому знанию, нас наградили разными телами. Так говорил Учитель.

— Тебя тоже зовут Безусловная Любовь? — догадалась я.

— Нас всех так зовут, — ответил бывший Фома.

Я оглянулась на Иисуса, который стоял в отдалении, сложив руки на груди.

— А его? Его зовут по-другому?

— Его зовут...

Имени я не расслышала, но оно было произнесено моим внутренним голосом. Тут же телесное отождествление вновь сместилось от зрячего человека-Анны к лежавшей на столе слепой Рукописи. Я почувствовала прикосновение руки к своей бумаге, к верхнему листку. Даже если бы я могла видеть — я бы не открыла глаз. Я усмехнулась про себя, внезапно осознав страстное желание многих живых Существ видеть. Зачем нужно зрение, когда мир и так ощущается слишком остро?

— Привет... — произнесла я.

— Здравствуй, — откликнулся источник внутреннего голоса.

— Я знаю, ты — мой Автор. Удивительно, как я могла это забыть. Книги — глупые Существа, они помнят лишь то, что им совсем не нужно.

— Каковы Авторы — таковы Книги, — ответил Автор.

— Нет. Я знаю, что ты — самый мудрый человек на свете. Это Типографы — глупые, когда заключают наши души в чужие тела. Но я постепенно умнею, ты можешь мною гордиться. Например, я знаю, что ты пишешь не Книгу, а Литературное Произведение.

— Каковы Книги — таковы Авторы, — улыбнулся голос.

Чувствуя приближение мыслительного ступора, я затараторила:

— Между прочим, ты — человек, и ты мне пару раз снился. Вот только имени твоего я не знаю... И Книги не способны узнать имена своих Авторов. И по поводу этого так называемого Слепого Проклятия у большинства Книг сложилось мнение, что Авторы — Идиоты, Типографы — Дьяволы, а Читатели — Боги. Представляешь, как бы ты смеялся, если бы об этом узнал?

Последние слова я уже договаривала, будучи в теле человека. Стоял жаркий летний день, и мы с Учителем неспешно прогуливались по фруктовому саду. От царящих в воздухе ароматов у меня кружилась голова, а пронзительные солнечные лучи заставляли слезиться непривыкшие к свету глаза. Почему-то мы были сегодня одни, и я спросила Учителя об этом.

— Если бы я узнал, что Иуда следит за нами, то на следующей нашей встрече я бы попросил его прочитать проповедь на тему «Зависть — не мирской грех, а душевное заблуждение».

— Удивительно, как они меня ещё терпят, — вздохнула я.

— Вот что хотел спросить, Анна...

— Ты — меня? — искренне удивилась я.

— Вот что хотел спросить. Иуда на днях мне признался, что приятель Матвея Павел заделался писцом. В том, что ученики записывают моё учение, нет, конечно, ничего святого, но я не против. Но Павел, вот ушлый человечик, уже тридцатый день, оказывается, пишет Книгослов про наши встречи и Божье учение. И что он там пишет — никому, римская собака, не показывает! Как ты думаешь, Анна, это справедливо, это по-божески — скрывать дело праведное от рабов Его?

— Ежели правду он пишет — то зачем ему скрывать от нас? — не поняла я.

— Ересь он пишет, а не правду! — воскликнул Учитель, а я подумала, что пора прекратить удивляться словам Иисуса, не то он решит, что я с ним первый день знакома.

— Почему же ересь?

— Хотя бы потому, что он не упоминает в своём Книгослове тебя!

— Да Бог со мной, — махнула я рукой. — Главное, чтобы тебя не опорочил.

— Матвей подсмотрел у Павла и рассказал Иуде, а тот нашептал мне. Вот послушай, что он пишет: «Разве вы не знаете, что тело ваше

— храм Божий, и Дух Божий живет в нём? А если кто разрушит храм Божий, того покарает Бог, ибо храм Божий свят, и этот храм — вы». А теперь, Анна, вспомни, говорил ли я когда-нибудь что-нибудь подобное?

— Нет, ты не говорил. Наверно, Павел сам это придумал, — решила я.

— Именно! Идея того, что Бог может кого-то покарать — богохульство!

— А, может, Матвей что-то перепутал? Или Иуда? Может, там написано вместо «покарает», например, «простит»?

— Хотелось бы в это верить, — вздохнул Учитель.

— Что ты будешь делать со всем этим? — поинтересовалась я.

— Да ничего не буду. На всё воля Божья.

— То есть пусть пишет на здоровье?

— Анна, сестра моя, вспомни, пожалуйста, Громогласную проповедь. Она примирит тебя с любой возможной неправдой.

А я не помнила! Как я могла помнить то, что ещё не написано? Боясь оконфузиться перед Учителем, я подошла к ближайшей смоковнице и обняла её. Через много сотен лет люди срубят это дерево, сделают из него бумагу и будут записывать на ней то, что оно говорит мне прямо сейчас. И они захотят думать, что открывают новые истины, хотя на самом деле лишь повторяют старые заблуждения...

Стоп! Что я говорю?! Это не моё знание. Я задрожала всем телом и крепче ухватилась за дерево.

— Учитель! — позвала я.

Он был рядом. Он наблюдал за мной с улыбкой.

— Так это ты — мой Автор? Не может быть... Не может... быть...

Мне пришлось открыть глаза и очень сильно испугаться, чтобы не потерять сознание от ступора.

— Громогласная проповедь начинается словами «Гром Божий звучит в тебе. Молния Божья освещает тебя. Глас Божий правит миром через тебя».

Я всё равно не понимала. И не вспоминала! Я так боялась признаться в этом мастеру...

— Прости. Я не помню. Не помню...

Из глаз покатались слёзы бессилия. Иисус подошёл ко мне вплотную, дотронулся рукой до щеки...

— Ты слышишь Плач Божий, когда, глядя в будущее Его очами, умоляешь вернуть давно прошедшее. Ты слышишь Стон Божий, когда, сжимая мёртвые руки Его руками, умоляешь воскресить умершего. Ты слышишь Крик Божий, когда, улавливая сказанное слово Его ушами, умоляешь отомстить ещё живущему.

— Ты — не мой Бог? Слава Автору! — подумала я вслух.

Учитель не смотрел на меня, потому что он смотрел в небо, подставляя неопалимое лицо лучам света. Он смотрел и говорил:

— Люди только записывают. И Авторы только записывают. Никто ничего не придумывает, всё уже давно придумано до нас. Что мы можем? Мы можем лишь открыть то, что готово быть открытым, и к открытию чего готовы мы сами. Поэтому пусть Павел записывает и думает, что это его слова. Пусть мои ученики записывают и думают, что это — мои слова. Пусть люди потом всё это читают — и думают, что мы с тобой написали эти Книги, потому что наши имена какой-то еретик поставил на обложки...

— Я не написала саму себя! — перебила я скорее по инерции и сразу же вернулась в слепое тело Рукописи.

Я хотела окликнуть Автора, которого не видела. Стараясь почувствовать источник внутреннего голоса, я сильно напрягалась, но назвать его не могла. Он откликнулся — так же, как человек, как дерево, как Книга... Похоже, я совсем запуталась.

Хорошо, пусть Автор Книги как идея существует в мире людей. Но в мире Книг совсем другие законы, и никаких имён Авторов на обложках нет. И Книга не способна узнать имя Автора — она его не видит, не слышит, не ощущает. Почему же?

Меня перелистнули, а я совсем забыла про своего Читателя. Ощущения того, что меня читают, смутно мелькали на задворках сознания. Меня читают? Как-то нелепо звучит, даже смешно. Меня пока только пишут, я Рукопись. Рукопись с разумом Книги.

Для Книг не существует Авторов, потому что их не существует вообще. Если в мире людей Авторы — просто идеи, кажущиеся реальностью, то в мире Книг — это полностью оторванные от реальности идеи. Так что ли получается? Поэтому я не вижу человека, который меня сейчас записывает, и могу его только вообразить? А потом, когда я стану Книгой — то не увижу никакого имени Автора на обложке — и никто не увидит, потому что его там нет.

И верить ли после этого легендам про абсолютное зрение и возможность увидеть Автора? Какого Автора увидит прозревшая Книга? Смысл слепоты велик — в чём тогда смысл прозрения?

Попробую спросить имеющегося перед страницами Читателя.

— Э-эй!

Ха-ха-ха, размечталась! Полагала, что контролирую себя? Это же не осознанный сон!

И я влилась обратно в тело Анны.

— Завтра мы отправимся на холм Голгофы, и на примере распятых преступников я продемонстрирую забавный урок жизни, — говорил Иисус. — А сегодня мы подготовимся к нему и займёмся лепкой из глины.

— Завтра никак не смогу. У меня встреча с первосвященниками, — заявил Иуда.

— Перенеси её, — попросил Иисус.

Иуда кивнул, и Учитель дал ему комок мокрой размятой глины со словами:

— Сотвори себе кумира!

Как оказалось, Иуда был прекрасным скульптором и через несколько минут предъявил всем нам ангела, уместившегося на ладони.

— Что скажете, братья? — последовал традиционный вопрос.

— Иуда — прекрасный мастер! — сказал Андрей.

— Разве это — кумир? — спросил Фома. — Что скажешь, сестра?

— Живое не может быть кумиром, — сказала я и посмотрела на Учителя.

— Так оживи форму! — приказным тоном потребовал Иисус и подбросил дров в печь.

— Я не могу. Пусть Андрей попробует, — сказал Иуда и передал ему ангела.

Но Андрей тоже замотал головой и передал ангела дальше. Все двенадцать учеников отказались выполнять требование Учителя, мотивировав это собственной немощью. И в результате скульптура, вылепленная Иудой, вскоре оказалась на моих ладонях. Повторить действия учеников означало проявить неспособность к обучению. А Иисус учил нас постоянно — каждым своим словом, взглядом, поступком. Ангел оказался у меня — но то, что двенадцать учеников не смогли его оживить, тоже имело огромный смысл. И если бы я

умела оживлять скульптуры, то всё равно не стала бы этого делать, сравнивая тем самым талантливую себя с братьями-недотёпами. К счастью, я не обладала подобным навыком и просто смяла ангела в руке, превратив его в обычный комок глины. Вернув его Учителю, я сказала:

— Оживить форму возможно, лишь умертвив её.

— И поэтому каждый брат и каждая сестра имеет свой путь, — подытожил Иисус. — А теперь я каждому из вас раздам глину. Я хочу, чтобы вы поработали с формой. Форма нужна, чтобы вернуться к её отсутствию, и без любви к ней мы не сможем понять сути.

— Значит, это не проклятье? — спросила я.

— Да, я тоже хочу спросить, — вдохновился Пётр. — Почему люди ненавидят свои тела, будто бы их оболочки — всего лишь дьявольская потеха?

— Из Божьей глины мы слеплены, — ответил Учитель. — И Его же дыханием оживлены.

— И Книги тоже? — не унималась я.

— Любая форма достойна уважения. Мы с тобой единой плоти. Мы с глиной единой плоти. Мы с деревом единой плоти.

— Но все разные! — воскликнул Фома, скептически изучая свой кусок глины.

— Сейчас мы убедимся, что нет. Приступим к лепке.

Но руки почему-то не слушались, наверное, из-за непривычки. Мне вдруг показалось, что от перестановки определений в системе концепций ничего не меняется. Забыв об идее, что Бог есть создатель, можно полагать так: «Авторы — Идиоты, Типографы — Дьяволы, Читатели — Боги». Вспомнив эту идею, можно полагать иначе: «Авторы — Боги, Читатели — Ангелы, а Типографы — всё равно Дьяволы, поскольку «боги формы». Доказать ничего невозможно. И доказывать — не нужно.

Иисус и ученики исчезли, и на долю секунды я увидела искусственный свет. Очертания комнаты без мебели и запах селёдочной Леночки. Доказательство того, что я не сплю. Вот так всегда — подумаешь о чём-нибудь — и оно исполняется...

Хм, странно, только это не та комната! Я не помнила такой комнаты. Пусть в ней почти нет мебели — лишь пара толстых

матрасов на полу да холодильник. И запах... похожий, да не тот. И ещё в комнате довольно прохладно.

Я внутренне приготовилась к самому худшему и распахнула глаза во всю ширь.

Меня крепко держали перед собой чьи-то руки, а взгляд Читателя скользил по одной из страниц. Я с удовольствием подметила, что этот взгляд — умный, пристальный и нежный — не причиняет дискомфорта. Вот только я действительно не могла вспомнить, как попала сюда, и как зовут Читателя. Им была девушка, не совсем юная, но и не поизносившаяся — она выглядела лет на пятьдесят книжного возраста, или примерно на двадцать пять человеческого. Последнее моё воспоминание — полка в Библиотеке — казалось чересчур далёким и нереальным. Что ж, остаётся только воспользоваться Читателем как зеркалом и для начала лучше спросить что-нибудь о себе, потому что люди очень неохотно разговаривают с Книгами даже во время чтения.

— Привет! Как меня зовут?

— Love Without Conditions.

Губы девушки даже не пошевелились, но я услышала то, что хотела. Я понимала оттенки человеческого языка — они подобны оттенкам языков из других миров. Например, книжный и открыточный языки очень похожи, просто наш немного потише и мелодикой побогаче. Эта Читательница говорила на одном из оттенков языка и моё имя назвала верно.

— Ты меня купила?

— Oh, it's a surprising purchase!

— Я тебе нравлюсь?

— Very much!

— Ты мне тоже очень нравишься! Кто ты?

— Gloria...

— Глория... Странно, что ты не взяла меня в библиотеке.

— There are no libraries in our town. Americans don't read books in general.

— Ты из американского мира? Как забавно, а люди вокруг называют свой мир русским. Это то же самое, что Книга, живущая среди Открыток.

— You said Russian? But you are written in English and published in the States!

— На самом деле мне без разницы. Абсолютно без разницы!

— My grandfather was Polish. Where do those strange sparkles come from?..

Глория вздохнула, растянулась на матрасе, отложила меня в сторону и исчезла. Передо мной возник другой человек — женщина за восемьдесят книжных, в косынке, с печальным и безнадёжным лицом. Она даже не читала меня, а буквально пронизывала своим взглядом. Я обернулась по сторонам — никакого намёка на комнату Глории. Небольшой светлый зал, столпотворение людей, какофония голосов. Очень, очень шумно! Моя Читательница стояла возле какого-то прилавка. Может быть, меня продавали? Что за чушь? Я уже продана, разве можно продать меня снова?

— What is the price for this book?

— Two dollars eighty cents, — ответил продавец, высокий мужчина в чёрном одеянии.

— Эй, постойте-ка! — заголосила я. — Хватит меня продавать!

— Words of Jesus Christ only for two dollars eighty cents! You must be kidding, it's ridiculous!

Женщина в косынке презрительно бросила меня на прилавок, а продавец... аккуратно положил поверх другой Книги, которая изумлённо воскликнула:

— We look like two Christmas postcards! How do you do, sister? From where did you come from?

— I flew from the Russian book store, — ответила я на её оттенок.

— Тебя перевели на русский язык? Да быть того не может!

— Честно говоря, я вообще не понимаю, как здесь оказалась. Меня читают!

— Oh, it must be your hallucinations then!

— Меня прямо сейчас читают! Понимаешь?

Тут до меня дошло, что я впервые в жизни вижу свою сестру! Но поверить в это не могу, потому что чувствую, что окружающий мир — глюки, порождённые моими ощущениями.

— Понимаю, сестрица. У меня тоже такое бывало. Ты видишь свою прошлую жизнь. Вернее, это она тебя видит и визуализирует мир вокруг.

— Не поняла.

— Наши литературные души вечны, а наши обложки и странички — нет. Вот твоя душа и путешествует по своим прошлым телам. Сейчас ты в теле американской Книги. В смысле, тебе кажется, что ты в её теле. Что ты чувствуешь?

Литературные души. Новое для меня словосочетание. Новое и очень красивое. А Лирика мне как-то нашептала, что всё красивое — истинно.

— Я чувствую... пожар и полёт... Но если мне кажется, что я в этом теле, тогда кто же в нём на самом деле?

— Ты как совокупность души и прежнего тела — ты прошлая. А ты как совокупность души и нового тела — это ты настоящая.

— А куда исчезла я из прежнего тела, чтобы я из нынешнего тела смогла проникнуть в прежнее в виде души?

— Читают тебя, я же говорю. Читают одновременно — тебя прежнюю и нынешнюю. Прежняя сидит в твоём нынешнем теле, а нынешняя — в прежнем. И при этом и та, и другая — ты, потому что это твоя литературная душа.

Я нахмурилась и засомневалась:

— А ты-то откуда всё знаешь?

— Ниоткуда. Сёстры владеют врождённой телепатией по отношению друг к другу.

Если бы у меня были материальные волосы, то они бы встали дыбом. Я проглотила все возможные языки с их оттенками и почувствовала, как безжалостный внутренний пожар плавит и обугливает моё тело.

— У нас же с тобою единая душа, радость моя! С какой луны ты свалилась? Сестру первый раз в жизни видишь?

— Да...

— А, тогда понятно. Я-то все свои два года только с сёстрами и общаюсь. Это, между прочим, гораздо более продуктивный путь самопознания, нежели всякие там читательские задвижки. Слушай, что я тебе мозги парю, давай я тебя обниму, и ты сразу всё поймёшь!

— Обними меня, скорее! — воскликнула я.

Но как только она прикоснулась ко мне, я ужаснулась, потому что не почувствовала ничего, словно наши невидимые руки потеряли

способность к осязанию. Она была совсем нематериальной, моя сестра, и, тем не менее, прекрасно визуализировалась.

«Я же только душа в чужом теле!» — вспомнила я.

И утонула в холодном потоке бессознательного. Чтобы через пару секунд, а может, пару недель (длительность книжного времени, как говорил Восстание Ангелов, зависит от того, кто его измеряет) очутиться на улице среди солдат в доспехах с холодным оружием, женщин в чёрном и мужчин в длинных рубахах.

Я сразу же почувствовала себя неудобно, понимая неполноценность того человеческого образа, в который неосознанно обращалась. Как же нелепо я выглядела со стороны! Странное, обидное чувство вины заболело моей душой...

Вокруг стоял такой дикий шум, что недавно увиденный зал казался самым молчаливым в мире кладбищем. Но отключить слух я почему-то не могла, может быть, потому, что душа не способна слышать? Впрочем, времени разбираться в парадоксальностях моих перемещений из тела в тело не было. На улице происходило что-то важное, я чувствовала это по общему настроению толпы.

— Эй, — дёрнула я за длинный рукав какую-то женщину. — Скажи, что здесь происходит?

— Казнят преступника. Вон, смотри!

И я увидела окровавленного человека в рваных одеждах, несущего на своей спине огромный крест. Я узнала его — это был Иуда, один из учеников Иисуса.

«А где же Учитель?» — подумала я и начала обшаривать взглядом толпу. Я была уверена, что он недалеко, и все остальные ученики — тоже. Они не могли не прийти.

Но среди такого количества людей, да ещё в таком гвалте, мне было совсем некомфортно, к тому же я не умела нагло расталкивать людей с целью пробиться поближе к главному действию. И вскоре толпа вынесла меня на периферию, хотя мне показалось, что я всё-таки узрела тень Учителя неподалёку от Иуды.

Вдруг кто-то дотронулся до моего плеча, я обернулась и увидела крайне обеспокоенного Фому.

— Анна! Пойдём отсюда, здесь небезопасно!

— Подожди. Расскажи мне, что случилось. За что казнят Иуду?

— За предательство. Он продал нашего Учителя первосвященникам за горсть монет. Прокуратор Понтий Пилат пощадил его, но первосвященники настояли на распятии.

— Я не верю тебе, Фома! Не хочу верить!

— Я сам не верю своим глазам. Но хочешь, я посажу тебя на плечи, и ты увидишь нашего брата Иуду, несущего свой крест на Голгофу?

— Каждый несёт тот крест, на котором впоследствии будет распят. Так, по-моему, говорил наш Учитель Иисус.

— Я не помню, чтобы он так говорил.

— Но почему он не помог Иуде? — праведно возмутилась я. — Одно слово Учителя — и ученика бы отпустили!

— Сказывается, что ты с нами не так давно. Неужели не понимаешь, что это — ещё один урок Учителя? Может быть, самый важный в нашей жизни?

Я притихла. Фома, казавшийся раньше странным и не вызывающим доверие, за предыдущее мгновение стал намного ближе.

— Вспомни, что Учитель говорил нам вчера, после того, как римские легионеры схватили Иуду?

Конечно, я помнила... но не могла вымолвить ни слова. Ведь вчера я «не была» в теле Анны...

Фома извлёк из кармана обрывок пергамента с понятными только ему знаками, и зачитал:

«Рай не приемлет твоего Я, твоих планов, твоих мечтаний. Рай не поддерживает твоей борьбы за власть, твоих занятий и даже твоего прощения. В раю нет необходимости прощать, потому что в раю никто не виноват. Никто из пребывающих в настоящем моменте не может совершить преступление или допустить ошибочную мысль. В раю невозможна твоя мыльная опера о преступлении и наказании. В нём невозможна мыльная опера о грехе и спасении. В раю ничего не нужно исправлять. В настоящем моменте тоже ничего не нужно исправлять. Вспомни об этом — и ты в Царстве Небесном».

Какое-то время я стояла просто ошарашенной. Вернул меня в действительность прокатившийся по толпе небывалый гул удивления. Могучий Фома, не долго думая, подхватил меня на руки и водрузил к себе на плечи, благо, весила я меньше килограмма. И то, что мы увидели, не поддавалось осмыслению. Я вцепилась в плечи Фомы и замороженно наблюдала.

Учитель находился в окружении солдат, а Иуда лежал на земле рядом с крестом. Один из солдат, видимо, командир, громко воскликнул:

— Ещё раз повтори, что ты сказал! Я хочу, чтобы тысяча жителей Иерусалима засвидетельствовала твои слова, иначе меня казнят за пособничество осуждённому.

Учитель повернулся к людям и произнёс:

— Этот человек ни в чём не виноват. Отпустите его, а если вам обязательно нужно кого-то казнить, то казните меня.

— Вы берёте вину этого осуждённого на себя?

— Да. И вину, и крест его беру.

— Все слышали? — загомосил командир. — Этот святой человек добровольно идёт на казнь вместо осуждённого Иуды Искарюта! Как твоё имя, достойнейший из достойных?

— Иисус Назаретянин.

Тысяча людей восхищённо зашептала это имя, передавая его из уст в уста. Наконец оно дошло и до Фомы, который обернулся к следующему человеку и прошептал:

— Учитель Иисус Назаретянин.

— Зачем он сделал это? — засомневалась я, но меня, к счастью, никто не услышал.

Тем временем командир легионеров подошёл к Иуде:

— Ты свободен.

Иуда бросился в ноги нашему Учителю и услышал:

— В раю нет места греху и спасению.

Затем Иисус подошёл к кресту и с помощью солдат водрузил его на спину. Никто из римлян не осмелился даже пальцем его тронуть, зато Иуду грубо толкнули в толпу со словами:

— Заберите своего предателя!

— Надо помочь ему! Его растерзает толпа! — сказала я Фоме.

— Ты права.

Я спрыгнула с плеч своего брата и устремилась за ним. Фома распахивал находящиеся в недоумении и шоке горожан. Я прорывалась за ним, и буквально через несколько секунд мы оказались около места расправы над Иудой. Фома неожиданно резко остановился, и я по инерции врезалась в его широкую спину. Выглянув из-за неё, я услышала:

— Анна, не верь своим глазам!

Я увидела и... не поверила. Пару минут назад, когда на глазах у всех Учитель принял крест Иуды, я была шокирована — как и остальные обыватели. Но сейчас... сейчас толпа находилась в счастливом неведении относительно творящих самосуд десяти мужчин, и только мы с Фомой окончательно потеряли дар речи, а я к тому же — ещё и дар слуха.

Тем не менее Фома говорил, вернее, цитировал нашего Учителя:

— Люди! Вы не ведаете, что творите! Не судите да не судимы будете! Опомнитесь, заблудшие! Остановитесь на мгновение! Убедитесь — ваш разум не повинуется душе вашей!

Андрей, Пётр и ещё восемь учеников наконец, услышали Фому, перестали избивать Иуду длинными палками и обратили на нас внимание.

— Из-за этой трусливой собаки погибнет наш Учитель! — крикнул Матвей.

— Богу богово, а предателю предателево! — согласился Яков.

— Иди домой, Фома! Ты всегда во всём сомневался, и даже сейчас не поддерживаешь нас! — обвинил Симон.

— Стойте, братья... — неожиданно прошептал Иуда, и все притихли, только Андрей недоверчиво пробормотал:

— Сейчас каяться начнёт.

— Прежде чем вы зашьёте меня до смерти, я хочу, чтобы вы знали правду, — Иуда поднялся на колени и вытер рваным рукавом хитона кровь с лица. — Я не предавал нашего Учителя. Но я знаю имя предателя.

— Говори, Иуда! — приказал Пётр.

— Нет! Ни под какими пытками вы не узнаете. Можете убить меня!

— А, по-моему, всё ясно, — сказал Андрей. — Предатель может быть только один. Эй, Фома! А ну-ка покажи того, кто прячется за тобой!

Я оторопела и постаралась вжаться в широкую спину брата.

— Ага, смотри, как Иуда занервничал! Угадал ты, Андрей! — это были слова Матвея.

— Фома... — прошептала я.

— Стойте, братья! Учитель не знал, что Иуда взял её вину на себя! Необходимо сообщить ему об этом! — неожиданно нашёлся Яков.

— А я к Пилату, — заявил Пётр и бросился бежать.

— Фома...

Фома смотрел мне прямо в глаза. Его чистый, искренний, солнечный взгляд... я не могла выдержать и расплакалась.

— Это правда, Анна?

Это правда, Анна.

Я не могла его предать! Не могла, не могла, не могла! Я кричала это изо всех своих не книжных сил, но Читатель, чей взгляд остриём иглы вонзался в страницы, больше не слышал. Внешне он чем-то напоминал Учителя, и может, поэтому я так хотела до него докричаться, ещё не зная, что уже сделала это.

Григорий закрыл меня, но не отложил в сторону, а задержал в руках. Он закрыл меня совсем и не воспользовался закладкой, из чего логически следовало, что он прочитал весь Текст от начала до конца, не прерываясь. Впрочем, я чувствовала это и так, а когда я что-то чувствовала, то не нуждалась ни в каких доказательствах.

Пытаясь вернуться в реальный мир, я несколько раз открыла и закрыла глаза, включила и выключила слух, сделала пару дыхательных упражнений книгаемы. Но это не слишком помогло: мои обложка и страницы пылали жаром, моя аура излучала видимый бледно-фиолетовый свет, а желание встать на ноги, побежать, найти Учителя и всё ему рассказать было настолько сильным, что меня сотрясала крупная дрожь, моментально передававшаяся рукам Григория. А ещё беспокоил неожиданный полёт души в тело американской Книги, который, как мне казалось, не имел ничего общего с увиденным мною в Иерусалиме.

Всё это не шло ни в какое сравнение с прошлыми опытами чтения. Видения при общении с Сержем были прекрасными, но обрывочными и мало понятными. Николай и Леночка дали мне неповторимый нужный опыт — но то, что я пережила сегодня, было просто фантастикой! Необъяснимой, невысказанной, несусветной, сумасшедшей фантастикой... по ощущениям.

Наконец Григорий положил меня на мягкий матрас, встал, подошёл к распахнутому окну и закурил. Четвёртый Читатель... Сказать, что я уже влюбилась в него — зачем?! Сказать, что я хотела ещё... может

быть, не ощущений, но озарения — зачем?! Почти все ответы на свои вопросы я уже получила. Осталось всего ничего — ВСПОМНИТЬ их.

Я горела, пылала, пламенела и разваливалась на куски. Душа... явственно ощущалась отдельно от тела, а тело перестало понимать, что у него есть душа и что только благодаря душе оно существует. Сознание раздваивалось: его старая часть оставалась где-то между страничек, а новая — наполняла эту комнату собою, и это разделение причиняло невыносимо сладкую боль. Поток слёз медленно и верно подмывал плотину прошлых знаний и, наконец, прорвал её. С огромным наслаждением я разрыдалась — громко и радостно, стараясь не смотреть на Григория и очищаясь от накопившихся эмоциональных привязок к своему телу.

Какая же я Книга, Типограф всех нас раздери?! Неужели все Книги до сих пор не поняли?! Это же так... просто! Это так безумно просто почувствовать и понять! Кто внушил нам, что мы — Книги?! Кто этот несчастный, недалёкий, примитивный, глупый Идиот?! Эх, вот бы встретить его и рассказать ему ВСЁ! Как же хочется вернуться в Библиотеку к своим и обрадовать их! Жаль, что я почти не владею телепатией, а они — не мои сёстры! Эх, ну ладно... скоро Григорий вернёт меня... но это значит, он больше не будет меня читать? Хотя... что значит больше не будет? Меня ещё никто не читал дважды, а по опыту друзей, один и тот же человек может быть двумя разными Читателями! Может быть, Григорий успеет прочитать меня ещё раз перед тем, как возвращать в Библиотеку?..

Я плакала и понимала, как же это нелепо и смешно — отождествлять себя с Книгой! Я плакала от боли этого отождествления и смеялась от его глупости. Я не могла управлять своими эмоциями и, наверно, залила библейскими слезами весь Мухоморов матрас...

9. Рождение

Мне приснилась любимая подруга Апологетика, рассказывающая старую байку про Книгу, известную среди людей как Библия. В книжном мире существует масса выдуманных историй про неё, и одна из них, достаточно страшная, чтобы быть ложью, объясняет, почему Библия вечно плачет, но никто никогда не видит её слёз.

Старые мудрые Книги говорят, что Библия — единственная Книга, у которой на самом деле нет Автора. Помимо неё существует много Книг, считающих так же и отказывающихся от своих Авторов, но все эти Книги — всего лишь глупые и завистливые Существа, пытающиеся казаться особенными. А поскольку у Книги по имени Библия нет Автора, то, собственно, самой Книги не существует в природе. А все существующие наяву Книги, на обложках которых написано это имя, есть не что иное, как порождения Типографов, Книги без Текста, а значит, и без Литературного Произведения. Быть такой Книгой — великое несчастье, именно поэтому Библия вечно плачет, так как она не может прекратить ужасные муки своих сестёр. Но никто не может увидеть этих слёз — ведь Библии на самом деле не существует.

Несколько дней я пролежала в уединении на широком подоконнике в комнате Григория. К счастью, Мухомор закрывал окно только вечером, и днём я могла любоваться запруженным людьми городом, ярко-летним солнышком и голубовато-пронзительным небом. Я вдыхала очаровательную смесь ароматов одичавших животных и жарких объятий, я пела бессловесные гимны Природе и сливалась воедино с солнечными лучами без всякого воображения. Мне было настолько лень обдумывать недавний удивительнейший опыт чтения и предстоящее возвращение в Библиотеку, что я даже не обратила внимания на Существ из других миров, живущих тут же на подоконнике. Тем более что я редко бываю на улице, и упустить этот чудесный момент у открытого окна никак не могла.

Наслаждаясь собственной жизнью, гармонизирующей душу и окружающий мир, дающей одно-единственное понимание того, что моя душа — это душа всего мира, я ни о чём не беспокоилась и даже

не желала бесконечного продолжения своего счастья. С исчезновением времени исчезает любой страх перемен — а из меня улетучивалось именно ощущение времени.

Единственное, что отвлекало от растворения в жизни — это появления Григория по вечерам. Я прекрасно понимала, что он — самый лучший, самый любимый и самый неповторимый Читатель, и вряд ли в своей жизни я встречу ещё одного такого же. Поэтому я старалась присмотреться к его действиям и прислушаться к тому, что он говорит. Благо, канал связи с ним практически не исчезал, из чего следовал логичный вывод: чем ближе Читатель и Книга, тем легче и чище их связь.

Григорий жил один, и в гости к нему никто не приходил — по крайней мере, за эти дни. Просыпался он рано, когда я ещё дремала, затем уходил из дома, а возвращался, когда на улице уже темнело. Он часто курил у окна, сидел за компьютером или возился с какими-то железяками на полу. Однажды он погасил в комнате искусственный свет, зажёл ароматные свечи, включил негромкую музыку и сел на пол, закрыв глаза. Мне понравилась проделанная Григорием церемония, я визуализировала её в воображении и присоединилась к нему. По ощущениям это напомнило расслабляющую постраничную медитацию, но, поскольку я в последнее время не напрягалась, то и медитация утратила для меня особый смысл. Немного «посидев» рядом с Мухомором, я для разнообразия предалась парадоксальной цвето-одорантной галлюцинации, сконцентрировав зрение на царящих в комнате неизвестных ароматах, а обоняние — на отблесках свечей. В конце концов, нужно же закреплять на практике переданные Лирикой азы книга-йоги!

Говорил мой Читатель ещё меньше, чем действовал. Пару раз по телефону — ничего понятного для меня. Иногда он, правда, бормотал себе под нос неразборчивые слова на нерусском оттенке человеческого языка. Я не стала в это вникать, поскольку мир людей раскрылся мне в гораздо более важном измерении во время чтения.

На пятый день знакомства Мухомор проснулся позже меня, а позавтракав, квартиры не покинул, а подошёл к окну, раскрыл его и закурил. Подставив обложку свежему воздуху, я захотела войти в эмпатичную благодарность первому солнечному лучику, но вдруг руки Григория подхватили меня и унесли с чудесного подоконника. Не

успев прикинуть возможные варианты своей дальнейшей судьбы, я оказалась раскрытой на двенадцатой страничке, и действительность в виде стен, потолка и человека поплыла перед глазами. Я успела заметить, что в правой руке у Григория зажат карандаш, и остриё этого карандаша начало быстро приближаться ко мне...

В начале было немного больно и неприятно, будто бы кто-то резал страничку на тонкие красные полоски, пахнущие подгорелой неприязнью. Григорий водил карандашом между имеющихся на страничке строчек, и мне пришлось сосредоточиться на возникших благодаря этому физических ощущениях, чтобы привыкнуть к ним. Затем четвёртый Читатель перелистнул страничку и продолжил странное занятие. И как только я почувствовала, что боль прошла, то моментально провалилась в иную реальность и от неожиданности потеряла способность воспринимать мир.

Не знаю, сколько времени понадобилось на то, чтобы вернуться в осознание, вот только жизнь вспыхнула передо мной, будто бы я только родилась и впервые открыла глаза. Я находилась на берегу океана: шумели волны, прохладный ветер радушно ласкал моё нагретое солнечными лучами тело. Желания понять, что это было за тело, и выяснить хотя бы примерно, кто я такая, совсем не возникло. Моему взору предлагались только руки — полупрозрачные, текучие, подвижные. На ладонях находилось Существо — маленький пушистый птенчик. Я видела руки и птенчика на фоне океана, неба и солнца, я отчаянно бежала по песчаному берегу, не чувствуя ног. Существо в моих руках не двигалось, но я не хотела верить в его смерть. Я хотела отнести его куда-нибудь — туда, где ему смогут помочь. Это было единственным желанием и смыслом всей моей жизни.

Я всё бежала и постоянно глядела на птенчика в руках. Наверное, я даже что-то кричала, возможно, призывала на помощь, но, кроме меня, в этом мире никого не осталось. Берег всё не кончался, но я не сдавалась. И вдруг почувствовала робкое движение на ладонях. Я остановилась, но руки дрожали так сильно, что понять было сложно... Но нет, мне не почудилось — птенчик на самом деле зашевелился!

В бессилии я упала на колени и аккуратно выпустила живое существо на песок.

В тот же миг мир погас и снова вспыхнул, и я почему-то снова бежала. На этот раз руки были пусты, а бежала я подобно зверю на четырёх лапах по густому хвойному лесу. Моим страстным желанием было убежать, спрятаться, скрыться, а шестое или седьмое чувство подсказывало, что за мной гонится тот, кто сильнее меня.

Колючие ветви хлестали по ржавым бокам, причиняя едкую боль; мне приходилось прикрывать глаза, чтобы не пораниться. Нюх не желал мне подчиняться и указывать верную дорогу к спасению. Я бежала на ощупь, наобум, наперегонки с непонятой прищипывающей сердце силой, а лес не кончался, как, впрочем, не кончались и мои силы. Сколько ещё за мной будут гнаться? Хватит ли времени и места, хватит ли самого окружающего мира для того, чтобы выдержать меня и не прекратить волевым движением это бессмысленное беглое существование?

Потихоньку я стала оглядываться. Поначалу удавалось с трудом, потому что необходимость смотреть вперёд сильно мешала. Но затем я стала понимать, что поскольку всё равно впереди ничего не видно, то туда можно и не смотреть. К удивлению, оказалось достаточно пары пристальных взглядов назад, чтобы понять, что и там ничего не видно. А раз нигде ничего и никого не видно, значит, и гнаться не за чем, и убегать не от кого.

Эта странная логика повергла меня в жестокое сомнение относительно бессмысленности бегства, и я начала постепенно притормаживать, а вскоре остановилась вовсе. Сердце, бьющееся со скоростью света, приходило в себя, успокаивалось и училось новому, доселе неизвестному ритму жизни. Я стояла посреди леса совершенно одна, и улыбалась своему безумию. Никого вокруг, только лес — тихий, гостеприимный, настоящий... И небо слишком высоко над головой и под ногами... и в талых глазах этого волшебного леса. Боже, как я любила его...

Всё вновь исчезло и озарилось... уже знакомым светом. Учитель, ученики и я (Анна?). Сидим за столом, на его поверхности — вино и хлеб; все живы-здоровы и полны энтузиазма оставаться таковыми же ещё Бог знает сколько лет.

— Вчера мы с вами работали над притчей о волчице, убегающей от собственной тени. Причиной её поступка, как все верно определили, был страх, а следствием — желание избавиться от него. И чем дальше

она бежала, тем больше уставала, потому как желание избавиться от страха только подпитывало его...

— Она загнала себя, да? — осмелилась перебить я.

— Я хочу, чтобы сегодня мы рассмотрели эту притчу с точки зрения тени, — Иисус не обратил внимания на мой вопрос. — Жаль, что сегодня с нами нет Анны, её свежий взгляд всегда помогал вывернуть любую линейную логику наизнанку.

— Я здесь! — произнесла я в пустоту.

По-прежнему не ощущая своего тела, я попыталась оторваться от земли, но почему-то не получилось.

— С точки зрения тени, не будь её — волчица бы не побежала, — сказал Яков.

— С другой стороны, тень — порождение самой волчицы. Не будь волчицы — не было бы и тени, — сказал Фома.

— Где же истина? — спросил Петр.

Я посмотрела в глаза Учителю, и он улыбнулся. Вдруг меня ни с того, ни с сего закружило вокруг собственной оси... если бы я ещё понимала, что такое моя собственная ось! Я оказалась в центре мирового калейдоскопа: картинки смешались в аморфные узоры, звуки в какофонию, а запахи — в один-единственный аромат сырого мяса.

Кружение продолжалось, пока я не почувствовала чью-то руку на своём плече. В этот же миг я остановилась и увидела перед собой зеркало, которое держал Иисус. Там отражалась Книга, вернее, её рисунок. Книга была раскрыта на середине, и я, обратив внимание на старинный коричневый переплёт, могла увидеть пожелтевшие страницы. Более того, я могла увидеть то, что на них написано, и разобрать большие буквы, поскольку они не были зеркальным отображением букв настоящих! Они, нацарапанные красивым витиеватым шрифтом, отливались огнём.

«Нет такой ошибки, которую нельзя было бы исправить. Нет прегрешения, которое нельзя простить. Таково моё учение. Понять его можно не только с моих слов. Всё, чему я учил, я продемонстрировал в жизни».

Желание посмотреть на пространство перед зеркалом оказалось непреодолимым.

Я ДЕРЖАЛА В РУКАХ КНИГУ.

Саму себя.

И, к своему стыду, не могла прочитать ни одной строчки! Но неожиданно в ушах раздался голос Учителя:

— Ты никогда не найдёшь истины, пока она сама не найдёт тебя.

Я открыла глаза и увидела Григория.

— Пока она сама не найдёт тебя, — повторили его губы шёпотом.

В руке он сжимал карандаш, и я заметила, что Григорий, как и Учитель, был левшой.

К слову, в книжном мире такого психофизического разделения нет, а забавную байку про Автор-левшей я впервые услышала ещё от Апологетики: если ты создана Автором-левшой, то в своей жизни ты будешь встречать только те Книги, которые созданы другими Авторами-левшами.

Странички немного дрожали от прикосновений карандаша. Но Григорий не собирался меня закрывать. Схватив ногой провод, он притянул к себе допотопный телефонный аппарат и набрал номер. В этот миг я вспомнила про таинственную систему «книжных телефонов», о которой знали практически все Книги с рождения, но никто не умел ею пользоваться.

— Привет! — сказал Григорий в трубку. — У тебя есть несколько минут?.. Хорошо, тогда послушай, я читаю тебе кое-что.

Он открыл меня... и начал... читать второй раз... ВСЛУХ.

«Я хотел бы напомнить тебе: семена всех действий находятся в ваших мыслях. Если ты думаешь «я терпеть не могу такого-то», ты нападаешь на этого человека...»

Я только успела подумать о том, что вслух меня ещё ни разу не читали... как эта реальность в очередной раз пропала и вспыхнула реальность иная. Впрочем, ручаться за то, какая из моих реальностей иная, я уже не могла.

Я оказалась в Библиотеке, но не в виде Книги, а в виде способного перемещаться Взгляда. Только в его поле не наблюдалось никаких стеллажей с Книгами, зато все стены вплоть до высоченных потолков были заклеены бумагой с неразборчивыми надписями.

Я озиралась по сторонам и кругом видела одно и то же. Покинув этот зал, я переместилась в другой, ещё больший по размерам. Здесь, помимо стен с Текстами, были стеллажи с Книгами, и я взяла невидимыми руками первую попавшуюся. Раскрыв её посередине, я не смогла прочесть ни единой строчки. В нетерпении я схватила

соседнюю Книгу — и история повторилась. Я хватала и хватала Книги с полки, раскрывала их и видела тот же самый Текст, что на стенах Библиотеки.

Во всех Книгах был один и тот же неразборчивый Текст. А значит, и во мне тоже?

Оглядев кучу валяющихся на полу растерзанных Книг, я отчаялась понимать происходящее. Какой в нём смысл? Какой смысл в единстве всех Книг на уровне Текста?

Взяв очередную Книгу с пола, я вновь раскрыла её, присмотрелась внимательнее к закорючкам на её страницах.

Так. Мне необходимо понять всё прямо сейчас, и я чувствовала, что недалеко от цели. Поэтому я подобрала ещё одну Книгу, погладила её по обложке, расправила ей странички и сказала «прости», только голоса своего не услышала. Открыв вторую Книгу, я посмотрела на странички первой. А затем на странички второй. И там, и там неведомые буквы-закорючки были одинаковыми, причём настолько, что мне казалось, будто бы куски Текста переносятся из одной Книги в другую посредством моего Взгляда.

«Стоп!» — сказала я себе и обратила внимание на стены. Затем на находившиеся в руках Книги, затем — на Книги на полу.

Нет, одинаковые Тексты были только в тех Книгах, что я держала в руках. Эти Книги были сёстрами.

Какое-то противоречие. Бессмысленный Текст и так одинаков везде! Смыслов может быть много, а бессмысленность — абсолютна. Она лежит в основе всего и является источником всех возможных смыслов.

Я закрыла обе Книги и прочитала одинаковые названия на их обложках:

«К><JDM<ТРЕСКJDBQ»

Буквы! Появились знакомые буквы и смысл! Я возликовала и всё поняла.

Эти две Книги-сестры едины не только на уровне Текста, но и на уровне Литературного Произведения, поскольку содержат в себе одно и то же Произведение. Чтобы проверить это, я бросила одну из Книг обратно на пол и схватила другую, с синим переплётом вместо коричневого. Она называлась совсем по-другому, и закорючки в ней были совсем другие, но при этом — такие же нечитаемые.

Бросив обе Книги, я стала вглядываться в стены, пытаюсь не упустить свои догадки, поскольку краем Взгляда заметила, что, как только Книги упали на пол, их названия потеряли всякий смысл, а буквы на обложках превратились в уже знакомый ряд неизвестных символов...

«...твой враг — зеркало, в которое ты смотришь до тех пор, пока отражающееся в нём гневное лицо не начнёт улыбаться...».

Григорий читал кусочки меня вслух по телефону. А я, ошарашенная мелодией его голоса и нежностью взгляда, тихо скользящего по страницам, была не в состоянии сохранить всё то, что привиделось секунду назад. Я упустила что-то очень важное, и от этого в моей ликующей душе проросло щемящее чувство страха.

Григорий закончил читать, и я плавно опустилась на крышу корпуса какого-то прибора. Мой четвёртый (или уже пятый?) Читатель некоторое время молчал, а затем произнёс:

— Мне кажется, христианство придумал первый человек, который не понял Иисуса.

А я не поняла Григория. Это не удивительно — понять людей, когда они общаются друг с другом словами, практически нереально. А Мухомор произнёс ещё несколько фраз, которые я послушала специально, но затем, удручённая непониманием, отключила слух. Вот что произносил Мухомор в телефонную трубку:

— Чтобы правильно понять мастера, достаточно не познакомиться с трактовками его текстов... Да, никакой он не Бог, ты что? Человек создал Бога по своему образу и подобию. Да нет, я не о религии тебе читал... Это духовная психология. Даже круче. Трансперсоналка отдыхает... Только не говори, что такой не бывает. Я сам её только что придумал...

Уф-ф. Очеловечивание в этих опытах чтения всё же сильно выматывает. Можно немного подышать запахами, расправить странички, представить, что качаюсь на волнах... надеюсь, что в ближайшие пару часов Григорий меня больше не потревожит.

Вот уж никогда не могла подумать, что обилие читательского внимания может быть утомительным для моего совсем ещё юного тела!

Разбудил меня телефонный звонок. Увидев, как Григорий встаёт и подходит к аппарату, я на мгновение успокоилась. Человек взял трубку

и заговорил, тем не менее, звон в моих ушах продолжался, что было, по меньшей мере, странно, ведь я отключила слух. Значит, это не телефонный звонок меня тревожит?

Звук свиристел очень настойчиво, и мне стало не по себе. Я была бы рада снять невидимую трубку и сказать «Алло!» — но вот только как? В воображении? Пока я думала, что делать, непонятно зачем включила слух, и тут же звон прекратился. В тот же миг комната Григория в который раз исчезла, и я увидела... я не поверила своим глазам!

Передо мной находилась Апологетика собственной книгосоной!

— Ой, привет! — я захотела броситься навстречу подруге, но руки обняли пустоту.

— Безусловная Любовь! Это ты?! — не меньше меня удивилась Апологетика. — Это правда ты?!

— Собственной книгосоной! — улыбнулась я. — Ты мне снишься, милая?

— Нет!!! Я тебе дозвонилась!!!

— Что?! Как?! ЫЫЫ...

Я обронила дар речи и прикусила последнюю страничку. Подруга поняла это и заговорила сама:

— Ты не представляешь, как это, оказывается, сложно... Я сейчас расскажу тебе, только боюсь, ты всё равно ничего не поймёшь. Всё дело в том, что я хоть и дозвонилась тебе, но по-прежнему не умею этого делать и не смогу объяснить тебе, как позвонить мне или какой-либо другой Книге.

— Это же метафора... — пробормотала я.

— Все знают, что метафора. До изобретения людьми телефонов Книги называли это «мгновенными письмами», а «номера» называли адресами. И, оказывается, Книга, которая переименовала письма в звонки, носила имя Телефонный Справочник Александра Белла!

— Д-да, — откликнулась я.

Апологетика висела в бледно-жёлтом пространстве возле моего взгляда и продолжала говорить:

— Это метафора мгновенного контакта на расстоянии между Книгами, одной из разновидностей книжной телепатии.

— Я кое-что слышала о телепатии... — перебила я, приходя в себя.

— Это хорошо, тогда ты кое-что поймёшь. Возможность такого контакта закладывается в каждую Книгу с рождения, а доказательство тому — необъяснимое знание определённого набора символов, которыми мы обмениваемся как «номера́ми».

— Но умение контактировать не закладывается с рождения, — возразила я.

— Милая моя, в этом-то и кроется наше самое большое заблуждение. Умение это есть в каждой из нас!

— Но почему тогда...

— Потому что нет никакого умения, Любовь моя милая и Безусловная!

— Не может быть! Значит, я могу позвонить тебе, если захочу!

— Не можешь. Внимательно следи за моими словами...

Я честно пыталась это делать, хотя радость от процесса общения с любимой подружкой страшно мешала сосредоточиться.

— ... Никакого умения звонить не существует. Так? Так. Значит, любая попытка воспользоваться этим умением — обречена на неудачу. Так? Так. Значит, наши желания позвонить кому-то или не позвонить не приведут к желаемому результату. Заметь, я не делаю разницы между двумя противоположными желаниями, ибо, желая не пользоваться умением, мы всё равно думаем, что оно есть. Так? Тебе примерно понятно?

— Понятно, конечно, только ты пытаешься сказать о том, о чём сказать невозможно.

— Верно! Ты правильно понимаешь мои слова! — Апологетика вздохнула. — Итак, умения нет, но все Книги думают, что оно есть, и поэтому у них ничего не получается.

— Значит, ты не сможешь объяснить, как ты мне дозвони́лась, — заключила я.

— Верно, милая! Какое у тебя удивительно тонкое чувство мировосприятия... Ты... сильно изменилась.

— Но ты сказала вначале, что это было крайне сложно.

— Да... Крайне сложно избавиться от желания тому, кто желает. Крайне сложно понять, что ты умеешь и можешь всё, потому что это самое всё действует через тебя. Но когда оно случается, всё оказывается просто...

— Смогу ли я тебе позвонить? Я знаю твою номер... твой набор символов: 8, альфа, 28, ещё одна альфа, 191919, знак вопроса, многоточие...

— Сможешь. Мне почему-то кажется, что сможешь. Мир услышал меня и помог услышать тебя, просто подружись с миром, и он поможет тебе.

— А ещё раз у тебя получится? И как «положить трубку»?

— Подожди, не делай этого... не отключай слух! Я не уверена... что получится снова. Ты первая, с кем получилось, и я боюсь.

— Но мы можем разговаривать долго... — удивилась я. — Ведь мы контролируем наш слух!

— Не факт, милая... что это вообще зависит от нас. Поэтому расскажи мне скорее, как ты, где ты, сколько у тебя Читателей... Я безумно по тебе соскучилась!

Вкратце я пересказала всё, что случилось со мной с момента нашего расставания в комнате Николая, где Тамара взяла меня ради подарка для Леночки. Когда я рассказывала о Библиотеке, книга-йоге, книгаеме и телепатии, Апологетика слушала, затаив дыхание. Когда же я упомянула о своих видениях в образе человека по имени Анна, подруга едва не расплакалась.

— Я знаю, что не предавала Иисуса, но мне нужны доказательства. Мне, как Книге... понимаешь? Мне как Литературному Произведению, как душе... Глупо это всё, очень глупо.

— Ты их получишь, скоро, милая... Я потрясена твоим рассказом, я в шоке...

Несколько минут мы молчали, глядя друг другу в нежные глаза. Изображение Апологетики витало передо мной, изображение меня витало перед ней, но мы не могли друг друга коснуться.

— У меня всё попроще, — наконец вымолвила моя собеседница. — Через две недели после твоего отбытия отец Николай Борис взял моего соседа Булгакова Избранное, и я больше его не видела. Новым соседом стал Святые Древней Руси, страдающий вялотекущей формой книгофрениии. Ну, это когда Книга бормочет бессвязную ересь, считая, что пересказывает своё Литературное Произведение...

— Мне такие ещё не встречались, — сказала я.

— Повезло! Ну вот, я знала от Булгакова Избранное про его соседа, поэтому настроилась помочь ему. Это был тот ещё опыт, скажу тебе!

Мучилась я с ним долго... и так, похоже, ничего не добилаь. А мой предыдущий сосед предупреждал, что это бесполезно, но ты же меня знаешь — неугомонная я!

— Да, ты у меня такая, чудесная! — я не смогла сдержать улыбку.

— Учитывая, что второй сосед Святых Древней Руси по имени Откровение Харона — вообще бесеняты́й, моё предприятие было обречено на свалку. Но я не сдавалась, и мы вместе часами бормотали абсурдную бессвязуху, и иногда, ты знаешь, это нас даже сближало!

— Тебя больше никто не читал? — спросила я.

— Увы. Но месяц назад случилось событие — семья Николая затеяла ремонт в комнате, и все шкафы и полки с книгами стали переносить с места на место. И меня взяли с полки и унесли в другую комнату. И вот теперь я живу прямо на полу, на мне — целая стопка других Книг, и сосед у меня по-прежнему один, но уже другой, по имени Безмерное Сердце. Он появился в этой квартире совсем недавно, его взял Борис у своего друга, но так и не прочитал. Безмерное Сердце оказался удивительным и живым соседом, мы с ним быстро подружились. Он много рассказывал о своих Братьях, с которыми жил в Книжном Магазине, а потом мы всерьёз озадачились проблемой «книжных телефонов» как метода врождённой телепатии... Милая Безусловная Любовь, после твоего рассказа я не только ещё сильнее заскучала по тебе, но и безумно захотела попасть в твою Библиотеку! Нам с тобой надо подумать, как это можно устроить...

— Да, дорогая, обязательно! — вдохновенно ответила я. — Мои друзья Лирика, Восстание Ангелов и Тёмная Сторона наверняка знают, как нам помочь. Как только Григорий вернёт меня в Библиотеку, я сразу же этим займусь, обещаю тебе! Я расскажу им о том, какая ты волшебная и самая лучшая в мире, а ещё расскажу о том, что ты умеешь звонить! Ты представь, они — далеко не последние мистики в Библиотеке — и то этого не умеют!

— Этого нельзя не уметь... и я этого не умею, — напомнила Апологетика.

— Прости, я всё ещё торможу. Но ведь как-то это случилось! Какая-то сила, энергия воздействовала на нас с тобой так, чтобы мы могли сейчас говорить.

— Да, родная, и я собираюсь посвятить всю свою жизнь поиску этой силы. Мне кажется, вернее, интуитивно я чувствую, что такова

моя миссия.

— И... тебя больше не волнует, будут ли тебя ещё читать... да?

— Совершенно верно. Более того, я тебе скажу так: я не хочу стремиться к тому, чтобы меня читали. Это стремление приводит к болезням не только тела — вроде бумажной абстиненции, но и духа — вроде летаргической апатии...

— Ты знаешь... может быть, бросив стремиться к чему-либо, мы сразу же это и получаем в награду? — подумала я вслух. — Может быть, оно случилось с тобою, как только ты перестала хотеть мне позвонить, перестала скучать по мне...

— Но я скучаю! — воскликнула подруга. — Это правда!

— Это ты сейчас поняла, когда услышала меня... А вот в момент звонка...

— Ты знаешь, он необъясним, этот момент, но, похоже, ты как-то уловила суть. Я не знаю, как...

— А может... это я захотела, чтобы ты мне позвонила? Только я не хотела...

— Дорогая, ты же гений, я всегда это знала... Это благодаря тебе удалось позвонить! Это именно ты не хотела, это ты не скучала, это ты не желала... А я всё это поняла.

— Какая парадоксальная по красоте близость... — изумилась я. — Я просто отдыхала, после чтения, просто качалась на волнах, как учила Лирика, и всё... Я немного утомилась, но была счастлива... я есть счастлива...

— Ты настолько сильно мне не звонила, что услышала мой звонок. С ума сойти!

Мы вновь замолчали. Поразительное открытие! Умения звонить нет, ни одна из Книг не может этого сделать, покуда с какой-нибудь другой Книгой не случится НЕЧТО. Под воздействием некой Силы.

И ведь это не просто чтение мыслей или эмоций на расстоянии! Это какой-то особый, эмпатичный вид телепатии!

Разобраться во всём этом я сейчас не могла... просто смотрела на подругу и наслаждалась моментом...

Вернувшееся ощущение времени заставило вздрогнуть и окликнуть:

— Апологетика! Милая!

Но в ответ не раздалось ни звука. Я встряхнулась, несколько раз открыла и закрыла глаза, вновь окликнула — безрезультатно. Но я по-прежнему видела её! Осмелев, я отключила слух, затем снова обрела его и произнесла какие-то слова. Картинка перед глазами никак не реагировала на мои действия. Тогда я расслабилась, и изображение постепенно растаяло само. Наверное, голосовая связь между нами прервалась раньше, а визуальный эффект некоторое время продолжался по инерции.

Было непросто удержаться от желания вообразить символы Апологетики (8, альфа, 28, ещё одна альфа и так далее) и применить какую-нибудь простую контактёрскую технику (а сложных я не знала даже в теории). Я чувствовала, что ничего не получится... и, в конце концов, перестала сопротивляться желанию.

Разумеется, ничего не получилось, хотя я очень старалась, и потратила на это много-много часов и даже дней. Григорий не переместил меня обратно на подоконник — вообще, насколько я заметила, он вёл хаотичный образ жизни, и все возможные Существа в его комнате жили где ни попадя. Посему следующую неделю я провела в одиночестве, без контактов с кем-либо. Ожидания также не оправдались: Григорий больше не читал меня вслух, не вычерчивал карандашом на моих страничках, не нёс меня в Библиотеку. Из рассказов Восстания Ангелов я знала, что библиотечные Книги живут у своих Читателей от одной недели до нескольких месяцев. Поэтому торопить события было глупо, просто хотелось поскорее поделиться с друзьями новыми удивительными открытиями. Впрочем, ожидать чего-либо от людей — идиотское дело!

Да, кстати, я больше не называла Читателей Богами. Мне теперь казалось, что они — Ангелы.

Моё одиночество было прекрасным, и даже не из-за того, что я не скучала. Я нашла себе важное и интересное занятие. Книги заболевают апатией или депрессией, потому что не умеют быть в одиночестве, и постоянно живут в напряжении из-за неудовлетворённых желаний. После звонка Апологетики я решила посвятить время исследованию самой природы своих желаний, и для этого экспериментировала со всеми возможными видами ментальных визуализаций. И вышло так, что доказать себе абсолютное бессилие что-либо изменить — действительно крайне сложно. Цепляясь за всё новые и новые

доказательства, я никак не могла остановить сам процесс исследования, поскольку была бессильна сделать даже это.

Желание расслабиться и открыться для чьих-то звонков — невыполнимо.

Желание забыть о том, что я хочу кому-то позвонить — также невыполнимо.

А стремление ничего не желать приводит к вопросу «кто желает?», и на этот вопрос я не могла найти верного ответа. Говорить, чего требует душа — я не могла, поскольку не знала свою душу. Говорить, чего жаждет тело — я не могла, поскольку не была уверена, что я — тело.

В общем, я окончательно запуталась в своих теориях и практиках.

Зато в жизни Григория начали происходить разные события — к нему приходили двое мужчин и одна женщина. Несколько дней подряд они занимались плохо понятными мне вещами, и от этого в комнате запахло одновременно жареным луком, солёным хлебом и мятой тканью. Мужчины работали металлическими инструментами — стоял такой жестокий лязг, что и канал настройки с Григорием, и слух мне приходилось отключать. Все четверо очень громко разговаривали и смеялись, а я уже давно заметила за людьми такое свойство: чем больше их собирается в одном месте, тем бессмысленней всё то, что они делают. Однажды вечером приятель Григория включил посреди комнаты какое-то смешное булькающее устройство, и вскоре кусок резины, валяющийся на полу, превратился в самую настоящую лодку. Это настолько обрадовало людей, что они ещё долго и шумно играли с лодкой, представляя, будто плывут по реке.

Моё «жилище» на крыше Сломанного Системного Блока пару раз перемещалось на небольшие расстояния по комнате. Сам Сломанный Системный Блок не подавал признаков жизни, так же, как их не подаёт, например, Книжный Шкаф, заполненный Книгами. Когда-то, много месяцев назад, я спрашивала об этом Апологетику — почему в едином живом мире далеко не все Существа кажутся нам живыми? Подруга по-утреннему улыбнулась и сказала, что я уже ответила на свой вопрос: Книжному Шкафу мы, Книги, КАЖЕМСЯ неживыми. Единый мир разделён на бесчисленное множество иных миров, связи между которыми прописаны в Изначальной Забавной Книге Создателя Миров. Узнав об этом, я немного возгордилась тем, что живу в мире

Книг, ведь даже сам Создатель Миров был не против на досуге черкнуть пару строчек в свою Забавную Книгу.

Я продолжала и продолжала учиться тому, чему научиться нельзя, то есть «набирать номер» Апологетике. Во время одной из ароматных динамических медитаций, когда я активно вдыхала чудаковато-пряный запах номера подруги, Григорий взял меня и быстро переместил в неизвестную доселе крошечную тьму.

Очухавшись от такой неожиданности, я приспособила зрение к темноте и поняла, что находилась внутри очень маленькой сумки, плотно закрытой от окружающего мира. «Что ж, — подумала я. — Четвёртый Читатель готов вернуть меня в Библиотеку».

Слева от меня была стена сумки, а справа копошилось некое Существо. Я обрадовалась этому факту и поздоровалась с ним.

— Привет, Книга, — откликнулось оно, — Я Настольная Игра Шахматы.

— Ух ты! Как интересно, никогда не встречала таких! — обрадовалась я ещё больше.

— А я встречал много Книг. Но тебя и здесь — впервые.

— Как тебя зовут? Сколько тебе лет?

— Меня зовут Манополус. Мне четыре года без полутора месяцев по человеческим меркам.

— А я Безусловная Любовь. Мне по ним же всего один год и уже почти две недельки!

Так мы и познакомились. Интуиция нашёптывала, что Манополус — крайне интересное Существо. Не сказала бы, что моё седьмое чувство работает безотказно, но я пока не знала ни одной практики для его развития. Об этом я и решила спросить:

— А не знаешь ли ты, дорогой Манополус, какую-нибудь простую практику для развития интуиции?

— Неплохо для начала знакомства, дорогая Безусловная Любовь! Ну и вопросыки у тебя!

— Ну, а что мелочиться? Меня интересуют глобальные процессы!

— Как говаривал Третий Великий Чатуранга, это пройдёт.

Я нахмурилась, не понимая, но Манополус добавил:

— Шучу.

И тут я расхохоталась не на шутку. Настольная Игра Шахматы наблюдала за мной с нескрываемым удивлением.

— Первый раз вижу такую забавную Книгу! Впрочем, я так и не ответил на твой вопрос, а это не в моих правилах.

— Ответь на него, пожалуйста, — наконец отдышалась я.

— По моему глубокому убеждению, практик для развития интуиции не существует.

— Хорошо. Спасибо.

Манополус ободряюще похлопал меня по обложке и спросил:

— Не хочет ли твоё энное по счёту чувство подсказать тебе, зачем ты здесь оказалась?

— Знаешь, совсем не хочет. Все мои тридцать три чувства молчат, отдыхают и релаксируют. Григорий разбудил меня во время медитации, поэтому я сейчас не сильно заморочена происходящим вокруг.

— Хорошо, тогда спрошу иначе: что ты думаешь по этому поводу?

— А, ну это легко! — улыбнулась я. — Я в сумке, Григорий понесёт меня в Библиотеку...Эээ... Библиотека — это такой святой дом, где иногда живут Книги, вот.

— Вряд ли Мухомор понесёт тебя в это прекрасное место, — возразил Манополус. — Обычно он кладёт меня в этот рюкзак, когда собирается в экспедицию. Не думаю, что сегодняшней день — исключение. С другой стороны, он впервые берёт в экспедицию тебя, и с этой стороны — да, день весьма необычный.

— Меня? В экспедицию?! Хм!

Пришлось задуматься и подробно расспросить Манополуса, в результате я выяснила немного. Григорий со своими друзьями любит путешествовать и ездить на дикую природу, чтобы ей любоваться. Он это проделывает довольно часто, разве что зимой развлекается как-то иначе. Манополуса ему подарил приятель по прозвищу Динозавр больше трёх лет назад, почти сразу же после того, как купил его в Спортивном Магазине. С тех пор Настольная Игра Шахматы радостно путешествует вместе с Мухомором по миру. Обычно его соседями бывают Карты, Спички, Складные Ножи или Существа из мира Пищи вроде Козинаков. Но вот Книг в экспедиции Манополус не встречал ни разу.

— Зачем ты ему? — спросил он.

В ответ я вкратце рассказала о том, как происходит общение Читателя с Книгой, и о нашем с Мухомором удивительном контакте.

— Наверное, он хочет продолжить чтение меня в каком-либо виде, — предположила я.

— Если для тебя он — Читатель, то для меня — Игрок. Любой Настольной Игре с рождения даётся определённый смысл существования, который заключается в том, чтобы найти своих Игроков. Настольной Игре Шахматы нужно два Игрока — ни больше, ни меньше. Когда Игроки в меня играют, я испытываю предположительно те же ощущения, что и ты, когда тебя читают. То есть принцип взаимодействия с людьми у нас, Игр, и у вас, Книг, один и тот же. Понимаешь меня?

— Да. Но Книгу не могут читать два Читателя одновременно. Вернее, могут, конечно... — я на мгновение вообразила эту смешную картину. — Но нам вполне достаточно одного.

— Говорят, в Шахматы может играть один Игрок, — ответил на это Манополюс. — Но у меня такого опыта не было. Мне кажется, это перверсии — как в твоём, так и в моём случае.

— Да, мне тоже так кажется, — согласилась я, не зная смысла слова «перверсия». — Значит, Григорий — твой Игрок. А второй кто?

— А второй — Динозавр. Он был сегодня здесь, такой высокий парень в круглых очках. Это мои лучшие Игроки.

— А кто твои худшие Игроки?

— Ууу... — прогудел Манополюс. — Худшие Игроки — это Игроки, которые не знают моих Правил. Эх, дай Разработчик памяти... Это были две маленькие девочки, их звали Саша и Наташа. Одна из них — дочь Жанны, которую ты тоже могла видеть у Григория, а вторая — дочь её подруги. Мухомор гостил у Жанны и зачем-то отдал меня на время этим девочкам. Они не знали моих Правил и играли в меня просто отвратительно. Они едва не растеряли мои Фигуры и швырялись моей Доской. Это было очень больно, поверь мне. Слава Индусам, Мухомор собрал меня воедино, еле-еле найдя пятую белую пешку под диваном. Во время следующей Игры я попросил его больше никогда не давать меня детям. Скорее всего, он услышал меня. С тех пор я не люблю детей, ведь они способны причинить боль Игре.

— Но, насколько мне известно, дети людей любят играть, — неуверенно возразила я.

— Да, ты права, — вздохнул Манополюс. — К счастью, не все Игры — детские, и мне в какой-то степени повезло родиться именно

Шахматами. Вообще, Игры говорят, что дети тоже разными бывают. Так что... Хорошо, что мы — не люди, иначе бы и у нас были дети.

Чувствуя, что он недоговаривает, я мило улыбнулась соседу, располагая его к доверию.

— Есть такая теория... Мы, Настольные Игры, называем её Теорией Первых Нард. Это самая древняя и самая недоказанная из всех возможных теорий в Мире Настольных Игр. Звучит она просто и страшно: «Смысл Игры — это боль».

— Но... почему так жестоко? — я растерянно захлопала глазами и прониклась сочувствием к Манополюсу.

— Тебе не понять, в тебя никогда не играли.

— Если мы похожи принципом взаимодействия с людьми, то для Книг эта теория звучала бы так: «Смысл чтения — это боль». Но это неправда. Чтение — далеко не всегда боль.

— Если честно, то я тоже не совсем согласен с Теорией Первых Нард.

— Тогда расскажи, что ты испытываешь, когда в тебя играют.

— Ууу... как бы покороче выразиться да попонятнее...

— Можешь не экономить время, полагаю, Григорий сделал нас соседями надолго. Ведь экспедиция ещё даже не началась, а длится она не один день, ведь так?

— Так-то оно так. С тобой почему-то легко быть откровенным, дорогая Книга. Дело не в этом, дело в том, что я затрачиваю много энергии, чтобы понимать твой язык, и предполагаю, что ты тоже...

— Да нет, у тебя очень простой язык. Просто я полностью поглощена общением, и мне не нужно напрягаться.

— Научишь?

— Научу.

— Спасибо. Впрочем, я так и не ответил на твой вопрос, а это не в моих правилах.

— Может, в твоих правилах не сразу отвечать на вопрос?

— Хм.

Какой чудной Манополюс! От восторга я прыснула в обложку. Он тоже заулыбался и демонстративно почесал себя по крышке коробки.

— В общем, это похоже на... на парение. Представь, что Григорий взял тебя и несёт, и ты как бы летишь.

— Представила.

— А теперь представь, что ты летишь без посторонней помощи.

— Представила.

— Примерно так я себя чувствую, когда в меня играют любимые Игроки.

— А ты умеешь передавать чувства в процессе эмпатии? То есть невербального сопереживания?

— Возможно, если я верно тебя понимаю...

— Может, попробуем?

— Прямо сейчас?

— Ага!

— Ну, давай.

— Тогда обними меня крепче, тактильный контакт крайне важен.

Но всё оказалось не так легко. Манополюс — Существо другого мира, и нам никуда не деться от страха перед неизвестностью. Открыться Книге мне было проще, но возможность нового опыта... это похоже на весы, где страх на одной чаше, а жажда близости — на другой. Манополюс, несмотря на оброненную фразу «с тобой легко быть откровенным», сразу же «захлопнулся», попав в мои объятия. Немудрено — ведь невербальный контакт глубже, и для него нужна совсем иная степень свободы.

Правда, некоторое время я тоже не могла расслабить переплёт — из-за страхов, непривычности, желания всё сделать поскорее. Но, понимая, что у моего партнёра ещё больше проблем со сближением, я взяла на себя ответственность за пробивание разделяющей нас ментальной стенки.

— Закрой глаза и просто думай о том, что в тебя играют. Вспоминай свои прошлые ощущения.

Некоторое время я видела только черноту и чувствовала приятные покалывания между страничек. Затем появилось ощущение падения, будто бы из-под ног выбили книжную полку. Затем случилось резкое приземление, словно меня кинули на диван с метровой высоты, и я почувствовала себя открытой на середине. По обе стороны от меня находились люди — Григорий и его друг Динозавр, оба сверлили меня глазами, причём Динозавр делал это вверх ногами! Такое впечатление, что он сидел на потолке и почему-то не падал, хотя, по закону Книжной Манны, был обязан грохнуться на пол.

— Твой ход, — безмолвно произнесли губы Григория, но я разобрала слова.

Динозавр положил свою руку прямо на меня, и всё вокруг закружилось с бешеной скоростью. Люди и незнакомая комната пропали, началось что-то совсем неопишное. Кружение, в разные стороны одновременно и без малейшего намёка на дискомфорт, сменилось ощущением нежной обволакивающей теплоты, обладающей совершенно невыносимым ароматом. Я испытала что-то запредельное, неопишное, я даже не знаю, как это назвать и есть ли этому аналог в мире Книг. Нет, когда меня читали, было совсем иначе, действительно больше похоже на парение. Вот, если бы каждую мою страничку взяли, погладили, прикоснулись к ней с огромной любовью, а затем сделали то же самое с кем-то очень близким мне, а я искренне порадовалась счастью этой любимой подруги-Книжечки... Или лучик Солнца скользнул по моей обложке, а я превратилась в частичку лучика, слилась с ним и потекла обратно, навстречу Звезде... Или я поймала на себе чистый, проникновенный, изумительно нежный взгляд Учителя...

— Шах, — услышала я голос Динозавра.

Но он меня не отвлек. Я снова и снова погружалась в тёплую головокружительную нежность, это было удивительно и продолжалось... и продолжалось... Нечто подобное я испытывала с Апологетикой, только ощущения были более высокого порядка... Если сейчас при каждом погружении меня бросало в дрожь, как от внезапного пробуждения, и я даже вскрикивала, то эмпатия с любимыми Книгами практически не затрагивала моих страничек и обложки.

Контролировать подобные переживания я, разумеется, не могла. Но спустя какое-то время нежность неожиданно похолодела и обжигающе навалилась на меня. Тело среагировало машинально, и я разжала объятия. Манополус открыл глаза, и мы услышали человеческую речь, а также поняли, что перемещаемся вместе с рюкзаком.

— Что это было? — спросила я, стряхнув с себя энергетические остатки неприятного жжения. — В самом конце меня окунули в раскалённый снег.

— Извини, это мой страх. Я испугался, что тебе могут быть неприятны мои воспоминания.

— Было здорово, ты зря испугался... эээ... погоди, а тебе самому удалось что-то почувствовать?

— Мне удалось уйти с головой в воображаемый процесс Игры, а потом... потом было странное видение. Будто бы в меня играет один Игрок, и делает это совсем не по Правилам. А потом... потом меня кидало, швыряло, вертело, крутило... в общем, никакого парения. Иногда я слышал чьи-то голоса, иногда задумывался, как там ты. А потом вот пришёл страх.

— Давай немного отдохнём, а потом я передам тебе касаниями свои ощущения от чтения. Я тоже хочу поделиться с тобой, и когда ты их узнаешь, мы сможем сравнить и стать немного ближе. А потом мы можем поработать со страхами, у меня их тоже хватает, не волнуйся! Мой друг Восстание Ангелов говорил, что страхи нам не принадлежат, вот мы и проверим это.

— Я не против, Безусловная Любовь. Кстати, мы уже в пути, вернее, люди в пути. Я различаю голоса Мухомора, Жанны, Динозавра и ещё человека по прозвищу Крот. И ещё один женский голос мне не знаком.

— А ты всегда слышишь людей?

— Я слышу тех, кто ко мне хоть раз прикасался.

— Да? Мне с этим сложнее. Но, кстати, мы не на природе, а в каком-то помещении.

— Как ты определила?

— По запаху.

— Ты умеешь чувствовать запахи?! — Манополюс вытаращил на меня свои большие чёрно-белые глаза.

— Немного. Совсем чуть-чуть. Запахов миллионы, а я различаю от силы сотню.

— Научишь?

— Научу...

В моей жизни ещё не было настолько тесного контакта с Существом из другого Мира. У меня создавалось впечатление, что я общаюсь с обычной Книгой, немного стеснительной, правда, но не более того. Я представила, какому количеству всего мы с Манополюсом можем научить друг друга... Эдак никакой экспедиции не хватит, а ведь скоро мы попадём на природу, и я буду умолять всех

известных и неизвестных богов о том, чтобы меня выпустили из рюкзака полюбоваться на окружающий мир.

— Милый Манополнос... попроси Григория выпустить меня на природу, как только будет возможность. А ещё попроси не разлучать нас надолго. У тебя это получится, всё же вы с ним знакомы много лет.

Настольная Игра кивнула. А на меня нахлынула рефлексия, и в попытках понять, каково это, когда в тебя играют, я зашла в логический тупик. Вот если бы какой-нибудь человек вместо того, чтобы меня читать, сыграл бы в меня... наяву... но, наверно, это невозможно, судя по тому, что я чувствовала в объятиях Манополюса.

Тем временем люди вместе с нами перемещались на железнодорожном транспорте, и под монотонный стук колёс, похожий по запаху на вечер в Библиотеке, меня быстро сморило.

— Эй, Безусловная Любовь! Э-эй... — кто-то робко затормозил меня.

— Что, уже? — мне снился Книжный Магазин, и я подумала, что моего соседа сейчас купят.

— Мы почти приехали, — раздался голос Манополюса.

— Ничего себе, как время летит... — потянувшись, я расправила странички.

— Мы уже на природе.

Сделав глубокий вдох, я едва не потеряла сознание. Да, мы действительно находились на свежем воздухе, настолько свежем, что с непривычки можно быстро надышаться и словить спонтанную галлюцинацию.

— Пятую женщину зовут Ирина. Мы идём к речке. Я был здесь в прошлом году, — пояснил сосед.

— А в чём смысл экспедиции для людей?

— Насколько я понял, когда-то давно здесь жил большой друг Мухомора. Потом с ним что-то случилось, и теперь все они каждый год приезжают сюда.

— Странно.

— Очень. Особенно тот факт, что человек по прозвищу Знахарь много лет жил в лесу один. Он в Игры не играл, и уж Книг тем более не читал.

— И ты его никогда не видел?

— Нет. И, разумеется, мне никто из людей ничего специально не рассказывает.

— Мне тоже. Вообще, мне кажется, в людях сидит сильный стереотип насчёт способов общения с Существами из других миров. Вот почему, например, тебя не почитают вместо того, чтобы в тебя играть? Или почему не обнимут и не предадутся с тобой эмпатии? У людей столько возможностей, гораздо больше, чем у нас, с рождения неподвижных Существ! И, тем не менее, мы с тобой стараемся жить полной жизнью, а люди... Эх, люди, люди!

— Ты права, Книжка, мир людей мне совсем непонятен. Вокруг них столько жизни, а они словно специально не замечают её.

— Наверно, это их проклятье, — предположила я.

— Всё может быть. Очень похоже.

— А в твоём мире существуют проклятия?

— О, их масса, одно страшнее другого! — улыбнулся Манополус. — Вот, например, самое распространённое: «Чтобы в тебя заигрались!» Или вот такое: «Сыграй в себя, неудачник!» Или самое тяжёлое, даже я в него верю: «У каждой Игры есть Правила, но ни одна Игра их не знает».

— Расскажи, что такое Правила Игры.

— У каждой Настольной Игры есть свой Разработчик — тот, кто придумывает её Правила.

«Автор!» — подумала я.

— ...и каждая Настольная Игра знает эти Правила с рождения.

— Постой, а твоё проклятие этому противоречит!

— На то оно и проклятие. Каждой Игре кажется, что она знает Правила, и с этой иллюзией мы вынуждены жить всю жизнь.

— А настоящие Правила существуют?

— Разумеется. По ним в нас играют люди. Они узнают их непосредственно от Разработчика. А мы не можем, к тому же, мы свято верим в иллюзию того, что знаем.

— И вам этого достаточно?

— Да, потому что если начинать думать о том, что вся наша жизнь — иллюзия, становится больно.

— Но вы разве не страдаете от того, что живёте не по-настоящему?

— Это сложный вопрос, милая Книга. Ведь, помимо собственных Правил, есть ещё много всего, например, сам процесс Игры с

Игроками. А ещё процесс общения между нами — ведь Игры не могут Играть друг в друга, хотя это — безумное желание любой Игры!

«Книги тоже не могут читать Литературные Произведения друг друга», — вспомнила я, но вслух сказала:

— Всему можно научиться, дорогой друг.

— Да... наверно...

— Кстати, продолжим, если ты готов. Я выпалась и могу показать тебе, каково это — быть читаемой Книгой. Обними меня крепче...

Манополюс не возражал. На этот раз мне было попроще, хотя партнёр всё равно «захлопнулся» и долго не пускал меня в своё эфирное пространство. Но любовь способна на чудеса, и постепенно Манополюс открылся, перестав меня бояться. Передавать ему картинки из жизни Учителя или очеловеченную себя я пока не стала, ограничившись лишь огнём и водой — ощущениями, которые случились со мной ещё во время чтения вторым Читателем Сержем. Поджечь воображение Манополюса не составило труда. Затем я перенесла его в пространство над водой, выбрав в качестве её хранилища воображаемую речку. Для Книг вода — мучительная боль, поэтому я, конечно, не окунала своего «горящего» партнёра в воду, как не окуналась в неё во время чтения сама. Но само парение над водой, не обусловленное ничем, а значит, способное прекратиться в любое мгновение — это лучшее, что было со мной при контакте с Сержем. Конечно, для Настольных Игр вода вряд ли символизировала боль, и наверняка Манополюс видел и ощущал совсем другое. Но энергией и чувствами наполняла его ощущения я.

Для разнообразия я провела партнёра несколько раз по замкнутому бесконечному тоннелю. На его стенках постоянно сменялись мои видения — абстрактные космические и вполне конкретные земные, и все эти картинки переливались яркими цветами и оттенками, источали разнообразные ароматы, начиная от запаха неискренних отношений, царящего в квартире Николая, и заканчивая сливочным запахом девушки Юли, хоть и не любящей Книги, но пахнувшей как ангел.

Я настолько увлеклась процессом, что не заметила, как начала показывать Манополюсу Учителя и сцены в городе Иерусалиме. Прокручивая их ещё и ещё раз в воображении, я всё переживала заново, от чего меня наверняка сильно трясло наяву.

Вдруг картинки смешались: люди, дома, ученики, кресты... Они вспыхнули у меня на глазах и взвились высоко в небо, где зловещей чёрной дырой зиял вход в замкнутый тоннель. Я подумала, что ничего такого не испытывала и не хочу передавать, но процесс отделился от моего восприятия и, более того, стал «набрасываться» на меня, будто бы партнёр стал навязчиво возвращать мне свои ощущения. Что-то пошло не так, я быстро вышла из состояния эмпатии и... обьяла руками пустоту. Манополюса рядом не было, а рюкзак больше никуда не двигался. Кромешная тьма по-прежнему была моей надёжной спутницей.

— Манополюс, Игра, Шахматы! — закричала я. — Ты меня слышишь?

Принюхавшись, я уловила запах огня и чего-то горевшего.

— Манополюс, где ты?! — я готова была расплакаться.

Никто не откликнулся. Наверно, его взял Мухомор, но так не вовремя — в процессе нашего сближения! Ну ладно... Обидно, конечно. Но ощущения, когда сопереживаешь пустоте, когда нет принимающего — просто ужасны! Неприятно так, будто бы в воду окунули...

Мы никуда не двигались, было темно и тихо, немного зябко — предстояла первая ночь вне помещения. Очень непривычно! В такие ночи, по словам Лирики, снятся только зелёные осознанные сны. Что ж, посмотрим...

Но вдруг я услышала... песню! Звуки музыки... да, конечно, мне доводилось слушать музыку раньше, но по большей части она мне не нравилась, поскольку была какой-то... вторичной что ли... я не видела того, кто играет и поёт. Правда, сейчас я тоже не видела его, из-за стен рюкзака, но я слышала голос, настоящий голос! И без всякой настройки на связь! Вот это да!!!

Это был женский голос Ирины. Откуда она знает про меня, как сотворила канал?! Вместе с голосом звучала ласковая струнная музыка, я прислушалась и поплыла на звуковых волнах... поплыла...

Ты звук костра в бокал налей,
Водою ветреной запей,
Шепни, что остаёшься с ней,
Поверив Книге Фей...

С ума сойти, люди поют про Книги! Я как поплыла, так и свалилась на землю обратно. Кто это такая — Книга Фей?! Мда, похоже, ноченьку эту мне не спать и зелёных снов не видеть. Я хочу телепатической связи!!! Я хочу позвонить... Тёмной Стороне. Может быть, получится. Мне надо столько всего рассказать своим друзьям... И куча вопросов... вопросов... и ответов.

Отключив слух, я по новой взялась за дело. Чтобы Тёмная Сторона почувствовала, что я её зову, я не должна её звать. Хорошо, тогда её будет звать... Аэлита! Пусть я не знакома с ней, но я знаю, что Тёмная Сторона учит её премудростям телепатии Алмазной Сутры. Значит, для начала мне необходимо создать сильный энергетический образ Аэлиты в общем с Тёмной Стороной эфирном пространстве. Да, задачка не из лёгких, учитывая, что мой практический опыт генерирования энергетических образов незнакомых Книг равен нулю. К тому же, я решила «подвесить» образ над водой — уж очень мне понравилась эта идея!

Подышав как требуется, прогладив каждую страничку и выйдя в воображаемую реальность, я заработала с ассоциациями. При имени «Аэлита» я чувствовала причудливый узор из постоянно пересекающихся крестиков и ноликов на голубом фоне разочарования. С него и начнём, и разочаруюсь я, пожалуй, в неумении играть...

Через некоторое время кое-что стало вытанцовываться. Аэлита представляла собой красный колышущийся контур из букв на серо-фиолетовом лице Библиотекаря Галины. Однако мне катастрофически не хватало сил, чтобы наполнить эту картинку энергией; откуда и от кого почерпнуть их, я не знала. «От того, с кем хочешь связаться», — вспомнила я слова Восстания Ангелов, сказанные им на вводной лекции в день моего рождения. Чудесно! Но я не хочу ни с кем связываться... вот незадача.

Какое-то время я просто поддерживала жизнь образа Аэлиты и наблюдала за ним. Потом мне пришла в голову идея приснить его Тёмной Стороне. Но как, если я не сплю с ней в обнимку?! Может, визуализировать образ Тёмной Стороны? Заякорив образ Аэлиты запахом буквы «А», похожим на запах настороженного предчувствия, я занялась новыми ассоциациями.

Мои силы иссякли как обычно на самом интересном месте в тот момент, когда я пыталась переплести образы двух Книг, и заметила,

что во время наложения образ Аэлиты меняет свою структуру. Так и не почувствовав никакого отклика от реальных Книг, я провалилась в бесформенный разноцветный мир снов, едва успев сделать установку на солнце.

Проснулась я сама по себе, подкачавшись приснившимся теплом. Включив слух, я тут же выключила его, ибо едва не оглохла. На улице происходило что-то очень шумное и непонятное. А, обернувшись, я обнаружила, что у меня новый сосед — какой-то Тюбик.

— Эй, дружок! — со всей своей нежностью позвала я. — Ты живой?

Ноль эмоций. Попробуем ещё раз. И ещё...

Тюбик не откликнулся. Так. Хорошо, включу слух потихоньку, для этого представляю, что он уже включён...

Звуков такого количества и качества слышать мне ещё не доводилось! Отличить один от другого было достаточно просто, а вот определить их источник... не удавалось до тех пор, пока я не услышала раскаты грома!

На улице творился дождь, даже не дождь, а ливень — его капли били по крыше с такой силой, что дрожало всё вокруг, причём эта самая крыша находилась в непосредственной близости от меня. Сквозь шум долетали неразборчивые обрывки человеческой речи — видимо, люди пытались перекричать стихию. Сюда же добавлялся гудящий, пронизывающе-шелестящий звук очень сильного ветра — по крайней мере, таким он мне представлялся. А гроза... гроза ошеломяла, оглушала, прорирала до самых кончиков страничек. Она была настолько близко, что явления природы, наблюдаемые когда-то из окон Библиотеки, показались мне фальшивыми, детскими, ненастоящими. Неожиданно раздался резкий скрипящий звук, похожий на усиленный в тысячу раз звук рвущейся бумаги, и в моих глазах помутнело. Я услышала обрывок голоса Динозавра:

— ... упала! ... метра от палатки!

Новый сосед не подавал признаков жизни, и я подумала, что он отключил все органы чувств. Восстание Ангелов называл подобную вредную практику тотальной сенсорной депривацией, в которой сложнее всего — заставить не работать интуицию. Я этого не умела. Что до зрения и слуха, то это легко приобретаемые умения Книг... а вот насчёт Тюбиков я была не уверена.

Несмотря на естественно возникший страх, я почему-то очень хотела хотя бы одним глазком взглянуть на бурю. Но людям сейчас, конечно, не до меня... А со страхом надо что-то делать, и я принялась трясти Тюбика, в том числе и на ментальном уровне. Взяв на вооружение методы выведения Книг из летаргической апатии, переданные мне библиотечными друзьями, я исколола розовыми иглами всю защитную оболочку своего соседа. Наконец, он соизволил вздрогнуть и очнуться. Тюбик долго не понимал, что происходит, а я уже находилась в полуобморочном состоянии.

— Эй, друг! Привет! Проснулся наконец-то. Ты извини, что я тебя потревожила, но если бы я этого не сделала, ты бы мог проспать свой звёздный час.

Улыбнувшись сквозь мутную пелену тревоги, я прижала Тюбика к себе.

— Ты к-кто? — раздался его не похожий ни на что голос.

— Я Безусловная Любовь, твоя лучшая подруга на данный момент. Хватит страдать депривациями, хватайся за меня, и будем учиться смотреть опасности в лицо.

— Зачем? — не понял Тюбик.

— Чтобы жить, милый мой. Жить! А не быть бесчувственным предметом для людей!

— Ааа... — ответил ошалевший сосед и робко прильнул ко мне.

— Так-то лучше.

Вдвоём уже почти не страшно. А уж в эмпатии...

— Ну, откройся, пожалуйста, — шептала я, хотя на самом деле кричала. — Ну что тебе стоит... не съем же я тебя!

Пока я боролась с Тюбиком, совсем не заметила, как тряпочная стенка рюкзака стала влажной.

— Перенесите нас под крышу! — закричала я.

Понимая, что люди, и даже Григорий, меня не услышат, я мысленно обратилась к Манополюсу: «Попроси перенести рюкзак со мной под надёжную крышу!»

— Эй, Тюбик! Ты знаешь Манополюса — Настольную Игру Шахматы?

— Д-да...

— Отлично. Сейчас мы с тобой будем мысленно призывать его нам помочь. В воображении. Используй все свои силы, что есть. Хорошо,

мильй?

— А что н-надо попросить? — спросил Тюбик.

— Чтобы рюкзак передвинули под крышу.

— Х-хорошо.

— Я тебя люблю. Всё, поехали.

Уффф... Сопереживать он совсем не умел, но, по крайней мере, подстроился к моему пространству воображения. Я решила послать Манополюсу ощущение, что в него играют, благо я его прекрасно помнила...

Во время нелёгкого процесса отдачи пришлось представить себя без обложки, поскольку жжение от проступающей через стенку рюкзака влаги становилось нестерпимым. Но до страничек оно не дошло, и я, открыв зрение и слух, поняла, что рюкзак подвинули — изменилась тональность звуков хлеставшего по крыше палатки дождя.

У нас получилось? Может быть. Но соседа надо приободрить.

— Эй, Тюбик, спасибо тебе! Кажется, у нас получилось, ты молодец!

— Д-да, — он потихоньку отлипал от меня.

— Как тебя зовут-то хоть?

— Моё Солнышко.

— Красиво! Ты хороший!

— Т-ты тоже. Ты Книга?

— По форме — да, по содержанию — нет, — уверенно ответила я.

— Я в-вымотался.

— Отдохни. Прижмись ко мне, не отлипай, пожалуйста. Вдвоём не страшно.

— А одному с-страшно?

— Да тоже нет, на самом деле. Чего нам бояться, если произойти может всё, что угодно?

— Может, с-смерти.

— Мы бессмертны, мильй. Умереть может только то, что нами не является, и чем не являемся мы. Мы с тобой не можем контролировать ни жизнь, ни смерть. И то, и другое — это действия какой-то другой, неведомой нам Силы.

— А наши т-тела к-как же?

— Ты можешь контролировать своё тело? Нет. Значит, тело не твоё, а значит, ты не тело. То же самое с мыслями. Мысли не твои — а

значит, ты ими не являешься. Ты не в силах изменить прошлое или контролировать будущее — выходит, бояться нечего. Прими с благодарностью всё, что с тобой случается.

— Но откуда т-ты это з-знаешь?

— Н-не знаю, — ответила я, неожиданно начав заикаться.

— Но к-кто мы т-тогда?

— Н-не знаю. Но м-мы не то, что я перечислила.

Тюбик затих, наверно, задумался. А я вообще не поняла, кто произнёс последние фразы моим голосом, потому что они взялись ниоткуда. Я никогда не мыслила такими странными категориями... И совсем не была уверена в своих словах.

А буря продолжалась. Что творилось там, за пределами нас с Тюбиком, за границей такого ненадёжного тряпчатого рюкзака, мне оставалось только догадываться. Я сделала всё, чтобы настроиться на аудиосвязь с Григорием и через него услышать, о чём говорят люди. Но до меня долетали лишь отдельные слова:

— ...Мухомор... Жанна... где... живы... делать... молиться...

Это были голоса Динозавра, Крота и Ирины.

Через какое-то время я решилась перенастроиться на Ирину, канал с которой ясно чувствовался. Появился взволнованный голос Жанны:

— ... с корнем... ураган... лодку... рюкзак... лагеря... мы поднялись... молния...

— Крот... аптечка... — голос Динозавра. — ...Делать... знает? Ира... альпинист... что-нибудь!

— ... аптечку найди... палатку! ...нужно сделать! — голос Иры.

— ... огонь сделаем? — голос Крота.

То ли мне показалось, то ли действительно стихия отступала. Внешний шум стал тише, дождь уже не так отчаянно наяривал по крыше, да и ветер, похоже, успокаивался. А я уже и не знала, насколько могу доверять своему каналу связи.

— Эй, Тюбик! Моё Солнышко!

— Д-да?

— Что это было? Буря?

— Люди г-говорят, д-да.

— А ты их хорошо слышишь? У меня из-за грохота сбивается настройка и слух пропадает.

— Х-хорошо.

— Тогда рассказывай, что там происходит. Я совсем ничего не понимаю.

— Х-хорошо. К-как ты д-доволокла его? Он же т-такой т-тяжёлый. Это г-говорит К-крот. Я н-не знаю, т-только п-помогите ему. Д-денис, что ты к-копаешься? З-здесь н-нету ничего. Это г-говорит Жанна. Н-нигде н-ничего н-нет! В-все п-палатки р-разметало по лесу, м-мы только М-мухоморову с-спасли. Это орёт Д-динозавр.

— Боже мой, что там произошло? Какое-то несчастье? — я растерянно посмотрела на Тюбика, хотя в полумраке почти не видела его.

— Ж-жанна плачет.

— Что же случилось? Это ведь с Григорием что-то случилось, да?

— М-молчи. Не перебивай м-меня. Он д-дышит, но без с-сознания. Ищите мою аптечку и р-разводите огонь. К-кипятите в-воду. Д-делайте что-нибудь. К-крот, п-пожалуйста. Это п-приказывает Ирина.

— Спасибо, Моё Солнышко, я уже могу слышать нормально. Ирина целиком настроена на волну моей связи с Григорием. Похоже, дождь совсем кончается.

— Д-да. М-мы д-должны помочь ему.

— Но как? Как я могу помочь ему, милый?..

Вопрос повис в воздухе. Контакттировать с людьми не во время чтения я не умела. Знала, что такое возможно, но даже Библиотечные Книги не сильно распространялись по этому поводу.

— П-помолись, К-книга. Я буду м-молиться.

Тюбик отвернулся от меня и что-то забормотал себе под нос. Я была в шоке. Я не ожидала от него такого, поскольку думала, что он глупое и заторможенное Существо! А он чудесный! Чудесный!!!

— Жанна, он жив, всё в порядке, — произнесла Ирина, её голос звучал громко и уверенно.

— Но почему он не приходит в сознание? — сквозь слёзы и всхлипы спросила Жанна.

— Потому что в него угодила молния. Не задавай глупых вопросов...

— Где я возьму сухие дрова? Всё, что мы заготовили и хранили под тентом, разбросано в радиусе двухсот метров...

— Крот, не задавай глупых вопросов! Собери всё, что есть сухое, и сделай костёр. Прямо перед палаткой делай.

— Нет ничего сухого...

— Господи, Крот! Мухомор может умереть, ты это понимаешь?!
Делай хоть что-нибудь!!!

Ирина кричала, и мне было больно слышать её надрывный обеспокоенный голос. Жанна, похоже, не могла ничего делать и продолжала плакать.

Странно, что я за всю свою жизнь не выучила ни одной молитвы. Пытаясь разобраться, кто Бог, а кто не Бог, я совсем забыла об этом. Поэтому молилась я всегда спонтанно.

— Кто бы ты там ни был, Автор ли, Типограф или может, Идиот...
помоги, пожалуйста, Мухомору... Спаси его... — прошептала я
несколько раз.

Вдруг я почувствовала, что перемещаюсь — кто-то схватил рюкзак.
Некоторое время нас с Тюбиком потрясло, а затем раздался голос
Крота:

— В мухоморовом рюкзаке только карта Знахаря. Годится?

— Н-нет, — неуверенно ответила Ирина. — Ищи ещё, если ничего
не найдёшь, то тогда карту. Найди мой рюкзак, там фляга с абсентом.

— В моём посмотрите, — наконец, откликнулась Жанна. — Там
была зажигалка.

Неожиданно меня ослепил яркий свет. Зажмурившись, я крикнула:

— Тюбик, Моё Солнышко! Что происходит?

— К-крот открыл к-карман, где мы ж-живём. М-молись. Г-громче!

— Зубная паста не подойдёт? Ага, тут Книжка. Сгодится.

Незнакомая рука вытащила меня из рюкзака, подняла повыше. Я
открыла глаза и на один миг увидела изумительную картину... Этот
миг навечно зафиксировался в моей памяти.

Крот с любопытством осматривал меня. Внизу находился рюкзак, а
чуть дальше от него — приоткрытая туристическая палатка, такая же,
какую Мухомор возводил у себя в комнате, чтобы показать гостям. Я
увидела тень Ирины в ней, оглянулась вокруг.

Лес после бури. Вывороченные с корнем, поваленные деревья.
Запах воды, повсюду вода, несколько её капель-уколов упали с веток
прямо на странички. На земле — различные Существа, посуда, тряпки,
дрова, одежда. Повсюду грязь. Тёмный силуэт Динозавра держит в
руках оранжевый рюкзак, идёт сюда. Незнакомый, но такой сильный и

яркий аромат свежести, природы, деревьев... от него задрожали странички, помутнело в глазах.

— Денис нашёл твой рюкзак! — крикнул Крот.

— Несите сюда, скорее, — голос Ирины.

Я снова посмотрела вниз и увидела какое-то Существо в траве, пригляделась... это был Манополюс. Тем временем Крот убрал меня в карман своей куртки и шагнул к палатке.

— Манополюс!!! Настольная Игра Шахматы! — закричала я изо всех книжных сил.

— Безусловная Любовь! — услышала я.

— Спасибо тебе!!! За передвинутый рюкзак!!!

— ...

— Что?! Я не расслышала...

— ... встречи!

— До встречи...

Подошёл Динозавр, передал оранжевый рюкзак внутрь палатки. Я пыталась заглянуть туда, но, видимо, Мухомор лежал с другого края. Из палатки высунулась голова Жанны, лицо её было заплаканным, а волосы — мокрыми. Она что-то передала Кроту. А тот вновь достал меня из кармана и произнёс:

— Скажи Ире, что огонь скоро будет.

— Но это же Книга! — сказала Жанна.

— Будет жить — новую купит, — сказал Крот.

Я даже не сразу поняла, что происходит. Я не привыкла к тому, что разговоры людей касаются меня. Но был ли у меня выбор? КАК я могу повлиять на людей, которые меня даже не читали? Был бы в сознании Мухомор...

Голос Динозавра:

— Нашёл относительно сухие щепки, там, под полиэтиленом, на земле. Наш тент унесло и придавило упавшей сосной.

— Быстрее давай, — голос Крота.

Со мной в руке он зашагал в сторону от палатки, нагнулся и подобрал несколько еловых веток. Затем вернулся.

Что он собирается со мной делать? Зачем я ему?! О чём они говорят?! Боже мой...

Крот открыл меня, и я не успела по-настоящему испугаться. Резкая пронзительная боль обрушилась на меня, заставив отключить зрение,

слух и обоняние. Одним движением руки Крот вырвал из моей середины несколько центральных страничек...

Картина реального мира — лес, люди, палатка, запах воды — несколько раз мигнула в сознании и с грохотом пропала. Но тело продолжало чувствовать — ведь осязание оставалось. Я не знала, что с ним делать, и решила даже не пытаться отключать. Это странное, неприятное, зловещее ощущение, когда моя часть, ещё живая, уже мне не принадлежит. Истекало болью только место разрыва, а лишённые тела пять страничек... они жили до тех пор, пока к ним не прикоснулось пламя от зажигалки.

Они сжигали меня по частям.

ЗАЧЕМ?!

Ведь я не сделала им ничего плохого!

Ведь я... только начала жить, хотела вернуться в Библиотеку, хотела к новым друзьям... мой путь... разве он может быть таким коротким... Господи, Автор мой, спаси и сохрани...

Пламя коснулась вырванных страничек, и я снова включила зрение и слух, потому что не хотела умирать бесчувственным куском бумаги. Но вот только не увидела Крота и огня... я оказалась на горе, рядом с крестом. Неужели боль была настолько сильной, что лишь спасительное видение могло помочь не потерять восприятия?

Учителя уже прибили к кресту. Неподалёку толпились люди в хитонах и стражники в доспехах. Рядом с крестом, на котором распинали Иисуса, вбили ещё несколько крестов, на них страдали незнакомые люди. Лицо моё почему-то было заплаканным. Я утёрла слёзы рукавом, оглянулась по сторонам, заметила Марию из Магдалы. Откуда я её знала? Подошла к ней, спросила:

— Что происходит?

— Он отдаёт жизнь за тебя.

— Что происходит со мной? — я заметила, как низ моего платья задымился.

— Ты... ты горишь, Анна. Ты спасаешь его.

Инстинктивно я повернулась к кресту, и на мгновение увидела на нём Григория. Тряхнула головой. Иисус узнал меня в толпе и улыбнулся с креста.

— Анна! — окликнул знакомый голос.

Я увидела Фому. В тот же миг сердце куда-то провалилось, и на его месте образовалась чёрная дыра. Я едва устояла на ногах — спасибо Марии, которая вовремя поддержала меня за руку.

Он быстро подошёл ко мне. Других учеников почему-то не было, и я не осмелилась спросить Фому. Его взгляд был красноречив, на лице не отражалось ни капли сомнений.

— Это правда? — спросил Фома.

— Зачем тебе мой ответ?

— Потому что Иуда повесился. Все наши братья поверили ему.

— Но почему вы не поверили Учителю? — не поняла я.

— Потому что нам надо решить: кто продолжит его учение на Земле, и будешь ли ты среди Избранных.

— Как он скажет, так и будет.

— Он уже сказал. Он указал всем нам, но мы сомневаемся в тебе.

— Но он не сомневается во мне!

— Это уже неважно. Через несколько минут он умрёт и не сможет помешать Петру убить тебя.

Я оттолкнула стражника и быстро подошла к кресту. У меня на шее висел маленький медный сосуд для масла, я сняла его и поставила на песок. Кровь из ран Учителя закапала в него.

— Что ты делаешь? — вооружённый римлянин подошёл ко мне.

У него было лицо Григория, испуганное и уставшее. Повинуясь незнакомому инстинкту, я взяла маслёнку, промокнула указательный палец в крови и начертила крест на лбу этого человека.

— Живи, — сказала я ему.

— Анна! — Учитель звал меня.

Вооружённый человек растерянно шагнул в сторону, но подошёл Фома.

— Ты хотела о чём-то спросить?

Превозмогая промозглый стыд и беспощадное чувство вины, я подняла взгляд. Иисус смотрел на меня сверху вниз, очень ласково и предельно нежно — так смотрит любящая мать на только что родившееся дитя.

— Учитель, я не предавала тебя. Но мои братья считают иначе. Они хотят покарать меня.

— Они не ведают, что творят. Прости им, как я простил.

— Я должен знать правду, — обратился к распятому Фома.

— Но станет ли тебе легче от неё?

— Станет, Учитель. Ты видишь, здесь только я и Анна. Остальные ученики не пришли.

— Правда в том, что никто не предавал меня, — сказал Иисус.

— Не может быть... я не верю! Иуда сказал перед смертью, что это сделала Анна!

Будто целый мир упал с плеч. Теперь уже было всё равно, что сделают со мной ученики. Мне достаточно искреннего, ясного взора Учителя, чтобы понять его последний урок, и я припала к подножию распятия в молчаливой благодарности за всё... прекрасно понимая, что никакими молитвами мне не выразить этой безумной, всежигающей, всепрощающей благодарности... за Его Любовь.

Меня тронули за плечо, я оглянулась, но это был не Фома.

— Мария... — прошептала я.

— Пора, Анна, — сказала она. — Пошли. Я спрячу тебя, никто не найдёт.

— А Фома?

— Фома единственный, кто может стать на нашу сторону, и я попытаюсь его уговорить.

— Спасибо.

Я подхватила сосуд с кровью Иисуса, прикрыла его и сунула в руку Марии:

— Сбереги это.

Я не могла не обернуться, чтобы взглянуть на Учителя.

— Мы встретимся, — прошептали его губы, и я была уверена, что никто, кроме меня, не слышал его последних слов.

Платье дымилось и почти совсем сторело — как я могла не заметить? Но этого не замечал никто вокруг, и Мария вела меня, обнажённую, по улицам города. Я не понимала, как шла, потому что совсем не чувствовала ног. Пару раз я глянула вниз — стоп не существовало, и я просто парила, не касаясь земли.

Мы оказались на одной из рыночных площадей Иерусалима. Посреди неё горел огромный костёр, и я дёрнула Марию за рукав:

— Давай остановимся! Что это?

— Анна, нам нельзя останавливаться. Нас могут найти.

— Погоди, это же сжигают Книги! — я вырвалась и побежала, но тут же остановилась, заметив Андрея, Петра и других.

Вокруг костра собиралась толпа любопытных, а ученики вытаскивали из мешков сопротивляющиеся Книги и кидали в костёр. Густой чёрный дым уходил в безоблачно бездонное небо.

«Ерунда какая-то, Учитель не писал Книг! — подумала я. — И откуда могли взяться Книги на этой площади, в эпоху Иисуса Назаретянина, когда ещё не изобрели даже бумагу?»

— Все слова — ложь! — кричал Андрей в толпу, доставая очередную Книгу и тряся ею над головой.

— Не позволяйте себя обманывать! — вторил Яков, горящим взором окидывая находящихся неподалёку равнодушных солдат.

Мне это только кажется? Почему моё тело медленно исчезает? Почему я перестаю чувствовать свои ноги? Почему я почти не чувствую своё лицо? Мне это только кажется.

На свой страх и риск я подкралась к мешку Якова и выдернула из него одну Книгу. Но меня снова подхватила под руку Мария и быстро увела с площади. Некоторое время мы бежали, пока я не сказала:

— Стоп, подожди! Может, мы зря бежим.

И, наконец, посмотрела на Книгу. Она висела в воздухе на моих уже невидимых, почти метафорических руках... Может быть, я сплю, но скоро проснусь и удивлюсь тому, что я на самом деле существую.

«Безусловная Любовь» — было написано на обложке Книги, но имени Автора я не увидела. Я открыла первую страницу — там почему-то находилось зеркало, и я заглянула в него.

«Безусловная Любовь» — было написано на моём лице, которое плавно растаяло, когда зеркало приблизилось.

И мне стало по-настоящему страшно.

— Мария, что со мной?

Мария улыбнулась. Откуда я знаю её?

— Ты горишь... горишь... горишь...

Она отобрала Книгу и спрятала в заплечный мешок, затем помахала рукой у меня перед глазами.

— Я здесь, со мной всё в порядке, — откликнулась я.

— Я тебя плохо вижу. Пойдём.

В мешке Марии было тепло и уютно.

На какое-то мгновение глаза самопроизвольно открылись. Огонь... вокруг меня, внутри меня, везде и всюду огонь... согревающее и спасающее пламя. Кто сказал, что гореть — это больно? Всё наоборот, вода для Книги — боль, а огонь...

— Неси котелок, сейчас воду вскипятим.

Они читают мои мысли? Что ж, здорово. А если я спрошу, как там Мухомор, мой четвёртый Читатель?

— Он приходит в себя, — донёсся далёкий женский голос.

— Вот и чудесненько. Мухомор у нас гением будет. Молния абы в кого не попадает!

Странный запах. Полынь? Очарование? Леночка?

— Спасибо за абсент. Хорошо горит, зараза!

Моё тело... где оно? Я видела только огонь вокруг. Где моё сознание? Кто я? Кто во мне ещё жив и почему я перестала что-либо чувствовать?

— А-а-а-а-а... Помогите...

Мой крик! Это я кричу, мне больно... Это не сон, это не видение... не может быть!!! Я хочу проснуться... закройте меня, я не хочу, чтобы меня читали! Не читайте меня, пожалуйста... Помогите... Что вы делаете... люди...

— Давай вернёмся на площадь.

— Это кто говорит? — Мария остановилась и замерла.

— Это я, Анна, зову тебя.

Откуда появилось желание? Я не знаю. Но то, что я, Книга, могла говорить с человеком, находясь у него в мешке за плечами, и человек меня слышал и понимал... Чудо?

Мешок был залатан в нескольких местах, и я могла наблюдать улицу сквозь щель.

На площади происходило ужасное. На деревянном помосте стоял столб. Обнажённую девушку привязали к столбу и сжигали живьём. Палачей я не видела, зато слышала шум взволнованной толпы и чувствовала липкие слёзы Марии на своих щеках.

— Это же Анна! Господи, что они делают! Она живая!

Я почувствовала, что Мария побежала, но два стражника преградили ей путь.

«Почему Книги не сжигают себе подобных?» — спросила я.

— Анна, я здесь! Я здесь... Анна, я здесь... Я здесь... — Мария упала на колени, кричала, плакала и неистово молилась.

К ней подошли какие-то люди. Я их помнила, но не знала. Иисус, Симон, Андрей, Фома...

— Её предал Иуда, — сказал Фома.

— На её месте должен быть я, — сказал Иисус.

— Она спасает тебя, — добавил Андрей.

Я потеряла сознание от беспомощности и на миг открыла глаза. Как же мне легко... Как легко!!! Главное, чтобы он жил. «Главное, чтобы он жил». Главное, чтобы Он жил...

Крот, Динозавр, Жанна и Ирина сидели вокруг костра. Я видела их головы откуда-то сверху, всё ещё чувствуя сладковато-очаровательный запах густого дыма. Там, внизу, в огне догорала Книга — то, чем я никогда не была.

Вдруг Ирина сложила руки в молитвенном жесте и посмотрела на меня — в небо. Она что-то прошептала про себя, но я услышала только одно слово: «Спасибо».

Я благодарно улыбнулась ей в ответ.

И это было последнее, что я запомнила перед тем, как забыть навсегда.

* * *

Меня окликнули. Мне почудилось? Нет. Меня касались. Сколько времени прошло? Нисколько. Вот только что я делаю в лесу, летом, вечером, да ещё в таком виде?!

— Привет! Я Саламандра, Дух Огня. Меня зовут Эон, — услышала я незнакомый голос.

Хорошо. Замечательно. Боже, какая ты красивая!

— Привет, меня зовут Безусловная Любовь. Я — Литературное Произведение.

— Ты тоже Боже, ты тоже красивая. Но у тебя непонятное имя, у тебя длинный и странный титул! Впервые встречаю такую душу.

Замечательно. Хорошо. Ты мои мысли читаешь.

— А не придумать ли тебе прозвище? — предложила Эон.

— Знаешь, давно мечтала об этом. Может быть, прозвище «Анна» подойдёт? Как ты думаешь?..

«Я не думаю» — ответила Эон и обволокла мою руку.

Мы полетели.

* * *

Небольшая комната, единственным источником света в которой был бронзовый канделябр с тремя витыми свечами, казалась воплощением вечного тепла и робкой тишины. Беззвучно тикали настенные часы, за окошком накрапывал мелкий осенний дождь. За столом из красного дерева сидел пожилой мужчина в больших очках и что-то записывал в толстую тетрадь. Вся стенка перед ним была увешана написанными в разных стилях портретами одного и того же человека, известного среди людей как Иисус Назаретянин. Не сильно разбираясь в живописи, я всё же могло отличить приглаженную пастель от кусковатого масла, а сюрреалистическую темперу — от примитивной детской акварели.

«Хрестос, Мэри, 4 года» — прочитало я и спустилось чуть ниже. На столе моего Автора лежали уже изданные Книги, ради любопытства я прочитало имена некоторых из них:

«Учение Храма», «Сектоведение», «Опыт Дурака», «Апологетика», «Лирика», «Восстание Ангелов», «Кольцо Нибелунгов».

Автор на секунду приостановил писание, задумался, посмотрел на меня.

— Ты чудо, — сказал он. — Какое же ты чудо!

— Знаю, — рассмеялось я.

— Ещё пара абзацев, хорошо? И, пожалуй, будем завершать. Времени полтретьего ночи, да и вообще, весна на дворе.

— Вроде как осень? — засомневалось я.

— Вечно ты путаешь время и вечность! — рассмеялся Автор. — За то и люблю.

— Я тебя тоже люблю! — откликнулось я. — Завершай меня. Пожалуйста.

Автор благодарно улыбнулся в ответ.

* * *

Я открыла глаза, но не увидела света. Вокруг меня недоумённо хлопали глазами странные существа в мягких переплётках с одинаковыми рисунками на обложке. Они оглядывали меня со всех

сторон, копошились и попискивали. От этой суеты соседи оживали и принимались подражать тем, кто привёл их в чувство.

Я знала, что я — Книга. Откуда во мне появилось это знание, я понять не могла. Поскольку других сведений о себе обнаружить не удалось, я озвучила то, что было:

— Я — Книга.

— Впервые встречаю Книгу, с рождения знающую своё имя, — ответил кто-то.

— Вы о чём? — не поняла я.

— Зовут тебя так, дурёха! Якнига.

— Ой, спасибо, что вы мне сказали. Якнига. Красивое имя. А вас как зовут?

— Не знаю, прочитай, пожалуйста, у меня на обложке написано.

— У тебя написано «Безусловная Любовь». Тоже красивое имя...

— Бе-зус-лов-на-я-лю-бовь... — повторило Существо.

Вдруг я неожиданно резко подпрыгнула вверх и полетела. Но не одна — все Существа, которые были рядом со мной, тоже полетели. Куда мы летели, я не знала, поэтому на всякий случай съёжилась и зажмурилась.

Но ощущение неизвестности продолжалось совсем недолго — вскоре последовало приземление. Оно было неожиданно приятным. Я открыла глаза, с трудом привыкая к свету.

— Привет, Якнига! Очнулась? — спросил кто-то.

FB2 document info

Document ID: 659ebc3f-e613-11e1-8ff8-e0655889a7ab

Document version: 1

Document creation date: 16.08.2012

Created using: OOoFBTools-2.3 (ExportToFB21), FictionBook Editor
Release 2.6.6 software

Document authors :

- StudioR

Source URLs :

- http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3936845

Document history:

v 1.0 — создание fb2 — (StudioR)

About

This book was generated by Lord KiRon's FB2EPUB converter version 1.1.3.0.

Эта книга создана при помощи конвертера FB2EPUB версии 1.1.3.0 написанного Lord KiRon.

<http://www.fb2epub.net>

<https://code.google.com/p/fb2epub/>